НИКОЛА ТЕСЛА

Я МОГУ ОБЪЯСНИТЬ МНОГОЕ

ДНЕВНИКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые бесценные воспоминания великого ученого и изобретателя Николы Теслы стали достоянием общественности. Его открытия и научные прогнозы не потеряли своей актуальности до сих пор. Более того – многое, о чем говорил ученый, стало понятным только в XXI веке, а что-то остается загадкой и сейчас.

В том, что дневники впервые опубликованы в России, стране, к которой Никола Тесла относился с огромным уважением, можно усмотреть знак судьбы.

Случайно ли пожар 1895 года погубил лабораторию Теслы? Что связывало гения с русским ученым Михаилом Филипповым, изобретателем «лучей смерти»? Филадельфийский эксперимент. Мировая система беспроводной передачи энергии. Как все происходило и происходило ли на самом деле?

Дневники гения, много лет хранившиеся в архиве ФБР, не только проливают свет на его открытия, но и раскрывают тайны этой поистине магической личности, сумевшей опередить время.

Рукописи не горят…

Рукописи не исчезают…

Со страниц этой книги сквозь время с нами говорит Никола Тесла.

- Никола Тесла
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ 10 июля 1936 года
  - ○ Мой метод и моя нынешняя работа
  - ○ Мой характер
  - ○ Мои родители
  - ○ Начало моей жизни
  - ○ Прага
  - ○ Будапешт
  - ○ Париж и Страсбург
  - ○ Россия, в которой я никогда не был
  - ○ Нью-Йорк. Компания Эдисона
  - ○ Роберт Лейн и Соломон Вайль
  - ○ От переводчика
  - ○ В нужде
  - ○ Новая компания
  - ○ Питсбург

- Моя первая поездка в Европу
- Выстрел в Центральном парке[99]
- Гражданин Соединенных Штатов
- Телеавтоматы[127]. Маркони[128]
- Мировая система беспроводной передачи электрической энергии
- Турбины. Переговоры с адмиралом фон Тирпицем[149]. Морган-младший[150]
- 10 апреля 1942 года. Мой новый манифест
- 23 мая 1942 года
- 28 июня 1942 года
- 7 июля 1942 года
- 23 июля 1942 года
- 1 сентября 1942 года
- 10 октября 1942 года
- 1 января 1943 года. Нью-Йорк. Отель «Нью-Йоркер»[203]
- Послесловие Стевана Йовановича

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69

- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113

- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157

- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201

- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213

Никола Тесла
Дневники. Я могу объяснить многое

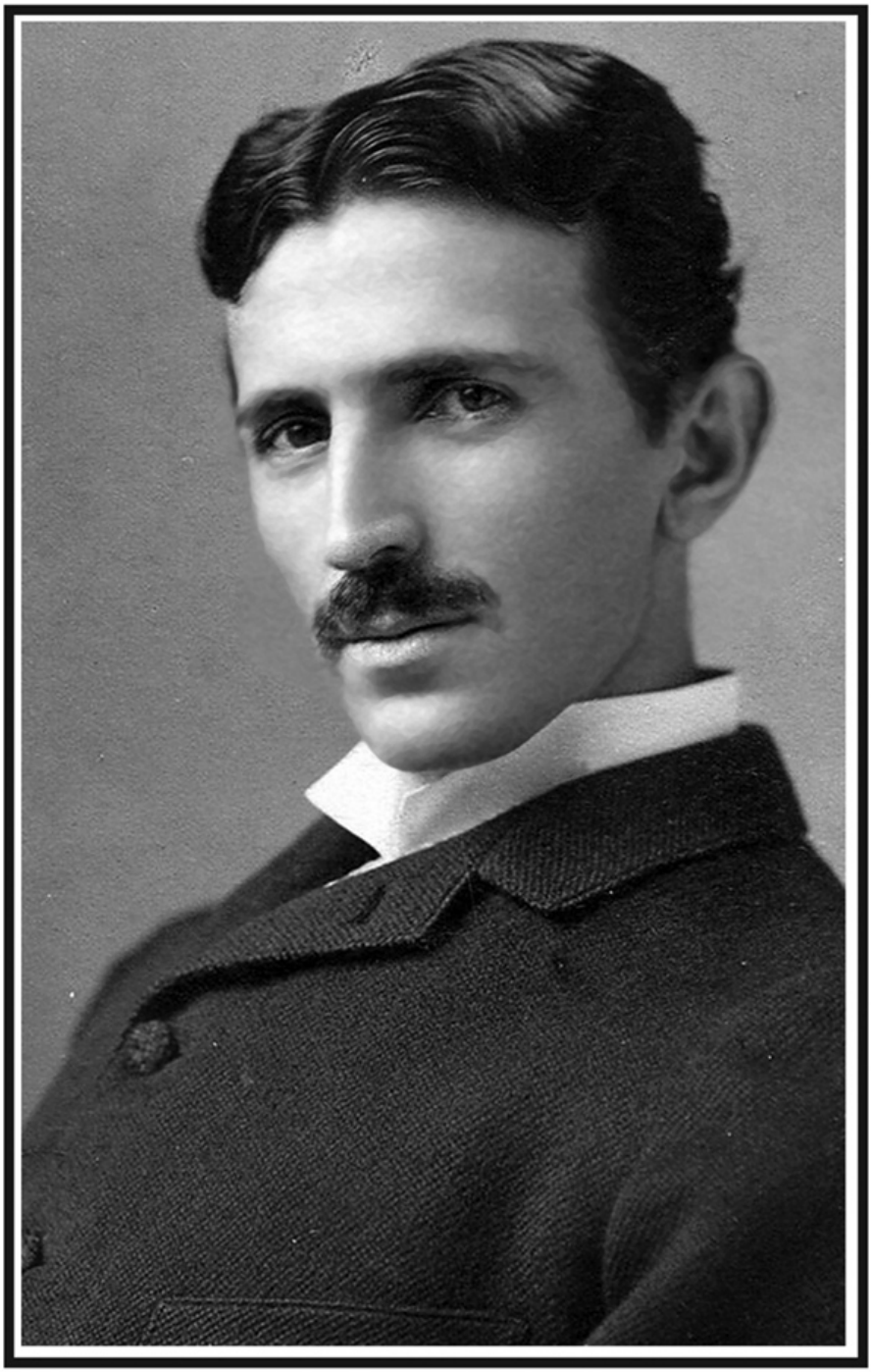
© ООО «Яуза-пресс», 2017

Изобретатели живут затворниками в своих лабораториях, в отрыве от жизни со всеми ее переменами, но время от времени им надо наблюдать жизнь, чтобы заряжаться энергией для новых изобретений.

Никола Тесла

Никола Тесла был не только гением, опередившим свое время, но и гением, способным смотреть сквозь время в будущее. Его невероятный ум давал ему возможность просчитывать пути развития науки. Никола Тесла наперед знал, каким путем будет двигаться человечество, и говорил о будущем так уверенно, как мы говорим о прошлом…

Бранко Ковачевич, декан электротехнического факультета Белградского университета



Предисловие

После смерти гениального ученого и изобретателя Николы Теслы в январе 1943 года его архив был изъят Федеральным бюро расследований США. Часть документов впоследствии была передана племяннику Теслы Саве Косановичу[1], но то, что было самым ценным, что составляло подлинный архив великого ученого, осталось в ФБР. В 1993 году по истечении пятидесятилетнего срока секретности должен был быть открыт доступ к архиву Теслы, но специальным распоряжением тогдашнего директора ФБР Уильяма Сэшшенса срок секретности был продлен еще на пять лет.

Я с нетерпением ждал, когда откроется доступ к архиву. И не только я один, многие этого ждали, надеясь, что изучение документов, оставшихся после Теслы, прольет свет на многие тайны. Мой интерес к Николе Тесле был вызван не только тем, что он был одним из величайших сынов сербского народа, но и родственными отношениями. Моя мать происходит из рода Будисавлевичей, из которого происходила бабка Николы Теслы по матери – София Будисавлевич, в замужестве ставшей Софией Мандич. Вдова президента Иосипа Броз Тито Йованка Броз тоже из Будисавлевичей. Несмотря на то что после смерти мужа ей долгое время приходилось вести затворническую жизнь[2], у нее сохранились многочисленные связи, благодаря которым я смог получить доступ к архиву Николы Теслы, нашего общего родственника. Но это случилось не в 1998 году, после истечения дополнительно установленого срока секретности, а гораздо позже. В 1998 году разразилась Косовская война[3], вызвавшая в США антисербскую истерию. В подобной ситуации нечего было думать о том, чтобы ознакомиться с архивом Николы Теслы. Я смог сделать это только в 2011 году, за два года до кончины Йованки Броз при помощи дочери президента США Ричарда Никсона[4] Патриции. С семьей Никсонов Йованку связывала давняя дружба, начавшаяся в октябре 1970 года во время визита Никсона с супругой в Югославию.

При знакомстве с архивом Николы Теслы я обнаружил, что он далеко не полон. Тесла был великим аккуратистом, он пронумеровывал все – тетради блокноты, чертежи, письма, копии писем и даже черновики. Причем Тесла использовал двойную систему нумерации – каждый раздел имел буквенно-цифровой код, с которого начинался номер тетрадей и пр. относящегося к этому разделу. Архив соответствовал описи, сделанной в 1943 году. Во время хранения ничего не пропало. Есть версия, что

часть архива была похищена немецкой разведкой. Из Берлина Тесле несколько раз поступали весьма привлекательные предложения, но он их неизменно отвергал, потому что не желал иметь ничего общего с гитлеровцами. С началом Второй мировой войны Теслу очень бдительно охраняли, поскольку боялись, что гитлеровская разведка может его выкрасть. Разведка смогла выкрасть лишь часть архива. Или же это просто версия, выдвинутая для того, чтобы скрыть что-то очень важное. Надеюсь, что не навсегда. Надеюсь, что если где-то существует еще какая-то часть архива моего великого соотечественника и родственника, то рано или поздно она станет достоянием общественности. На протяжении всей своей жизни Никола Тесла подчеркивал, что он работает не ради личного обогащения, а на благо всего человечества. Деньги были нужны ему только как средство для продолжения научных изысканий. Поэтому ни одна мысль великого ученого не должна быть утаена от человечества. Кто знает, что может вырасти из одной-единственной мысли?

В архиве Николы Теслы среди научных документов и писем я обнаружил воспоминания моего великого соотечественника и родственника, которые он начал писать в день своего восьмидесятилетия и закончил незадолго до смерти. Радости моей не было предела. Я не мог поверить в такое счастье. Со слезами на глазах я осторожно переворачивал пожелтевшие страницы и мне казалось, что сам Никола Тесла разговаривает со мной.

На улаживание юридических формальностей, связанных с получением прав на публикацию дневников (американские законы накладывают определенные ограничения на публикацию рассекреченных документов из архивов государственных служб, и, кроме того, я не единственный из ныне живущих родственников Николы Теслы), у меня ушло более двух лет. Но рано или поздно все заканчивается. Я заключил договор на публикацию мемуаров Николы Теслы с одним из авторитетных (точнее, казавшимся мне тогда авторитетным) белградских издательств, название которого указывать не стану, потому что это издательство обанкротилось спустя полгода после подписания договора. Банкротство вызвало длинную цепь судебных разбирательств, которым не видно конца. По договору я передал издательству права на десять лет и, таким образом, до тех пор, пока не закончатся разбирательства и права не вернутся ко мне, не могу передать рукопись другому издательству на территории Сербии, Хорватии, Черногории, Боснии и Словении.

Но, к счастью, права на публикацию в других странах остались у меня, и я принял решение опубликовать мемуары

Николы Теслы в России, в стране, к которой мой великий родственник относился с безграничным уважением. Известно же, что некогда Тесла чуть было не приехал работать в Россию, но в последний момент передумал и, на свою беду, отправился в Америку к Эдисону. И Америка, и Эдисон обманули надежды Теслы. Он так и не ощутил себя счастливым за океаном.

Я хорошо знаю русский язык. В молодости мне довелось побывать на двухгодичной стажировке в Советском Союзе, откуда я привез не только много хороших впечатлений, но и мою жену Ирину. Отбросив все прочие дела, я взялся за перевод мемуаров и спустя три месяца начал искать издателя в России.

В том, что мемуары моего великого соотечественника и родственника впервые выйдут в России, я вижу большее, нежели простое стечение обстоятельств. Я вижу в этом промысел Божий, отражение Высшей Справедливости. Спустя почти семьдесят пять лет после своей смерти Никола Тесла как будто приехал туда, куда так и не смог приехать при жизни. История не знает сослагательного наклонения, но мне кажется, что в России он сумел бы найти свое место и был бы счастлив. И не одному мне так кажется. В разговорах с разными людьми мне не раз приходилось слышать нечто вроде: «И далась Николе эта чертова Америка, будь она неладна!». Когда сербы говорят, что солнце всходит на востоке, они вкладывают в свои слова двойной смысл, потому что Россия всегда была и остается для Сербии олицетворением самых сокровенных надежд, примером для подражания и вдохновляющей силой.

В заключение хочу выразить свою признательность московскому издательству «Яуза» с которым мне было очень легко и приятно сотрудничать.

Стеван Йованович, журналист

10 июля 1936 года

Мне 80 лет. Я прожил на 10 лет больше моей матери и на 20 лет больше моего отца. Наш род вообще не мог похвастаться долгожителями. Насколько мне известно, никто из моих предков не перешагнул 90-летнего рубежа.

Не люблю круглых дат, потому что мой отец умер в год своего 60-летия, а мать в год 70-летия. Круглые даты неблагоприятны для нашей семьи. Когда-то я смеялся над суевериями, но сейчас мое отношение к тому, что называют «роком», изменилось.

Не понимаю, чем круглые даты отличаются от обычных. Юбилей? Всего лишь день в календаре, когда о тебе вдруг вспоминают те, кто тебя давно забыл. Журналисты с самого утра шумели в коридоре так, что у меня разболелась голова. Телеграммы я велел просматривать, не занося в мой номер. Здесь знают моих постоянных корреспондентов. Нетрудно запомнить, ведь в этом списке всего восемь фамилий. Почту от всех прочих лиц следует сразу выбрасывать. Одна из немногих роскошей, которые я могу себе позволить, это общаться только с теми, с кем мне хочется, не обращая внимания на условности, которые называются «правилами хорошего тона». У нас в Смилянах[5] было два правила – честность и доброта. Тот, кто не обманывал ближнего своего и был готов прийти на помощь считался порядочным, достойным человеком. Смиляны – маленький мирок, живущий по своим патриархальным правилам. В большом мире все иначе. Законченный негодяй, соблюдающий правила, придуманные другими негодяями, считается приличным человеком, достойным членом общества. Мне нет дела до их правил. Я всегда жил по своим, по тем, которые выучил в родительском доме. Мне всегда было безразлично то, что обо мне говорят те, кого я не уважаю. Значение имело только то, что думали обо мне люди, пользовавшиеся моим уважением, и что думал я сам. Никто не оценивал мои поступки строже, чем я. И если перед сном я мог сказать себе, что прожил день достойно, то засыпал спокойно.

Я всегда был выше презренного мира, в котором правят деньги. Деньги не могут заменить того, что вложил в человека Бог, но они могут ослепить, околдовать, подчинить своей воле. Мне всегда было безразлично, что говорят обо мне в обществе и что обо мне пишут в газетах. Но сегодня мне в голову пришла одна мысль, не имеющая ничего общего с наукой. Слушая гомон журналистов за дверью, я сначала подумал о том, что если бы у

меня было бы больше денег, то я бы мог снять весь этаж, и тогда бы меня никто не беспокоил бы. Немного странная мысль для человека, который только что написал о своем презрении к деньгам, и совершенно глупая с точки зрения логики. Разве журналистов что-то остановит? Если их не пустят в коридор, то они станут лезть к окнам по деревьям или по пожарным лестницам, станут шуметь под окнами.

У меня есть возможность обзавестись жильем, в которое не сможет проникнуть ни один проныра. Мой коллега Вэн давно зовет меня к себе[6], но я не соглашаюсь, несмотря на то что там мне не придется ни цента платить за жилье. Вэн шутит, что курьеры обходятся ему гораздо дороже[7], чем содержание коттеджа, который он мне предлагает. Как будто я не знаю, что курьеры ничего ему не стоят – за все платит дядя Сэм[8]. Переезд во многом упростил бы мою жизнь, но я не могу расстаться с Нью-Йорком, ставшим моим вторым домом. Здесь у меня живут родственники – мои голуби[9]. Я называю домом город, а не отель, в котором живу. Отель невозможно называть домом, да и, по сути, меня с отелем ничто не связывает. В любой момент я могу переехать в другой отель, но вот уезжать из Нью-Йорка не хочу. Я слишком стар для того, чтобы привыкать к новому дому.

Я отвлекся. Живость – главное свойство моего ума и даже возраст не в силах ничего с ней поделать. Я стар. В теле моем нет былой силы, зрение и слух уже не так остры, как раньше, но ум у меня такой же, что и в юности. Мысли носятся в моей голове вихрями, перескакивая с одного на другое. Я им не мешаю – пускай носятся. Они прекратят делать это тогда, когда сложатся в идею. Но что годится для науки, то не годится для воспоминаний, иначе никто не поймет того, что я напишу. А мне надо, чтобы меня поняли. Для этого я и решил в свободное время делать кое-какие записи о моей жизни.

Итак, о мысли, пришедшей сегодня утром в мою голову. Я вдруг подумал о том, что останется после меня. Мои изобретения, мои научные труды и огромное количество небылиц, которые выдумывают все, кому не лень. Я стар. Сегодня мне исполнилось 80. Жизнь близится к концу. На мне наш род пресечется. У меня есть племянники, с одним я переписываюсь[10]. Но он меня почти не знает. Переписки недостаточно для того, чтобы узнать человека как следует.

Я привык свысока глядеть на сплетников и лжецов. Я делаю это не только благодаря моему росту, но и потому, что я выше их духовно. Но иногда, когда лжецы переходят границы, мне приходится обращать на них внимание и давать им отпор. Пока я жив, я могу это сделать. Но после того как меня не станет, мое

имя начнут поливать грязью безбоязненно и некому уже будет за меня заступиться. Если племянник попробует, то клеветники ему скажут: «ты не знал его так, как знали его мы». Выход один – пока у меня есть силы, я сам должен рассказать о себе, отделить зерна от плевел, чтобы последующие поколения могли бы узнать настоящего Николу Теслу.

Мне приходилось писать о себе для журналов. Но если о своих изобретениях в «Electrical Experimenter» мне удалось рассказать без помех, то в «Scientific American» мой рассказ подвергся сильной правке. «Это неинтересно нашим читателям» или «это может повредить и вам и нам», говорили мне, что-то исправляя или вычеркивая. В результате от довольно подробной истории моей жизни осталось совсем немного. Вдобавок, редактор не ограничился вычеркиванием. Он дописал начало, в котором я рассыпался в комплиментах журналу. Любой хорошо знающий меня человек подтвердит, что комплиментарность мне совершенно не свойственна. «Искренность немногословна», – говорил мой отец. Напечатанная статья не понравилась мне настолько, что я отказался от гонорара и высказал редактору свое мнение о нем и его методе работы без каких-либо купюр.

В юности я не верил в Бога. Атеист в семье священника все равно что гусь в овечьем стаде – редчайшая редкость. Когда я сказал отцу, что не хочу идти по его стопам, потому что не верю в Бога, отец, вопреки ожиданиям, не рассердился. Он посмотрел на меня тем особенным взглядом, которым врачи смотрят на тяжелобольных, и сказал, что к истинной вере приходят через сомнения. Сомнения – это искус, который надо преодолеть, чтобы обрести крепкую, незыблемую веру. Мне на это потребовалось более 40 лет. Настал день (отца к тому времени же не было в живых), когда я осознал, что Бог есть. Каждая разгаданная тайна мироздания, каждое сделанное открытие приближало меня к мысли о существовании непостижимого Высшего Замысла, Закона над всеми законами. Меня по инерции продолжают считать неисправимым материалистом, но на самом деле я давно уже не таков. Я пришел к вере через долгий период отрицания, и вера моя крепка, как и предсказывал отец.

Перед лицом Господа нашего я клянусь, что буду писать только правду о себе, ничего не утаивая и не приукрашивая. В доказательство этого я начну рассказ о себе с самого гнусного моего поступка, за который мне стыдно до сих пор. В чем ужас неблаговидных поступков? В том, что все проходит, а стыд остается и сидит занозой в глубине души.

Я буду писать одну лишь правду о себе, какой бы она ни была.

Мне не хочется, чтобы потомки знали того Николу Теслу, про которого пишут в газетах. Но и рисовать идеальный образ я не собираюсь. У меня одна цель – показать себя настоящим, таким, какой я есть на самом деле. Свои воспоминания я начну с моего сегодняшнего дня. Расскажу о том, чем я сейчас занимаюсь, чтобы читатели моих воспоминаний не думали, что я выжил из ума и сочиняю сказки. Также я расскажу о своем научном методе, чтобы впоследствии было понятно, почему над одними вопросами я размышлял несколько лет, а ответ на другие находил сразу.

Мой метод и моя нынешняя работа

Я могу объяснить многое, но не могу объяснить того, как работает мой мозг. Ответы на одни вопросы я получаю путем долгой мыслительной работы. Я в первую очередь мыслитель и только во вторую экспериментатор. Сначала надо думать, а потом уже пробовать – ставить эксперименты, иначе вместо научного поиска получится блуждание в потемках. Ответы на другие вопросы приходят ко мне сразу. Стоит мне только подумать – и я вижу целостную картину. Такое впервые случилось со мной в 1882 году в Будапеште, когда во время прогулки по парку я вдруг увидел схему двигателя, работающего от переменного тока. Еще не поняв, что происходит, я начал быстро чертить схему тростью на песке, потому что до того дня у меня не было привычки всегда носить с собой блокноты и карандаши. Это озарение было первым в длинной цепи озарений, которые посещают меня до сих пор. Каким-то необъяснимым образом я могу заглядывать в будущее и получать оттуда ответы на свои вопросы. Речь идет не об открытии, сделанном логическим путем, а о появлении подробного ответа на вопрос без какой-либо мыслительной работы. Я словно смотрю сквозь время и вижу то, чего еще нет.

Ум мой устроен так, чтобы непременно находить всему объяснение, чтобы все знать. Я не могу начать есть, пока не высчитаю объем супа в тарелке и не удостоверюсь в том, что его именно столько, сколько требуется. Разумеется, природа моих озарений очень сильно интересовала меня. Отчаявшись получить ответ на этот вопрос самостоятельно, я обратился за помощью к ныне покойному профессору Холлу[11]. Тот изучал меня в течение года, но так и не смог ничего объяснить. Тогда я нашел объяснение сам. Я решил, что со мной поддерживает связь некая инопланетная цивилизация, скорее всего – марсиане. К этому выводу меня подтолкнула связь между моими озарениями и появлением на небе Марса. Правильный ответ пришел ко мне много позже. Я проснулся – и первой мыслью моей стала мысль о том, что все мои озарения есть чудеса, ниспосланные Богом. Я не верил в Него, я был строптив и дерзок, и Он, подобно доброму отцу, ласково и терпеливо увещевал меня, посылая мне одно доказательство Своего существования за другим на протяжении многих лет. В тот день я нарушил свой распорядок. Выбежал из отеля, сел в такси и велел водителю везти меня в православный храм. Я не знал его местонахождения, водитель такси тоже не знал, и полицейские, к которым мы обращались за помощью, не знали. Уже по одному этому факту можно судить о том,

насколько я был взволнован и растерян в тот момент. Вместо того чтобы носиться как безумный по Нью-Йорку, я мог бы позвонить кому-нибудь из земляков и спросить, куда они ходят молиться. Но я не сообразил этого сделать. Спустя один час и восемь минут наших поисков очередной полицейский вспомнил, что рядом с его домом есть православная церковь. «Там такие луковицы с крестами на крыше», – сказал он. «Да! – воскликнул я так громко, что полицейский и водитель вздрогнули. – Луковицы с крестами! Нам туда!» Мы приехали на 97-ю стрит в церковь Святителя Николая. То был последний из ниспосланных мне свыше знаков – обретя веру, я впервые помолился в храме святого, чье имя получил при крещении.

Впоследствии, во время случайной встречи с профессором Холлом я рассказал ему о том, что со мной произошло. Я не считаю нужным делиться сокровенным с другими людьми, делая небольшое исключение для сестер и племянника Савы, но Холл принимал участие в решении этой проблемы, и моим долгом ученого было рассказать ему о том, как она решилась. Кому, как не мне, знать о том, насколько мучительной может быть неразрешенная проблема! Она – словно заноза, засевшая в мозге, не дает покоя. Думаешь совсем о другом, но мысли постоянно сбиваются с пути. Выслушав мой рассказ, Холл улыбнулся и сказал, что он пришел к такому выводу еще во время работы со мной, но не стал делиться своими соображениями, поскольку я не раз говорил ему о том, что не верю в Бога. У Холла и его коллег есть мудрое правило – не говорить человеку того, во что тот не способен поверить, чего он не способен принять. Скажи мне тогда Холл, что мои озарения есть промысел Божий, я бы ему не поверил. Мог бы и шарлатаном назвать. В минуты гнева я становлюсь невоздержанным на язык и слов не выбираю.

Итак, мой научный метод состоит из двух частей – озарений, ниспосылаемых мне свыше, и итогов моей мыслительной работы. Озарения окончательно укрепили меня во мнении о том, что наука должна служить человечеству в целом, а не держателям патентов. Бог посылает мне ответы на вопросы не для того, чтобы я взял очередной патент. По каким-то неведомым мне причинам Он выбрал меня в качестве посредника между Ним и людьми. И мой долг – передать людям то, что я получил свыше. Я всегда считал, что живу и работаю для людей. Даже когда думал, что не верю, все равно так считал. У нас говорят: «Хороший конь даже в темноте не заблудится». Наверное, я был хорошим конем – даже без веры в душе, то есть – вслепую, шел в нужном направлении.

О моем научном методе я рассказал. Перехожу к проблеме, которая сейчас занимает мой ум.

В 1884 году в Париже, перед отплытием в Нью-Йорк, меня обокрали на вокзале. Украли и деньги и вещи. Той мелочи, которая осталась при мне, хватило только на поезд до Гавра. Я не люблю менять своих планов, особенно таких значительных, как переезд из Парижа в Нью-Йорк. Я помнил номер каюты и мне удалось сесть на корабль без билета, когда к отплытию выяснилось, что на мое место нет других претендентов. Планы менять не пришлось, но путешествие оказалось сплошной мукой. Не имея ни вещей, ни денег, я был вынужден сидеть целыми днями в душной каюте и заглушать голод мыслительной работой. Когда я увлекаюсь работой, то могу забыть обо всем прочем, в том числе и о еде. Но длительный голод работой заглушить не получалось, тем более на корабле. Вдобавок, каюта была ужасно грязной, а постельное белье находилось в таком состоянии, что только великая усталость смогла заставить меня лечь на койку. В первую же ночь добавилось еще одно огорчение – клопы, а когда океан стал неспокойным и началась качка, меня замутило. Все это, вместе взятое, за трое суток привело меня в такое состояние, что капитан, увидев меня на палубе, решил, что я заболел. На кораблях весьма настороженно относятся к заболеваниям, потому что если заболевание заразно, то в корабельных условиях оно распространяется невероятно быстро. Он хотел отвести меня к судовому врачу. Чтобы избегнуть ненужного осмотра (я очень тяжело переношу врачебные осмотры), мне пришлось рассказать правду. Капитан спросил, почему я не попросил еды на кухне, мне бы не отказали. Я ответил на это, что никогда ничего не прошу, мои принципы этого не позволяют и, в свою очередь спросил, не нужно ли ему починить что-нибудь из механизмов. Дело закончилось тем, что капитан пригласил меня обедать вместе с ним и его помощниками. Приглашение было сделано по всем правилам, и я счел возможным его принять. Доброта капитана меня спасла. Правда, за два дня до прибытия в Нью-Йорк я лишился его расположения по совершенно не зависящим от меня причинам, но к тому времени я уже успел прийти в себя, привык к качке, почти вывел клопов в каюте и потому два дня без еды не доставили мне неудобства.

Я объясняю все так подробно, чтобы было ясно, с какой силой терзала меня во время этого плавания мысль о том, как глупо терять столько времени на путешествие из Европы в Америку и терпеть столько мучений. Плавание на кораблях, даже на современных, весьма мучительно. Даже сами моряки, эти привыкшие к морю люди, которые считают корабль родным домом, радуются приходу в порт так же сильно, как дети радуются подаркам. Узнав у помощника капитана все данные о

пароходе, я начал думать о летающем аппарате, который мог бы перевозить такое же количество народу с гораздо большей скоростью. Данные моих тогдашних расчетов получались весьма оптимистичными. Пока что еще ни одному практическому образцу не удалось «обогнать» самолет, который я создал в своем воображении в 1884 году. Все дело в том, что по неопытности я не учел многих показателей, влияющих на полет, и, кроме того, вел расчеты с неким идеальным высокоэффективным топливом. На девятый день плавания ко мне пришло очередное озарение. Я понял, что трехмерное пространство под действием выраженных электромагнитных сил (говоря «выраженных», я имею в виду гигантские силы) может сворачиваться в трубочку. Мне трудно объяснить суть процесса простым языком, так, чтобы меня поняли люди, не знающие математики и физики. «Сворачиваться в трубочку» кажется мне наиболее подходящим объяснением. Возьмите лист бумаги, сверните его в трубочку, проткните насквозь иголкой, а затем разверните. Вы увидите, как далеко друг от друга (условно далеко) расположены проколы. Но ведь пока лист был свернут, они находились вблизи друг от друга, совсем рядом. Если свернуть пространство при помощи электромагнитных волн очень большой силы, то можно сближать континенты, переносить что угодно куда угодно за доли секунд! Это невероятное озарение ошеломило меня настолько, что я чуть было не упал за борт. Я пообещал себе, что при первой же возможности начну разрабатывать эту идею. Но вышло так, что я смог заняться ею только в прошлом году. Различные изыскания имеют разную цену. Этот проект очень дорогой, поскольку требует постройки как минимум четырех электромагнитов высочайшей мощности и ряда других затрат. Я планировал приступить к экспериментам по завершении создания «Мировой системы»[12], но планам моим не суждено было осуществиться. Я рассчитывал на то, что успех «Мировой системы» даст мне возможность приступить к другим исследованиям, но вместо успеха вышел крах, и от меня все надолго отвернулись. Когда я заводил речь о новом проекте, надо мной откровенно смеялись. Люди почему-то воспринимают то, что выходит за рамки их представлений, как невозможное. Я пытался объяснить, что электрические двигатели тоже когда-то казались сказкой и т. п., но так и не смог никого убедить. Лишь в прошлом году при помощи Вэна мне удалось начать работу над магнитным преобразованием пространства. Цель несколько иная, чем представлялось мне. Я думал о мирных грузах и обычных пассажирах, но вынужден разрабатывать эту проблему для военных. Это меня не огорчает, поскольку главное – найти

правильное решение проблемы. Кроме того, меня тешит мысль о том, что если военные корабли, самолеты и т. п. смогут мгновенно и беспрепятственно перемещаться в пространстве на дальние расстояния, то войны прекратятся. Войны начинаются сверху, а не снизу. Одни начинают войны, а другие воюют. Те, кто начинает, сидят далеко от фронта и чувствуют себя в безопасности. Но если они будут знать, что в любой момент на них может быть сброшена бомба самолетом, мгновенно переместившимся через пространство, миновавшем все заслоны, то они тысячу раз подумают, прежде чем начинать войну. Какой смысл в том, чтобы накликать гибель на свою собственную голову? Я остаюсь при своем мнении – я всегда считал, что войны прекратятся тогда, когда будет создано универсальное оружие – оружие, от которого не существует защиты. Война сродни азартным играм. Здесь все поставлено на выигрыш, ради этого приносятся жертвы. Если выигрыш невозможен, если обе стороны проиграют, то зачем начинать войну.

Два с половиной года назад, когда мне стало ясно, что в центре Европы снова созревает нарыв[13], я задумался над тем, как предотвратить грядущую войну. Дело в том, что еще в ходе экспериментов с моим осциллятором радиочастот[14] я открыл лучи сверхмалого диаметра, которые не годились ни на что, кроме разрушения[15]. Изучив их ровно настолько, сколько требовало мое любопытство ученого, я перешел к другим экспериментам. Разрушение никогда не интересовало меня, в отличие от созидания. Я вспомнил о них ради того, чтобы удержать Германию от попытки развязать войну. Всем нациям нужен мир, а немцам – мировое господство. У меня не было возможности для создания демонстрационного образца излучателя и проведения экспериментов с ним, но у меня были расчеты и протоколы экспериментов, которые я производил в начале века. По расчетам выходило (а мои расчеты всегда верны), что при помощи этих лучей можно будет сбивать самолеты противника на расстоянии до 250 миль! Армии можно расстреливать ими, как шеренгу солдат из пулемета. Я мирный человек и никогда не хотел иметь дело с оружием. Но ради того, чтобы спасти свою родину и весь мир от страшной угрозы, приходится менять свои взгляды.

Сначала я показал свои расчеты Вэну, но он не заинтересовался. Вэн старается не говорить мне слова «нет», но его «обсудим это позже» равносильно отказу. Тогда я отправил документы правительствам Югославии, Советского Союза, Франции, Великобритании, Канады и Соединенных Штатов. Вэн, каким бы авторитетом ни пользовался он в Белом доме, все же не

президент. Ответ пришел только из Советского Союза. Меня тепло поблагодарили и все.

Вэн подшучивает надо мной и называет меня «наивным идеалистом». Напоминания о моих лучах Вэн предпочитает пропускать мимо ушей. Он мне не верит. Что же касается моей теории «мирного равновесия», то Вэн и ее отвергает. Он утверждает, что в любом случае, при любом развитии военного дела, будут сильные и слабые, и сильные будут стараться подчинить слабых. Я не обижаюсь на Вэна по двум причинам. Во-первых, потому что очень уважаю его и как ученого, и как человека. Вэн – один из немногих людей, с которыми я могу вместе работать. Вторая причина заключается в том, что я уверен в своей правоте. Мой ум еще ни разу меня не подводил. Все мои мысли, догадки и предположения в конечном итоге оказывались верными. Во время прошлой войны императоры с королями сидели в своих столицах и не думали о том, что в каждую минуту их жизни могут оборваться, подобно жизням солдат на передовой. Знай они, что с ними в любой момент может случиться то же самое, вели бы себя иначе.

Я надеюсь дожить до того дня, когда контейнер с грузом меньше чем за секунду преодолеет путь от Нью-Йорка до Парижа или Лондона. Пока что мы разрабатываем систему транспортировки неживых грузов, поскольку надо как следует отработать ее, а уже потом переходить к экспериментам с живыми существами. Мне 80 лет, но в глубине души я остался ребенком. Это мне говорили многие. Я предвкушаю, как в один прекрасный день, я сумею отправить какой-нибудь подарок моей сестре Марице. Представляю, как удивится она, когда на столе перед нею вдруг появится коробка со сладостями, а сверху будет лежать записка от меня – «Дорогой сестре от любящего брата». Мальчишество, чистой воды мальчишество, но я не смогу отказать себе в этом удовольствии. В моей жизни осталось так мало удовольствий, что нельзя пренебрегать ни одним из них.

Мой характер

Я решил посвятить моему характеру отдельную главу в моих воспоминаниях, потому что большинство сочиненных обо мне небылиц касаются моего характера.

Небылицы исходят из двух источников. Журналисты, которым нужны сенсации, выдумывают мифы о моей ненависти к людям. Кто-то дошел до того, что написал, будто я стреляю во всякого, кто без разрешения появится на пороге моего жилища. Читая этот бред, я не мог сердиться, а только смеялся. Как, будучи в здравом уме, можно выдумать такое?

Ненависть к людям, нелюдимость, замкнутость – это то, что ставят мне в вину в первую очередь. Давайте определимся точнее. Замкнутость еще не означает ненависти к людям. Все то, что я сделал и продолжаю делать для человечества невозможно делать с ненавистью. Только с любовью. Я ненавижу тратить время впустую, это так. Мое время слишком дорого. Я постоянно думаю над серьезными научными проблемами. Вот даже сейчас, когда я пишу эти строки, какая-то часть моего мозга обдумывает данные последних экспериментов. Если меня отвлечь, то мой мыслительный процесс не просто нарушается. Я сбиваюсь с мысли, отодвигаюсь назад и мне требуется время для того, чтобы снова сосредоточиться. Несколько раз случалось так, что я упускал нечто важное, когда меня отвлекали, не успевал додумать мысль до конца. Позже я додумывал, но это вызывало задержку в решении проблемы.

Кроме того, далеко не все люди, с которыми сталкивает меня жизнь, интересны мне. Если человек мне интересен, то я с удовольствием буду с ним общаться. Если же нет, то не стану тратить на него время. Увы, интересных людей один на тысячу. Не надо забывать и о том, что, не имея своего дома, я вынужден жить в отелях, а здесь жизнь течет по своим правилам. То зайдет горничная, чтобы узнать, не нужно ли мне чего, то явится какой-нибудь коммивояжер, то журналист, то посыльный… Выход только один – повесить на дверь табличку с требованием не входить без вызова.

Если незнакомые или не входящие в мой круг общения люди узнают меня на улице, то я ничего не отвечаю и прохожу мимо. Причина та же – я не хочу тратить время попусту. Я не люблю лицемерия и считаю, что лучше уж я продемонстрирую искреннее нежелание общаться, чем буду отягощать себя лицемерным, совершенно не нужным мне общением.

В отношении людей, когда-то обманувших меня, я не питаю

никаких иллюзий и забочусь только об одном – не дать им обмануть меня снова. Уроком для меня стало общение с Эдисоном и его сотрудниками. После того как меня наглейшим образом обманули в Континентальной компании Эдисона[16], я переехал в Америку, снова поступил к Эдисону и снова был обманут, теперь уже не его сотрудниками, а им самим[17]. Горький урок обошелся мне в 75 тысяч 262 доллара 37 центов[18]. А во сколько оценить веру в людей? В товарищество между учеными? Самыми большими потерями в моей жизни были не деньги, а люди. Я говорю не о покойниках, смерть близкого человека больно ранит, но смерть – это естественный процесс, которого невозможно избежать. Я говорю о тех, кто разочаровал меня. Очень больно разочаровываться в людях, особенно в тех, кем до того восхищался.

Идеалы и принципы – это все, что у меня есть. Это то, что делает меня Николой Теслой. Я могу менять свои научные взгляды, если убеждаюсь в их ошибочности, но не меняю своих убеждений. Сейчас у меня идет длительный спор с Вэном по поводу исследований влияния электромагнитных сил на пространство. Военное министерство[19] хочет как можно раньше начать эксперименты с людьми. Вэн предлагал мне использовать добровольцев из числа военнослужащих, но я отказался. Мой принцип таков – сначала эксперименты с предметами, потом – с животными и только после с людьми. После добровольцев Вэн предложил мне использовать преступников, приговоренных к смертной казни. Им все равно умирать, пусть перед смертью принесут пользу обществу. Я снова отказался. Заодно я предупредил Вэна, что если он попробует проводить эксперименты с людьми без моего ведома, то я прекращу с ним сотрудничать[20].

Меня можно назвать каким угодно, но нельзя называть «взбалмошным человеком» или «сумасбродом», хотя эти характеристики часто употребляют мои недоброжелатели. У меня есть много недостатков, но сумасбродства нет ни капли. Все свои поступки я сначала обдумываю. Все принятые мною решения имеют под собой веские основания. Ни разу за всю свою жизнь я не руководствовался эмоциями. Только разумом! Всегда разумом! Случаются у меня вспышки гнева, когда я повышаю голос и начинаю жестикулировать, но даже в эти моменты мной управляет разум. Возможно, я кажусь эксцентричным, я это допускаю. Но я не сумасброд. То, что люди называют «причудами Теслы», на самом деле есть привычки, сформировавшиеся под действием определенных обстоятельств. Если я чего-то не выношу, значит у меня с этим связано какое-то плохое

воспоминание, мучающее меня до сих пор. Привычка к постоянным подсчетам выработалась у меня в юности. Подсчетами я тренировал свой ум. Ученому нужно уметь быстро и безошибочно производить в уме расчеты, а ни одно умение не вырабатывается без тренировки. Постепенно тренировка стала привычкой.

То, что я якобы не умею ладить с людьми, не умею работать в коллективе – ложь, пущенная в оборот Эдисоном и охотно повторяемая прочими моими недоброжелателями. В Будапеште и Страсбурге[21] могут найтись еще люди, которые опровергнут эту ложь, но мне не хочется тратить время на переписку и беспокоить людей столь же почтенного возраста, что и я. Я способен найти общий язык с другими людьми и работать в коллективе. Но сама сущность моей работы индивидуалистична. Мне не нужен коллектив для того, чтобы думать. Думать хорошо в одиночестве. Потому я и работаю в одиночестве. Меня очень задевает, когда меня «отшельника»[22] сравнивают с Эдисоном, который повсюду, разве что кроме сортира, ходил со свитой из сотрудников. Нельзя сравнивать, не понимая сути того, что сравнивается. Я не раз говорил и повторю сейчас, что у нас с Эдисоном совершенно разные методы. Я – мыслитель. Я сначала обдумаю проблему, а потом приступаю к экспериментам. Каждый мой эксперимент, еще до его начала, тщательно обдумывается на предмет простоты, быстроты и четкости. Эдисон же не любил и не умел думать. Он только экспериментировал, причем большинство его экспериментов были громоздкими и ненужными. Он бродил вслепую, искал наугад. Для множества экспериментов Эдисону требовалось много сотрудников (я говорю не о его компаниях, а о его лабораториях). Но сотрудники были нужны Эдисону не только для экспериментов. Он с легкостью присваивал чужие открытия и изобретения. Я испытал это на себе и знаю других людей, которых Эдисон обокрал и обманул столь же цинично, как и меня. Я подозреваю, что из более чем тысячи патентов Эдисона[23] на самом деле ему принадлежит не более двухсот. Из самых знаменитых изобретений Эдисона только телефонный передатчик – плод его собственного ума. Фонограф придумал один из первых сотрудников Эдисона по фамилии Бернштейн. Идею лампочки Эдисон украл у русского ученого Лодыгина[24]. Кинетоскоп и кинетограф[25] придумал и создал Уильям Диксон. Диксону повезло больше, чем остальным. Эдисон сделал его соавтором изобретения кинетографа – не отобрал славу, а «благородно» разделил ее, взяв себе большую часть. Этим он надеялся удержать Диксона при себе, но Диксон все равно ушел. Рано или поздно от Эдисона уходили все его сотрудники.

Коротко скажу так – я умею ладить с достойными людьми, а с недостойными стараюсь избегать общения. Это – главное правило Теслы.

Иногда людей заносит в обратную сторону, и они начинают приписывать мне несуществующие достоинства. Широко бытует мнение о моем пророческом даре, которого у меня на самом деле нет. Я не вижу будущего и не могу сказать, что ждет меня и всех нас хотя бы завтра, не говоря уже о более длительных сроках. Будущего я не вижу, но у меня хорошо развита интуиция. Иногда мне приходится резко менять свои планы (давая тем самым повод к очередным упрекам в сумасбродстве), когда меня посещают нехорошие предчувствия. Я не вижу никаких картин, просто при мысли о чем-то вдруг появляется сильная тревога, которая проходит сразу же после того, как я откажусь от намерения куда-то ехать или идти. Позже я узнаю о том, от чего меня уберегла моя интуиция. Мои тревоги никогда не бывают напрасными.

В заключение хочу сказать о моем пристрастии к чистоте. Это обстоятельство, пожалуй, обсуждается чаще всего. Мне смешно читать в газетах рассказы о том, как я «мучаю» горничных, требуя по нескольку раз в день убирать мой номер, или же о том, сколько полотенец в день я расходую. Да, я щепетилен во всем, что касается чистоты, но эта черта характера обусловлена высокой восприимчивостью моего организма к бактериям. Грязь губительна для меня, поэтому я слежу за тем, чтобы в местах моего пребывания было чисто. Там, где чистота оставляет желать лучшего, я стараюсь не снимать перчаток и как можно меньше к чему-то прикасаться. Врачи, к которым в последнее время мне приходится обращаться все чаще, считают мою привычку к чистоте разумной предосторожностью, а не блажью.

Больше мне о своем характере рассказать нечего.

Я – самый обыкновенный человек. Я не считаю себя гением. Мое отличие от других людей заключается лишь в живости и остроте ума. Нельзя сравнивать остроту ума с гениальностью. Гениями были Ньютон и Фарадей.

Мои родители

Отец мой, Милутин Тесла, в юности хотел быть военным по примеру своего отца. Как и всем мальчикам ему нравилась военная форма и прочие военные атрибуты. Но в офицерской школе он быстро познакомился с изнанкой военной службы и задумался о правильности своего выбора. Решиться уйти из школы ему было трудно, он боялся разочаровать моего деда Николу, обладавшего весьма строгим, если не сказать – свирепым, характером. Дед и представить не мог, что сыновья – отец и его брат Иосип – не пойдут по его стопам. Точно так же спустя много лет мой отец считал, что я непременно должен стать священником. Отцу помог случай. Один из его товарищей был несправедливо обвинен в воровстве. Отец, имевший обостренное чувство справедливости, вступился за товарища и надерзил начальству так сильно, что его собрались выгнать, но не успели – отец сам покинул школу и поступил в семинарию.

Отец очень много читал. Знания его были поистине энциклопедическими. Не было, кажется, области, в которой он не был бы сведущ. Хорошая память позволяла ему запоминать раз прочитанное навсегда. От отца я унаследовал его память и жажду к знаниям, а живость ума получил от матери. Моя мать Джука сильно уступала в знаниях своему мужу, но в том, что касалось живости ума, превосходила его во много раз. Она постоянно что-то придумывала, то очередное приспособление для печи, то для прялки, то для ткацкого станка. Если ее спрашивали, как она это делает, мать отвечала: «Не знаю, само в голову пришло». Она так и не выучилась грамоте, несмотря на то что была дочерью священника. Мой дед по матери, Никола Мандич (оба моих деда носили это имя и меня назвали в их честь), был странным человеком и настоящим домашним тираном. Мандичи жили в Грачаце, где был сербский православный приход, но не было сербской школы. Если чья и была в том вина, так это моего деда, потому что ему первому следовало добиваться открытия школы. Но он этого не делал и также не желал, чтобы его дети ходили в немецкую школу. Самостоятельно обучать детей по примеру других образованных людей он тоже не желал. В результате сыновья его все-таки учились в немецкой школе, поскольку мужчине нельзя без грамоты, а дочери не учились нигде. Мать мало рассказывала о своем отце. Я больше знаю о нем со слов младшего брата матери владыки Николая, митрополита дабробосанского и зворникского (до пострига его звали Петром). В доме деда всем, кроме него, жилось несладко, поэтому мать, не

раздумывая, согласилась выйти замуж за моего отца, несмотря на то что совершенно его не знала. В отличие от хорватов у сербов всегда было принято спрашивать согласия девушки на брак, и большинство браков заключались если не по любви, то, во всяком случае, по взаимной приязни.

Несмотря на отсутствие какого-либо образования, мать была единственным человеком в нашей семье, который интересовался моими изобретениями. Она не просто интересовалась, как интересуется делами сына любая мать, но и пыталась вникать в их суть. В каждом письме домой я описывал для матери то, чем я сейчас занимаюсь, стараясь делать это как можно проще. Сестра Марица, через которую мы общались, смеялась надо мной, потому что о своих делах я писал несколько строчек, а о проблемах, над которыми работал, мог написать несколько листов. Не раз во время составления очередного отчета для матери меня посещали ценные мысли. Казалось, что это мать издалека благословляет меня.

Мать моя была человеком невероятной, безграничной доброты. Матерей положено идеализировать, но я пишу чистую правду. О ее доброте ходило столько же легенд, сколько и о ее изобретательских талантах. Она научила меня, что жить надо не для себя, а для людей, и я безгранично благодарен ей за это. Если бы я жил только для себя, то сейчас – одинокий, восьмидесятилетний, вдали от родины – чувствовал бы себя несчастным. У меня было бы такое ощущение, что жизнь моя не задалась, прошла напрасно. Но я счастлив, несмотря на то что я одинок, стар и не имею своего дома. Надеюсь, что написанное мною станут читать не только мои соотечественники, поэтому поясню, что такое для серба иметь свой дом. Здесь в Америке многие не имеют своего дома и, подобно мне, арендуют жилье, не видя в этом ничего постыдного. Для серба же не иметь своего дома означает не иметь ничего. У серба непременно должен быть свой дом, домашний очаг и большая семья. Иначе не только окружающие, но и сам себя уважать не будешь[26]. Но меня не огорчает отсутствие дома. Я горжусь тем, что я сделал для людей, и потому на душе у меня спокойно. Я знаю, что живу не зря, и хочу только одного – успеть прожить столько, чтобы успеть реализовать все нереализованные планы. Обидно было бы умереть, не доведя начатого до конца.

Когда отец настаивал на том, чтобы я стал священником, мать говорила ему: «Оставь Никицу[27] в покое, дай ему подумать и самому выбрать свой путь». Мать любила меня, она любила всех своих детей, а отец любил только старшего брата Дане, первенца, на которого возлагались большие надежды. При жизни Дане отец

почти не обращал на меня внимания, а после его гибели[28] начал сравнивать меня с ним, и эти сравнения всегда были не в мою пользу. Мне шел шестой год, я потерял брата, который был для меня примером, которого я искренне любил. Я нуждался в утешении, но вместо этого каждый день слышал: «Эх, твой брат так бы не сделал!» или «Эх, твой брат в твои годы делал это лучше!» Каждый упрек усиливал мои страдания, но отец не замечал этого или не хотел замечать. Я изо всех сил старался доказать отцу, что я ничем не хуже Дане, но мне так и не удалось этого сделать. Невозможно соперничать с покойником. Пока я был младше Дане, отец говорил, что я делаю все хуже, чем брат, когда же я стал старше, то стал слышать: «Был бы Дане жив, так сделал бы это лучше». Священником мне полагалось стать вместо брата. Изначально отец хотел, чтобы в семинарии учился Дане, а не я. Ужасно, когда твой жизненный путь определяет кто-то другой, пусть даже и твой родной отец. Каждый человек создан для того, чтобы прожить свою жизнь. Представляю, каким бы я был священником, если бы подчинился воле отца – худшим из худших. И я бы ни за что не дожил бы до своего нынешнего возраста, потому что жизненную энергию мне дает занятие любимым делом. Когда я был моложе, то мог работать сутками напролет, мог не спать, не отдыхать и не есть по трое суток, но не чувствовал себя уставшим. Когда делаешь то, что хочешь делать, работа приносит радость. Силы не убавляются, а наоборот – прибывают. С возрастом, конечно, все меняется в худшую сторону, но и сейчас мне достаточно двухчасового сна, чтобы полностью восстановить свои силы.

Мои отношения с отцом стали такими, какими должны были быть отношения между отцом и сыном, лишь незадолго до его кончины. Отец чувствовал, что скоро умрет, и это сильно его изменило. Перед лицом вечности суетное уходит прочь, а вперед выступает то, что дороже всего – любовь. Между нами состоялся долгий откровенный разговор. Казалось, что начинали его одни люди, а закончили другие, так он изменил нас обоих, так он на нас повлиял.

Отец сильно переживал из-за того, что я избрал своим уделом безбрачие. Один сын погиб, а другой избегает женщин и не собирается жениться совсем. Некому продолжить наш славный род. Что ж, получается так, что некому. Меня, в отличие от отца, вопросы продолжения рода не беспокоят. Эта сфера жизни меня не интересует совершенно. Пожалуй, надо рассказать, почему так случилось. Все тайное порождает догадки – разного рода вымышленные слухи. Чего мне только не приписывали из-за того, что я сторонюсь женщин – содомию, склонность к изощренным

видам разврата и т. д. На самом же деле после тяжелой и весьма продолжительной (9 месяцев) болезни, которую я перенес на пороге своего восемнадцатилетия, женщины перестали меня волновать. Я на всю жизнь остался девственником и считаю, что в моем случае это к лучшему. Я сэкономил очень много времени и очень много энергии для научных исследований. Наука – вот моя первая, главная и единственная любовь. Другой мне не надо.

Начало моей жизни

Родился я в 1856 году, но настоящим началом своей жизни считаю 1875 год, в котором я поступил в Высшую техническую школу в Граце. Давление отца на меня прекратилось, здоровье поправилось, я начал самостоятельную жизнь и наконец-то получил возможность учиться всерьез. Знания, получаемые в Высшем реальном училище, меня не устраивали. Мне было мало. Я усиленно занимался самообразованием, дополняя то, чего мне не давали преподаватели, но этого было недостаточно. Любой ученик, особенно такой пытливый, как я, нуждается в учителях. Настоящих учителей я нашел только в Граце. Я с головой окунулся в учебу и каждое утро, проснувшись, мысленно благодарил эрцгерцога Иоганна[29] за то, что ему пришла в голову мысль основать эту славную школу. С первых же дней в Граце у меня начался невероятный прогресс. Я почувствовал, что наконец-то учусь всерьез, по-настоящему. Я изучал все, что только можно было изучать, я занимался как одержимый, что сначала радовало преподавателей, а потом начало пугать. Они боялись, что у меня наступит нервное истощение или хуже того – что я сойду с ума. В любом учебном заведении время от времени кто-то сходит с ума. Наш декан Рогнер написал письмо моему отцу с просьбой повлиять на меня, чтобы я не «переутомлялся» так сильно. Отец просил меня побольше отдыхать, но мне не нужен был отдых. Я не переутомлялся, я наслаждался учебой, упивался ею. Я чувствовал себя как рыба, попавшая из маленького убогого пруда в большое озеро. Я радовался жизни, радовался каждому ее дню.

Очень скоро преподаватели начали ставить меня в пример другим студентам. Разумеется, это вызвало плохое отношение ко мне. Никто не любит тех, кого ему ставят в пример. Неприязнь осложнялась тем, что я не мог никому помогать в учебе. Я пытался, добросовестно пытался помочь, когда кто-то обращался ко мне с вопросом, но беда в том, что я совершенно не умею объяснять, не умею растолковывать. Я могу лишь обсуждать вопросы с равными мне по знаниям. Преподавательского дарования во мне нет ни капли. Другие студенты не понимали моих объяснений, потому что для них они были слишком заумными. Их непонятливость выводила меня из себя. Я не люблю по многу раз повторять одно и то же, да и никто этого не любит. Я сердился, говорил колкости, а люди думали, что я над ними издеваюсь, желая подчеркнуть свое превосходство – нарочно объясняю непонятно, чтобы потом оскорбить. Дважды дело доходило до стычек, из которых я выходил победителем. К

тому времени я окончательно окреп и превосходил моих сверстников не только в умственном, но и в физическом развитии.

Взрослые люди очень часто ведут себя как дети. Сначала мне досаждали по мелочам – прятали мои вещи, заливали чернилами мои записи, запускали в мою комнату кошек, которые, обезумев взаперти, переворачивали все вверх дном. Все знали, насколько щепетилен я в вопросах порядка и чистоты, и намеренно наносили уколы в самые болезненные места. Особенно отличался один студент по фамилии Пайер, глупый и беспутный молодой человек, который с непонятной гордостью говорил, что для него чтение ресторанной карты приятнее чтения книг. Я так и не понял, что привело его в техническую школу. Обычно такие бездельники тяготеют к гуманитарным наукам, а не к техническим. Из-за Пайера меня чуть было не исключили. Однажды я застал его, когда он посыпал золой мою постель, и как следует поколотил. Не стоило давать волю рукам, но нервы мои были взвинчены до предела всеми этими дурацкими шутками. Кроме того, представьте, сколько неудобства доставляет рассыпанная по постели зола, особенно такому чистюле, как я, и сколько драгоценного времени пришлось мне потратить на уборку. Я обслуживал себя сам, потому что был вынужден экономить каждый грош. Я жил на небольшую стипендию и не имел возможности подрабатывать где-то, потому что отдавал все время учебе. Если же я и работал, то без оплаты за свой труд в чьей-то лаборатории, чтобы иметь возможность чему-то научиться.

Пайер пожаловался, и меня могли бы исключить, если бы не заступничество нашего декана. Благодаря ему я продолжил учебу. Дурацкие шутки прекратились, потому что никому не хотелось быть поколоченным, но меня не оставили в покое, а начали травить другим, более изощренным способом. В моем присутствии заводились разговоры, целью которых было уязвить меня. Имени моего не называли, так что у меня не было повода для выражения своего возмущения, но разве значение в имени? Всем было ясно, что речь идет обо мне. Я нервничал, стараясь не подавать виду, надеясь, что когда-нибудь им надоест эта глупая забава и они оставят меня в покое. Напрасно я надеялся, это длилось до конца учебы. В моей травле принимало участие множество студентов, они всячески изощрялись в своем гадком «остроумии», находя новые темы взамен наскучивших старых, так что свыкнуться с этим, перестать обращать на них внимание у меня не получалось. Я злился и от этого страдали мои занятия. Учеба и умственная работа требуют душевного спокойствия.

Совсем не так я представлял себе отношения с товарищами по учебе. Мне, наивному юному идеалисту, рисовалось в воображении студенческое братство, содружество молодых людей, объединенных общей жаждой знаний. До поступления в школу я представлял, как мы будем вести научные диспуты, обмениваться идеями и т. п. Ничего подобного не было. В итоге я объяснил несоответствие ожиданий и реальности национальным фактором, списал все на австрийцев, которые составляли большинство студентов. Между австрийцами и всеми прочими народами, жившими в империи Габсбургов, напоминавшее своей пестротой лоскутное покрывало, всегда существовала взаимная неприязнь. Теперь же, оглядываясь назад с высоты восьмидесяти прошлых лет, я понимаю, что был тогда не прав. Дело не в австрийцах, а в людях вообще. В Париже и Нью-Йорке со мной обходились не лучшим образом.

Среди студентов у меня было много врагов, а среди преподавателей всего один, но этот один стоил сотни. То был известный физик профессор Пешл, гигант с мелкой душой. Он не любил, когда с ним спорили, хотя студентам положено спорить с преподавателями, это часть учебного процесса. Я слышал, что с Пешлом надо быть осторожным, поэтому, возражая ему, очень тщательно выбирал слова. Но это меня не уберегло. Выйдя победителем из двух споров, я стал заклятым врагом Пешла. Пешл разил наверняка – он методично уничтожал мою репутацию, рассказывая всем о моем скверном характере, моей неуравновешенности и т. д. Пешл настраивал преподавателей против меня, а я дал ему веский повод для этого.

Отчаявшись, я совершил глупость – решил попробовать вести ту же самую жизнь, что и большинство студентов. Начал ходить по пивным и, надо признать, очень скоро увлекся. Все плохое засасывает. На этой почве у меня даже наладились отношения с некоторыми студентами, которые ранее меня травили. Их восхищало то, как я играю на бильярде и как щедро я выставляю угощение после каждого выигрыша. Я хорошо играл когда-то. Длинные руки, верный глаз, умение быстро производить расчеты – что еще нужно бильярдисту? Играл я каждый вечер, потому что разгульная жизнь требовала больших денег, которые я мог заработать только при помощи кия. Убедившись в своей мнимой «непобедимости», я потерял осторожность, начал играть азартно, необдуманно и, как следствие, начал проигрывать. Бильярда мне стало мало, и я пристрастился к картам, а в картах, как известно, ставки много больше, чем в бильярде, и возможностей для обмана партнеров тоже больше. Проигрыши влекли за собой желание отыграться, я начал скатываться в пропасть и, наверное,

погиб бы сначала как ученый, а потом и вообще бы погиб, если бы не моя мать. Заплатив очередной мой проигрыш, она сказала, что ждет того дня, когда я проиграю все наше имущество и мне будет не на что больше играть. Только так я смогу образумиться. Эти слова, а больше – горечь, с которой они были произнесены, так поразили меня, что я перестал играть и взялся за ум. Но это случилось много позже, уже после смерти отца.

В декабре 1878 года, благодаря собственной глупости, стараниям Пешла и неприязненному отношению ко мне большинства студентов, я был исключен из школы. Исключение было обставлено весьма подлым образом. Я узнал о нем только постфактум. Меня вызвал декан и сказал, что я исключен за неуспеваемость и плохое поведение. Неуспеваемости как таковой не было, потому что даже ведя беспутную жизнь я успевал делать необходимый минимум, учил столько же, сколько учили остальные. Другое дело, что я не выходил за рамки этого, но ислючать за неуспеваемость меня было нельзя. Что же касается плохого поведения, то оно также не отличалось от поведения других студентов. Просто мои враги, возглавляемые Пешлом, преувеличивали каждый мой промах в десять раз. Если я спорил с кем-то по поводу бильярдной партии, то назавтра рассказывали, будто я устроил разгром в пивной и т. п.

Я возмутился. Несправедливость всегда возмущала и продолжает возмущать меня. Я наговорил бедному декану, который хорошо ко мне относился, много резких слов и оглушительно хлопнул дверью, когда уходил. После этого возвращение в школу стало невозможным. Я сжег мосты и пожалел об этом в тот же день, когда немного остыл. Но было уже поздно.

Я уехал в Марбург (оставаться в Граце было невозможно) и устроился в помощники к одному инженеру, но быстро потерял работу, потому что уделял ей гораздо меньше внимания, нежели азартным играм. Дошло до позора, о котором мне больно вспоминать до сих пор. В марте 1879 года меня, сына священника и бывшего студента Высшей технической школы, выслали из Марбурга домой[30] по полицейскому протоколу, как какого-нибудь бродягу. Отец мой тогда был еще жив, но уже серьезно болен. Именно тогда между нами и установились теплые отношения. Отец не стал ругать меня. Он только сказал: «Я позволил тебе учиться на инженера вопреки своему желанию. Заверши же то, что ты начал. Если не можешь вернуться в Грац, то поезжай в Прагу и доучись там». За несколько дней до своей кончины отец взял с меня обещание ехать в Прагу учиться, но я поехал туда не сразу после похорон[31], а только в январе 1880

года. Не могу понять, почему отец не взял с меня слова перестать играть в азартные игры. Я бы дал такое слово и сдержал бы его, потому что иначе я просто не могу поступить. Но то, что не сделал отец, спустя несколько месяцев удалось сделать моей матери. Она спасла меня. В нужный момент она сказала мне верные слова. В другое время я не слышал увещеваний, отмахивался от них, но в тот раз каждое слово матери запало глубоко в мою душу.

Я часто думаю о прошлом. В том числе и о том, что случилось со мной тогда. Как мог я, человек, страстно мечтавший об учебе в Высшей технологической школе, вдруг забросить учебу ради столь сомнительных удовольствий. Началось все с глупого желания «быть таким, как все», а закончилось тем, что я сумел остановиться лишь на краю пропасти. Когда я остановился и оглянулся назад, то мне стало страшно. Я ли это? Со мной ли все это было? Как мог я, дрожавший над каждой напрасно потраченной минутой, тратить впустую месяцы? Мать говорила, утешая меня: «все молодые люди совершают глупости, без этого молодость не молодость». Но я ей не верил. Я знал многих людей, которые в молодости никаких глупостей не совершали. Взять хотя бы моего отца. Он был человеком со сложным характером, но всегда шел прямым путем, за что и пользовался уважением окружающих. Я же вместо уважения заработал презрение. Став после смерти отца главой семьи, единственным в ней мужчиной, я вел себя неподобающе. Хорошо, что это длилось недолго.

Много позже мне объяснил причину моего срыва профессор Холл. Он детально интересовался моим прошлым, поскольку это было нужно для работы со мной. Холл сказал, что причиной было переутомление, на которое наложилось постоянное и длительное нервное возбуждение, вызванное неприязненным отношением окружающих. Моему мозгу, всему моему организму надо было отправить меня в длительный отпуск – и это было сделано. Мне казалось, что я «ухожу в отпуск» для того, чтобы стать таким, как все, и сблизиться с другими студентами, но первопричиной было мое переутомление. Когда я возразил, сказав, что впоследствии при сильном переутомлении я заболевал, а не испытывал тяги к играм и спиртному, Холл напомнил мне, что я дал матери слово бросить играть и мой мозг учитывает это обстоятельство всегда, постоянно, даже тогда, когда я о нем не вспоминаю. Именно поэтому, как считал Холл, у меня и сформировалась не просто нелюбовь к азартным играм, а отвращение к ним.

В Госпиче я работал учителем математики в гимназии. Там не было больше никакой работы для меня. Я уже писал, что преподаватель из меня никудышный. То были несколько месяцев

непрерывного мучения. Когда я уволился, чтобы ехать в Прагу, то облегченно вздохнул. Думаю, что и мои ученики тоже вздохнули.

В Прагу приехал прежний Никола Тесла, одержимый жаждой знаний. Беспутный игрок и выпивоха умер навсегда. Мое отвращение к азартным играм было таким сильным, что когда я видел карты, бильярдный стол или кости, то испытывал то же самое чувство, которое появляется у меня при виде нечистот. Играя, я считал. Наверное, никто из игроков не считает каждый свой выигрыш или проигрыш, запоминая только самые крупные из них. Но я считал. Давно исчезнувшие гульдены[32] никому ничего не скажут, но я пересчитал их в доллары соответственно стоимости золота и округлил полученный результат. Так вот, за время своего беспутства я понес убыток в восемьсот сорок долларов[33]. Возможно, кому-то эта цифра покажется небольшой, но примите в расчет, что дело было в Австрийской империи почти полвека назад и что наша семья жила тогда бедно, экономя каждый гульден.

Прага

Полный самых радостных надежд явился я в Карлов университет[34], где на меня вылили бочку холодной воды. Оказалось, что тем, кто не знает греческого, путь сюда заказан, а я никогда не учил греческий язык и даже не думал о том, чтобы его выучить, поскольку он был мне не нужен. Вся нужная мне информация публиковалась на немецком, французском и английском. За всю свою жизнь я так и не увидел ни одной статьи на греческом, которую мне захотелось бы прочесть.

Я попытался убедить университетское руководство сделать для меня исключение. Я даже был готов пообещать, что начну учить совершенно не нужный мне язык только для того, чтобы мне позволили учиться в университете. Но у меня ничего не вышло. Пришлось стать экстраординарным студентом[35]. Я и без того потерял уйму времени, больше терять было нельзя. Надо было становиться на ноги, работать, заботиться о матери. Мне шел двадцать четвертый год. В прежних своих планах я в этом возрасте уже был инженером. Я рассудил, что знания важнее диплома. Человека ценят по тому, что он умеет, а не по его диплому. В Граце я видел немало бездельников, детей богатых родителей, которые не учились, а проводили все время в развлечениях. Отцам хотелось, чтобы сыновья непременно получили дипломы инженеров. Отцы, помимо платы за обучение сыновей, регулярно делали щедрые пожертвования как школе, так и отдельным профессорам, благодаря чему их дети успешно сдавали экзамены. У кого поднимется рука резать курицу, несущую золотые яйца?

Вскоре после начала занятий у меня вдруг появилась возможность перейти из экстраординарных студентов в ординарные, но я ее отверг, поскольку условия были для меня неприемлемыми. Профессор В., читавший лекции по физике, после одной из лекций сказал мне, что хочет познакомить меня с человеком, который может быть мне полезным. Я подумал, что речь идет о каком-то профессоре, которому нужен помощник. Но на деле «полезный человек» оказался полицейским чиновником. Он предложил мне стать агентом полиции и информировать его о настроениях в студенческой среде и пр. За это мне было обещано место в университете (в виде исключения, как особо одаренному) и регулярные выплаты каких-то сумм. Я не знаю каких, потому что не дослушал своего собеседника до конца. Выражать возмущение и объяснять, что я не доносчик, не было смысла. Я просто встал, сказал, что меня ждут важные дела, и ушел. «Вы

еще пожалеете о своей опрометчивости», – сказал мне в спину чиновник. Пожалеть я не пожалел, но буквально со следующего дня в моей жизни начали происходить перемены к худшему.

Профессор В., до тех пор благоволивший ко мне, начал меня показательно игнорировать, словно меня вовсе не было в аудитории. Моих вопросов он «не слышал», на приветствия не отвечал.

Спустя неделю кто-то проник в мою комнату на Смечках[36] в мое отсутствие и обыскал ее. Я приходил домой в основном для того, чтобы спать, предпочитая заниматься в университетской библиотеке, где были под рукой любые из нужных мне книг. Поэтому времени для обыска было достаточно. Обыск был проведен тщательно и безукоризненно. Все осталось лежать на своих местах и только моя склонность к идеальному порядку позволила мне заметить кое-какие изменения. Были перебраны все без исключения бумаги и вещи. Даже подушку ощупывали. Я не раз слышал вызывающие доверие истории о методах работы австрийской полиции. Подбросить человеку тайно что-то запрещенное (чаще всего – литературу), а на следующий день явиться с обыском и «найти» подброшенное было в порядке вещей. Поэтому я так же тщательно обыскал свое жилище сам в поисках «подарков», но ничего не нашел. Это случилось один раз, больше ко мне в Праге никто тайком не проникал.

Отношение ко мне изменил не только профессор В., но и многие другие. Мои права постоянно ущемлялись с оговоркой: «не все из того, что дозволено ординарным студентам, дозволяется экстраординарным». Выхода у меня не было – приходилось мириться со всем этим. Стиснув зубы, я учился, восполняя пробелы в своих знаниях. Темпы учебы ускорились невероятно, что вызвало срыв. Я заболел и проболел две недели. У меня была лихорадка и странное состояние, при котором я видел себя как будто со стороны. Во время болезни ко мне дважды являлся покойный отец. Ощущения были настолько достоверными, будто он приходил на самом деле. Не помню, о чем мы с ним говорили, потому что мозг мой во время болезни работал нечетко, но эту достоверность ощущений помню хорошо. Допускаю, что причиной моей болезни было не переутомление как таковое, а огромное количество пыли в университетской библиотеке. Где книги, там и пыль, это так, но там пыли было невероятно много. Казалось, что уборки в библиотеке не было с 1348 года[37]. Проветривание могло бы немного улучшить положение, но окна всегда были закрытыми. Большинство нужных мне книг нельзя было выносить из библиотеки, и, вообще, такой привилегией обладали только ординарные

студенты. Я продолжал заниматься в библиотеке, но старался дышать через платок, который держал в свободной руке[38]. Что могут подумать люди, увидев, что какой-то человек постоянно держит платок у носа? Из всех объяснений они выберут самое гнусное – пошли слухи о том, что у меня сифилис. Дошло до того, что один из моих приятелей (близких друзей у меня в Праге не было, но кое с кем я приятельствовал) порекомендовал мне врача, у которого когда-то лечился сам. Я объяснил приятелю истинную причину, которая вынудила меня пользоваться платком, но он мне не поверил.

В тот день, когда я решил, что учебы (и Праги) с меня достаточно, ко мне явился гость – брат моей матери Пая Мандич, который жил в Будапеште. У меня с ним никогда не было особой близости, потому что Пая сделал хорошую карьеру в армии – дослужился до полковника, был богат и поддерживал определенную дистанцию между собой и бедными родственниками, в число которых входили и мы с матерью. Я сразу понял, что Пая приехал ко мне по делу, а не потому, что его вдруг обуяли родственные чувства. Так оно и вышло. Пая предложил мне работу на строительстве телефонной станции в Будапеште. Станцию строила Американская телефонная компания, которой руководил дядин приятель Ференц Пушкаш. Пушкашу были нужны знающие и энергичные инженеры, в первую очередь – электрики. Он приглашал их в Будапешт со всей Европы. Отсутствие у меня «полновесного» диплома Пушкаша не пугало. Он ценил знания. Пая, имевший склонность к хвастовству, расхвалил меня по-родственному так, что Пушкаш, еще не видя меня, уже дал мне место.

Разумеется, я согласился. Пая еще не успел уйти, а я уже начал собирать вещи.

Будапешт

Американская телефонная компания, по сути, являлась частью Компании Эдисона[39], в которой Будапешт входил в зону, контролируемую пражским отделением. А руководил этим отделением родной брат Ференца Пушкаша Тивадор. Дядя познакомил меня с ним, пока мы были в Праге. Так что если говорить по существу, то работа в Будапеште была началом моей работы у Эдисона.

Я сильно волновался. Начало карьеры! Нельзя ударить в грязь лицом. Нельзя подвести Паю, который за меня поручился. Хватит ли у меня знаний? Быстро ли я приобрету опыт?

Пая пригласил меня остановиться у него, но я отказался, потому что не хотел никого стеснять. Кроме того, живя у Паи, я был бы вынужден тратить попусту много времени. Совместные обеды и ужины превратились бы для меня в пытку, потому что я предпочитаю есть один и быстро, а в доме Паи соблюдались все предписанные приличиями правила, и, кроме того, Пая был любителем поговорить. Гостям нельзя уходить, обрывая на полуслове разговор с хозяином. Племяннику тем более нельзя так поступать по отношению к дяде. Поэтому я решил сократить наше общение до ежемесячных воскресных визитов. Этого, на мой взгляд, было вполне достаточно для выражения родственных чувств и соблюдения приличий. Свой отказ я объяснил тем, что мне для домашней работы нужна тишина. Пая не стал настаивать, потому что пригласил меня только из приличия.

Жилье – квартиру из двух комнат – мне помог найти Антал Сигети, с которым мы вместе учились в Граце. Антал был одной из немногих «белых овец», которые не принимали участия в моей травле. Отец Антала был известным в Будапеште архитектором, но Антал не пошел по его стопам, а, подобно мне, стал электротехником. Я был очень рад встретить Антала, который помог мне освоиться в Будапеште и с которым можно было обсуждать интересовавшие меня вопросы. В технических вопросах Антал разбирался так же, как и я. Он был достойным собеседником и хорошим, заботливым другом. Слегка омрачало наши отношения неистребимое желание Антала сделать меня спутником в хождениях по борделям. Он был невероятным женолюбцем и не мог поверить в то, что меня женщины совершенно не интересуют. Антал считал, что я просто стесняюсь. Что поделать – не бывает людей без недостатков. Зато когда я в очередной раз заболел, Антал окружил меня такой заботой, будто я был не одним из его многочисленных друзей, а родным братом.

Служба в компании оказалась не такой уж и сложной. Темпы работ были далеко не такими, как представлялось мне. «Фери[40] платит хорошо, но за свои деньги он заставит тебя работать как следует», – сказал мне Пая, и я вообразил невесть что. На самом же деле у меня оставалось время для работы дома и для прогулок по Будапешту в компании Антала. Эти прогулки были не столько отдыхом, сколько продолжением работы, потому что говорили мы в основном об электротехнике. В то время я нуждался в оппонентах, способных критически оценить ту или иную мою идею. Со временем я развил в себе умение оппонировать самому себе. Для этого нужно уметь одновременно смотреть на явление или проблему с разных точек зрения.

В Будапеште я сделал первое свое настоящее, полноценное изобретение, то есть не улучшил что-то, изобретенное другим, а придумал все сам. Я создал телефонный усилитель, первый в мире репродуктор. Гордости моей не было предела. Поскольку, работая над усилителем, я снова переоценил свои силы, «наградой» мне стала болезнь. Две с половиной недели я провел в постели. Я боялся, что Пушкаш уволит меня, но навещавший меня Антал сказал, что вся компания в восторге от моего изобретения и что я могу болеть сколько мне угодно, без опасений быть уволенным. «За такого гениального инженера Пушкаш будет держаться не только руками, но и зубами», – сказал Антал.

Забегая немного вперед, скажу, что, когда телефонная станция была достроена и запущена, для меня не нашлось места в Американской телефонной компании и мне пришлось уехать в Париж. Но я не сильно расстраивался по этому поводу, потому что после болезни изменилось мое отношение к Будапешту. Город, ранее бывший для меня интересным, стал меня раздражать – и с каждым днем раздражал все больше и больше. Возможно, этому поспособствовала гнусная зима того года, в которую то теплело, то холодало. Постоянная смена температур действовала на меня угнетающе. Погруженный в свои мысли, я забывал выглянуть в окно для того, чтобы узнать, какая сегодня погода, и потому выходил из дома одетым не так как надо – то слишком тепло, то легче, чем было нужно. В результате этого меня в ту зиму постоянно преследовала простуда, но работать мне она не мешала. По сравнению с моей болезнью простуда была пустяком, досадным раздражающим, но все же пустяком.

Телефонный усилитель, как принято говорить в Соединенных Штатах, создал мне репутацию. Весть о нем быстро распространилась по всей Европе. Из Гейдельберга в Будапешт, для того чтобы познакомиться со мной, приехал профессор Квинке[41]. Он занимался различными направлениями физики, в

том числе и акустикой. Квинке предложил мне работать в его лаборатории, но я отказался от этого предложения. Акустика, как таковая, никогда не привлекала меня. Я интересовался электротехникой, и я сочетал науку с практикой, мне хотелось изобретать, делать то, что можно потрогать руками, а Квинке был больше теоретиком, нежели практиком. Я читал его статьи в «Анналах»[42].

Изобретать! Изобретать! Изобретать! Вот чего я хотел! Все-таки я больше практик, нежели теоретик. «Чистая» теория не привлекает меня. Мне непременно нужно воплотить ее на практике. Если бы я занимался одной только теорией, то быстро бы забросил это дело. Теория – инструмент, а практика, то есть изобретения, цель и смысл моей жизни. Для меня нет большего удовольствия, чем создавать нечто новое на пользу людям. Для кого-то важно первым получить патент, а для меня важнее всего видеть, что мое изобретение широко используется, что оно нужно человечеству. Деньги никогда не были моим стимулом. Они интересовали меня только как средство для удовлетворения насущных потребностей и как средство для продолжения моих изысканий. Я не люблю думать о деньгах. Наука, изобретательство – вот, что меня занимает. Когда кто-то финансирует мои исследования, я чувствую себя по-настоящему счастливым, потому что могу всецело отдаться любимому делу, могу заниматься важным, не отвлекаясь на мелочи. Я часто жалею о том, что в свое время предпочел Соединенные Штаты России. Тогда между этими странами не было принципиальной разницы, но сейчас Советский Союз кардинально отличается от всего остального мира. В газетах его поливают грязью, но те, кто побывал там, рассказывают невероятные вещи. Меня же больше всего привлекает советская научная система. Ученым создают условия. Их обеспечивают всем необходимым. Им платят зарплату. Их умы свободны от житейских забот. Они заняты только своим делом и больше ничем. Им не приходится опасаться того, что в любой момент денежный поток может иссякнуть. Когда тебя финансирует государство, социалистическое государство, а не какой-то богач, который может в любой момент передумать, – это надежно. Часто думаю о том, что если бы я был лет на 15–20 моложе, то уехал бы в Советский Союз. У меня была такая возможность, она есть и сейчас, но я слишком стар для таких кардинальных перемен в своей жизни, и, кроме того, я не могу оставить начатую работу, которая может стать моим самым главным свершением. Сейчас моя жизнь отчасти похожа на жизнь ученых в Советском Союзе. Но только отчасти. Мои нынешние исследования финансирует государство, но я не очень-то спокоен,

потому что желаемой независимости, нужной мне независимости, у меня нет. Вэн пытается диктовать мне, в каком направлении я должен работать. Он не понимает или не хочет понимать, что в нашем деле нельзя делать скачки, надо двигаться размеренным шагом. Ему не терпится как можно скорее начать эксперименты. Он мечтает о том, чтобы перенести из Бостона в Сан-Франциско какой-нибудь военный корабль. Его можно понять – эксперименты, тем более эксперименты такого масштаба, всегда эффектны. Но что толку мечтать о переносе целого корабля, притом с людьми, когда мы еще и спичку не переместили на один метр? Нам предстоит произвести огромный объем работ, прежде чем мы переместим хотя бы спичку. Но Вэну не терпится произвести впечатление на Военное министерство. Ему хочется масштабов – давайте сделаем большую мощную установку вместо маленькой, ведь деньги у нас есть и т. д. Я уже говорил ему, что он часто напоминает мне Эдисона. Тот тоже любил эксперименты и не любил думать. Я привел ему в пример свой громкоговоритель. До меня не раз пытались усилить передачу звука с помощью мощных магнитов, но располагали их неправильно. В этом была ошибка. Я же сначала всесторонне обдумал проблему, а затем расположил магниты правильно и убедился, что мой громкоговоритель работает. Я не ставил эксперименты, меняя магниты то так, то этак. Я подумал и пришел к верному решению. В наших нынешних экспериментах главной проблемой является не перемещение предметов с помощью электромагнитных полей как таковое, а его точность и безопасность. В результате проделанной мыслительной работы я совершенно уверен, что такое перемещение возможно. Если следовать принципу: «Давай покажем им, что это возможно», то демонстрацию эксперимента можно подготовить за 5–6 месяцев. Но что толку демонстрировать «сырой» эксперимент? Для того чтобы произвести эффект? Но мы же не иллюзионисты, а ученые. Какой толк в том, чтобы взять отправить предмет неизвестно куда без возможности вернуть его обратно? Это не в моем стиле. Стиль Теслы – это всесторонне обдуманный и безукоризненно подготовленный эксперимент. Я понимаю Вэна. Он боится, что я в любой момент могу умереть, и торопится продемонстрировать какие-то достижения, пускай и весьма сомнительные, пока я жив, чтобы, как выражаются старатели, «застолбить участок». Вэн не признается, но я уверен, что подобные исследования ведутся еще кем-то. Подозреваю, что под руководством Джонсона[43], с которым Вэн делится информацией. Играть на двух скрипках одновременно – это в характере Вэна. Пусть он играет хоть на трех, это его дело, но оставит меня в покое. Мне приятно

сознавать, что мое имя имеет кое-какой вес. Но это также удерживает меня от опрометчивых поступков. Я не могу на старости лет, под конец жизни, запятнать свою репутацию.

Писать воспоминания гораздо труднее, чем заниматься делом. Во всяком случае для меня. Работая, я четко представляю, что я делаю и в каком направлении продвигаюсь, а тут вдруг увлекся и незаметно для себя самого перескочил на Вэна и наши нынешние дела. Не стану вырывать листы, раз уж написал, но впредь постараюсь быть последовательнее и не нарушать порядка.

Итак – Будапешт. Когда строительство телефонной станции было закончено, я надеялся, что меня оставят в ней работать. Я собирался сочетать обслуживание оборудования с научной работой. В то время телефонное оборудование было примитивным и нуждалось в постоянном присмотре, поэтому лишние руки всегда были нужны. К тому же я помнил слова Антала относительно того, что Пушкаш будет держаться за меня не только руками, но и зубами. Но Пушкаш поблагодарил меня за то, что я сделал, выдал мне премию и сказал, что компания в моих услугах больше не нуждается. Я попросил дать мне рекомендацию. Пушкаш спросил, есть ли у меня на примете какое-либо место, я ответил, что нет, и тогда он предложил мне отправиться в парижское отделение Континентальной компании Эдисона, где требовались инженеры-электрики.

Париж! В то время для меня это слово звучало как музыка, как волшебное заклинание! Я мечтал о том, чтобы когда-нибудь побывать в Париже, городе, пропитанном историей и культурой, а тут мне предлагают там работать. И где? В компании Эдисона, который был тогда моим кумиром. Французы были для нас, сербов, олицетворением свободы. Французы, в отличие от австрийцев, не угнетали другие народы[44].

Дело решилось еще в Будапеште. Пушкаш телеграфировал в Париж и на следующий день получил положительный ответ. На прощание он на правах друга семейства покровительственно похлопал меня по плечу, для чего ему пришлось встать на цыпочки, и сказал: «Вы будете всю жизнь вспоминать меня с благодарностью». Я часто вспоминаю Пушкаша, но с иными чувствами. Лучше бы он не принимал участия в моей судьбе, а ограничился тем, что просто бы написал мне рекомендацию. Но тогда я был сам не свой от счастья.

Города, как и люди, имеют характер. Я уверен в этом, и не надо считать меня сумасшедшим. Характер города складывается из характеров населяющих его людей. Нью-Йорк сух и деловит. Париж немного безрассуден. Будапешт – незлопамятен. Несмотря на мою нелюбовь к Будапешту и стремление как можно скорее

уехать, этот город на прощание сделал мне своеобразный подарок, о котором я уже писал. Во время прогулки с Анталом в моем мозгу вдруг возникла схема двигателя переменного тока. Невозможно описать чувства, которые я тогда испытал. Это был настоящий подарок, озарение, ниспосланное свыше, а не результат работы моего ума. Очень хочется еще хотя бы раз испытать нечто подобное, перед тем как покинуть этот мир. Было бы замечательно увидеть подробную схему той установки, над которой я сейчас работаю. Но я знаю, что не увижу ее. Озарения всегда касались того, о чем я иногда думал, но над чем непосредственно не работал. Они, как подарки, всегда неожиданны.

Антал не поверил в то, что меня вдруг озарило. Он подумал, что я нарочно устроил «спектакль», для того чтобы разыграть его. Розыгрыши и шутки никогда не были моей стихией, а уж до такого блестящего розыгрыша я бы никогда не додумался. Да и притворяться я тоже не умею. Мать с отцом научили меня прямодушию и честности. По сути, детство свое я провел в одном мире, честном мире, в котором слово стоило дороже золота, а взрослую жизнь в другом – бесчестном, в котором на каждом шагу нарушаются договоры и обещания, в котором кругом обманывают.

Рассказ про Будапешт я уже закончил, про Париж буду писать в другой раз, так что сейчас можно позволить себе небольшое отступление, касающееся нарушения обещаний и обмана.

В 1888 году я заключил соглашение с Вестингаузом[45]. Он купил все мои патенты, касающиеся применения переменного тока, и предложил мне работать у него в Питсбурге. Вестингауз был не просто бизнесменом, но и инженером, а также изобретателем, что меня сразу же к нему расположило. Был у меня и личный мотив – компания «Вестингауз Электрик» была основным конкурентом «Эдисон электрик компани», и я хотел таким образом поквитаться с Эдисоном. Я согласился, но поставил условие – вдобавок к отчислениям, обещанных мне за патенты, я хотел получать по 2,5 доллара за каждую лошадиную силу генераторов и двигателей двухфазного переменного тока, произведенных компанией. Деньги были нужны мне для экспериментов, главным образом для создания моей «Мировой системы»[46], о которой я тогда только начинал задумываться. Вестингауз согласился, но, после того как его компания объединилась с другими, явился ко мне и сказал, что акционеры требуют разорвать наш контракт, так как компания не может платить мне такие огромные деньги. Позиции мои были крепкими, так как любой суд был бы на моей стороне, поэтому

хитрый Вестингауз стал взывать к моей человечности, утверждая, что, если я не соглашусь разорвать это соглашение, его компания будет разорена. Мне не хотелось лишаться такого делового партнера, как Вестингауз, и еще больше не хотелось становиться причиной банкротства компании, в результате которого потеряли бы работу тысячи людей, а сам Вестингауз стал бы нищим. Он так и говорил: «Я стану нищим. Потеряю все, что имею, и никогда уже не смогу начать нового дела». Вестингауз знал, как надо вести себя со мной и добился своего. Я отказался от причитавшихся мне выплат. Но позже я узнал, что Вестингауз обманул меня, ничего не понимавшего в финансовых делах. О разорении не было и речи. Дела у компании шли не самым лучшим образом, но банкротство ей не грозило. Вестингауз нагло и цинично обманул меня, взывая к доброте и состраданию. Ему и прочим акционерам просто не хотелось расставаться со значительной суммой. Вестингауз – крайне непорядочный человек, который усиленно притворяется порядочным. Во время войны[47] он сильно подвел русских. Получил от русского правительства большой заказ на производство винтовок для армии, но поставил только десятую часть, причем его винтовки были плохого качества. Мой земляк Йордан Жаркович, служивший переводчиком в русском заготовительном комитете[48], рассказывал мне, как много сил потратили русские на то, чтобы добиться от Вестингауза выполнения контракта, но так и не добились.

Париж и Страсбург

Моя мать радовалась моему приезду в Париж больше, чем я. Если сына из Будапешта позвали в Париж, значит, он того стоит. Мать беспокоилась обо мне – и беспокоилась не без оснований: в ее памяти были свежи мои безумства, за которые мне до сих пор стыдно. Она почему-то решила, что ее брат Пая «сбил меня с пути», пригласив в Будапешт. Ей казалось, что ради работы в Американской телефонной компании я бросил учебу. Я несколько раз писал ей, что все не так, что я ничего не бросал, просто предложение Паи оказалось весьма своевременным, но она мне не верила. Но приглашение в Париж подтвердило, что я встал на путь истинный и не сворачиваю с него. Тем не менее в каждом письме мать предостерегала меня от парижских соблазнов. Какие соблазны? Единственным моим соблазном было плавать по утрам в Сене. Это меня освежало. Жил я в отвратительных условиях – снимал грязную комнатку у жадной и вредной старухи в квартале Сен-Марсель. На что-то лучшее у меня не хватало денег. Жилье в Париже стоило баснословно дорого, к том же я помогал матери и попутно частями выплачивал ей те деньги, которыми она оплачивала мои проигрыши и мою учебу в Праге. Работать с электричеством опасно. В Будапеште я был свидетелем двух трагедий. Мне хотелось, чтобы у матери были кое-какие накопления на тот случай, если со мной что-то случится. Так мне было спокойнее. К тому же элементарная порядочность требовала возврата денег, которые мать потратила из-за моей глупости. Если бы я не играл, то не был бы исключен из Высшей технической школы и доучился бы там, получая стипендию.

К счастью, мне часто приходилось разъезжать по разным городам, так как я был инженером по монтажу и ремонту электрических установок, поэтому в своей убогой комнате я ночевал не более семи-восьми дней в месяц. Во время приема на работу директор парижского отделения Леопольд Ро[49] сказал мне, что в компанию Эдисона обычно не принимают инженеров с таким маленьким опытом, как у меня, и что он сделал для меня исключение только благодаря рекомендации Пушкаша. Я был благодарен ему за доверие и изо всех сил старался оправдать его. За полгода мне удалось доказать Ро, что он не ошибся, приняв меня на работу. К Рождеству мне были выплачены премиальные – небывалый случай для сотрудника, проработавшего в компании меньше года. Освоившись в компании, я замолвил словечко за Антала, который тоже хотел здесь работать. Реверди взял его на работу. Мне было очень приятно сознавать, что со мной

считаются. Доверие и уважение окрыляли меня. Я старался не только делать свое дело, но и постоянно что-то улучшал, придумывал, совершенно не думая при этом о патентах. А вот Реверди помнил об этом и методично патентовал все мои изобретения, но только не на мое имя.

Мой звездный час в Континентальной компании Эдисона настал в октябре 1883 года после одного печального происшествия. Во время открытия вокзала в Страсбурге на вокзальной подстанции произошло короткое замыкание. Возник пожар, обрушилась стена и за всем этим наблюдал сам кайзер Вильгельм I[50]. Скандал был невероятный, причем с дипломатическим привкусом. По поручению кайзера германский посол в Соединенных Штатах потребовал от Эдисона скорейшего исправления положения, то есть – строительства и новой электростанции. Срок установил кайзер, который сказал, что к 1 марта станция должна быть готова. То есть в нашем распоряжении было менее шести месяцев – невероятно короткий срок. Эдисон прислал Реверди грозную и очень длинную телеграмму, смысл которой сводился к тому, что в случае невыполнения требования кайзера все руководство парижского отделения будет уволено. Можно представить состояние Реверди и его помощников. После такого скандального увольнения их больше никуда бы не взяли. Вместе с «Peitsche»[51] в телеграмме Эдисона был и «Zuckerbrot»[52] – в случае строительства станции в срок парижское отделение получало 25 000 долларов премиальных. Реверди бегал по кабинетам и кричал, что отдаст всю премию тому, кто возьмется за строительство станции, но никто не брался сделать это раньше июля. Мне стало жаль его. Премия тоже привлекала – такая огромная куча денег! Я мог бы исполнить свою давнишнюю мечту – купить для матери новый дом. Дождавшись, пока Реверди вернется в свой кабинет (разговаривать на людях мне не хотелось), я пришел к нему и сказал, что берусь построить станцию в установленный кайзером срок. Реверди осыпал меня комплиментами (французы на это мастера), подтвердил свои слова относительно 25 000 долларов и отправил меня к инженеру Морису Бертлену, который строил первую станцию, для того чтобы тот ввел меня в курс дела. Все в компании были уверены, что после случившегося Бертлена уволят, но этого не случилось. Впоследствии мне стало известно почему, но эта причина настолько мерзкая, что я не хочу упоминать о ней. В помощники себе (руководителю строительства полагался помощник) я выбрал Антала. Мы договорились, что поделим премию пополам. Антал отчаянно нуждался в деньгах, поскольку любовницы, которых у него всегда было несколько,

обходились ему очень дорого. В Париже все дорого – и жилье, и женщины, и провизия.

В Страсбурге меня встретили насмешками. Приехал очередной горе-инженер строить станцию! Мэр Страсбурга Ипполит Бозен смотрел на нас с Анталом как на заклятых врагов. Его можно было понять. Сорванное открытие вокзала чуть было не стоило ему должности. У Вильгельма I характер был суровым. Это чувствуется даже по фотографиям. Когда строительство пошло полным ходом и стало ясно, что станция будет построена в срок, мэр изменил свое отношение к нам и стал приглашать меня (но не Антала, ибо не считал помощника ровней себе) на ужины. Меня поразило, что мэр крупного города, считавший себя образованным человеком, не знал, что на свете существуют сербы, хорваты, боснийцы и черногорцы. «Почему у вас такое имя? – спросил меня он, когда я впервые пришел к нему в гости. – Вы грек или поляк?» Когда у меня в Америке спрашивают, кто такие сербы и где они живут, я всегда вспоминаю Бозена.

Работать нам с Анталом приходилось очень много. Второго конфуза быть не могло, поэтому мы держали под своим контролем все, вплоть до мелочей. Попутно я пытался докопаться до причины замыкания из-за которого начался пожар, опрашивая тех, кто оборудовал сгоревшую станцию. Это расследование я проводил по собственному почину, поскольку считаю, что причины любой аварии непременно должны быть установлены, чтобы не было бы повторов. Я пришел к выводу, что все произошло по халатности Бертлена и его помощника, некоего Тома, которые поручили установку «сердца» станции – генератора малоопытным людям, не надзирали за ходом работ и не произвели пробного пуска до церемонии открытия. Я изложил всю эту информацию в письме к Реверди и попросил Антала, помогавшего мне в опросах, засвидетельствовать истинность того, что я пишу. Но Антал посоветовал мне не писать об этом и сказал, что Реверди скорее уволит меня, чем Бертлена. Когда Антал объяснил мне причину (будучи гораздо общительнее, чем я, он знал все сплетни до единой), я переписал свое письмо.

Вместо одного пробного пуска, как это полагалось правилами, мы сделали три, благо время у нас было. Мы так старались, что станция была готова на шесть дней раньше срока. Возвращаясь в Париж, мы с Анталом чувствовали себя богачами. 12 500 долларов и сейчас внушительная сумма, а в те времена доллар стоил чуть ли не втрое больше, чем сейчас. Мы строили планы и гадали – дадут ли нам отпуск или нет. Отпуска очень хотелось, поскольку устали мы невероятно. Пока были заняты делом, усталости не чувствовали, но когда закончили, она

навалилась на нас. Я хотел навестить мать и заодно приобрести ей новый дом. Представлял, как куплю его тайком от нее, а затем приведу ее и скажу: «Мама, теперь ты будешь жить здесь!» С таким же успехом я мог бы мечтать о том, как построить лестницу до Луны, потому что негодяй Реверди обманул нас, то есть – меня, потому что Анталу он ничего не обещал. Реверди обманул меня, а я невольно обманул Антала.

Меня не только цинично обманули. Меня вдобавок унизили, выставив дураком. Когда я пришел к Реверди за деньгами, он отправил меня к своему помощнику, тот – к бухгалтеру, а бухгалтер – опять к Ро. Я не сразу понял, что надо мной издеваются. Сначала я думал, что стал жертвой привычной французской безалаберности, но, пройдя по этому кругу дважды, понял. Высказав Реверди свое возмущение, я потребовал, чтобы он исполнил свое обещание. Реверди посмотрел на меня так, как учитель смотрит на непонятливого ученика, и снова отправил к помощнику. Я сказал ему, что он бесчестный человек и что я не желаю с ним работать. Антал не последовал за мной, а остался в компании, потому что боялся надолго остаться без работы. Отец Антала с некоторых пор перестал давать ему денег, сказав, что не намерен содержать взрослого сына, которому давно пора научиться жить по средствам. Антал не имел за душой ни гроша и жил от одной получки до другой. У меня тоже практически не было сбережений, но я не мог оставаться в компании после такого унижения.

Я решил ехать в Россию.

Россия, в которой я никогда не был

Работая в Будапеште и в Париже, я часто сталкивался с русскими инженерами. В основном это были те, кого вынудили покинуть родные края политические причины. То время было весьма неспокойным для Российской империи. Убийство императора Александра Второго отразилось на судьбе множества людей. Я никогда не интересовался политикой и не знаю, насколько опасными были мои знакомые русские, но инженерами они были хорошими. Я жадно слушал их рассказы о России и мечтал о том, чтобы там побывать. Когда я ушел из Континентальной компании Эдисона, у меня появилась мысль о том, что можно не просто побывать в России, но и поработать там. Русский язык близок к сербскому и за время общения с русскими я освоил его довольно хорошо. Один из моих русских знакомых Алексей Жаркевич дал мне рекомендательное письмо к профессору Московского университета Любимову[53]. Любимов одно время работал в Париже[54], и здесь многие его помнили. Рекомендательное письмо было мне очень кстати, поскольку я не мог позволить себе отправляться в столь далекий путь, в незнакомую мне страну наугад. Денег, которые у меня были, хватило бы только на дорогу и оплату жилья на первых порах. Жаркевич, знакомый с моими изобретениями, заверил меня, что Любимов непременно даст мне работу в своей лаборатории или пристроит меня еще куда-то. Я купил несколько книг на русском языке, чтобы углубить свои познания, и начал готовиться к отъезду в Россию. Один из сотрудников Континентальной компании Эдисона по имени Чарльз Бэтчелор вдруг начал отговаривать меня. Бэтчелор хорошо знал Эдисона. Он считал, что я должен ехать не в Россию, а в Америку к Эдисону. Он тоже обещал мне рекомендацию и место. Я оказался между двух соблазнов. Россия манила меня гораздо больше, чем Америка, потому что это была хоть и незнакомая, но все же не чужая мне страна. Но, с другой стороны, Эдисон привлекал меня больше профессора Любимова. О Любимове я всего лишь кое-что слышал, а Эдисон был моим кумиром. Все решения я принимаю обдуманно. «Что мне надо?», – спросил я себя и ответил: «Иметь работу и условия для своих изысканий». Жаркевич говорил о моем трудоустройстве в Москве в общих чертах. Он обещал лишь то, что Любимов не оставит меня без дела. Бэтчелор же расписывал мое будущее в деталях, вплоть до зарплаты, которую мне предстояло получать в американской компании Эдисона. Он лил мед мне в уши столь усердно, что я выбрал Америку. Сыграло

свою роль и мое тогдашнее отношение к Эдисону. Эх, если бы я только знал, чем все закончится! Дважды в жизни я совершал поступки, за которые не перестаю упрекать себя. Первым было мое пристрастие к играм, а вторым – выбор Америки вместо России.

В 1892 году я собирался выступит с лекциями в Петербурге, но потрясение, вызванное смертью моей дорогой матери, привело к болезни, которая изменила мои планы. Вот так мне дважды не удалось попасть в Россию.

Я внимательно слежу за тем, что происходит в России. Стараюсь получать сведения не только из газет, которые врут сплошь и рядом, но и от очевидцев. Я приветствовал русскую революцию, которая установила принципы справедливости на одной шестой части земного шара. Перед Советским Союзом стояло и стоит невероятное количество трудностей, но страна их преодолевает. Русским повезло – у них есть социализм и Сталин. Счастлив народ, который имеет мудрого вождя. Я завидую русским и сочувствую моим соотечественникам, которыми правят трое случайных людей[55]. Только под руководством мудрого и сильного правителя народ способен творить великие дела. В Советском Союзе что ни дело, то великое свершение. Меня приглашали на работу в Советский Союз, но сейчас я слишком стар для переездов и привыкания к новым местам. Но если бы было можно повернуть время вспять и вернуться на полвека назад, то я бы, ни секунды ни раздумывая, послал бы Бэтчелора с Эдисоном к чертям и уехал бы в Москву. В моей небольшой домашней библиотеке на самом почетном месте стоит сборник статей об Октябрьской революции, подаренный мне послом Советского Союза в Соединенных Штатах Сквирским[56]. Я часто перечитываю его и с любовью думаю о стране, в которой уже вряд ли смогу побывать. Возраст имеет множество преимуществ и два недостатка – слабеет здоровье и все чаще приходится говорить себе: «Этого я уже никогда не смогу» или «Этого я уже никогда не успею». Возможно, что если бы у меня были бы дети и внуки, то ради их счастья я решился бы на переезд в Советский Союз и в восьмидесятилетнем возрасте, но ради себя одного уже не решусь. Я сказал когда-то Сквирскому: «Что толку тащить старые кости через океан? Переезжать стоит пока молод, чтобы принести новой родине как можно больше пользы, а не быть для нее обузой».

Я передал Сквирскому основную часть моего архива по «Мировой системе». В Соединенных Штатах эту идею осуществить уже не удастся – мне никто не даст денег. И в Европе тоже никто не даст. Очень обидно вспоминать о том, как я потерпел

поражение буквально накануне победы. Я убеждал всех, что для завершения дела нужно всего 20 % от того, что было уже истрачено. Пятая часть! Я напишу о «Мировой системе» позже более подробно. Сейчас же просто хочу отметить, что передал архив в Советский Союз, поскольку только там может быть осуществлен этот проект. Сквирский сказал, что он не может дать мне гарантий, поскольку это не в его компетенции, но заверил, что мой архив будет тщательно изучен. Это меня успокоило полностью. Любой настоящий ученый (ученый, а не делец от науки!), ознакомившись с моим архивом, поймет что «Мировая система» не «утопический бред свихнувшегося старика» (это слова сенатора Гэрри)[57], а логично обоснованный и тщательно рассчитанный проект, осуществление которого принесет большую пользу человечеству. А уж на то, что приносит людям пользу, в Советском Союзе непременно найдутся деньги. В этом я уверен.

Я верен своим принципам. Если для советского народа мне ничего не жалко, то на все предложения, поступающие от немцев (ко мне обращаются то от имени Ленарда[58], то от имени Планка[59] Штарка[60], и др.), я отвечаю категорическим отказом. Честно сказать, меня удивляет немецкая настойчивость, происходящая не столько от силы характера, сколько от твердолобости. Что такое нынешняя Германия я хорошо представляю. Достаточно послушать то, что рассказывает о причинах, побудивших его к эмиграции Альберт Эйнштейн. Мы можем расходиться во мнениях с Эйнштейном в научных вопросах[61], но не в политических.

Германия и Япония заключили пакт против Советского Союза[62]. Это вызывает тревогу. Но я уверен, что во всем мире нет силы, способной одолеть Советский Союз. Если даже сразу после революции не смогли одолеть, то уже никогда не одолеют. Работая сейчас с Вэном, я прекрасно понимаю, в какой сфере в первую очередь будут использованы результаты этой работы. Все мои значительные изобретения в первую очередь использовались военными. Мне никогда это не нравилось, потому что по натуре я человек миролюбивый и противник всяческих войн. В свое время я даже был вынужден некоторое время скрываться, чтобы избежать призыва в австрийскую армию[63]. Я делал это не из трусости, а по убеждениям. Мне претит сама мысль о убийстве. Должно случиться что-то крайне значительное, чтобы побудить меня взять в руки оружие и стрелять в людей. Я мог бы сделать это, если бы речь шла о защите моей родины от врагов. Но защищать Австро-Венгерскую империю, которая нас (и не только нас) угнетала, я не хотел. Так вот, сейчас я не переживаю из-за того, что работаю на Военное министерство. Рано или поздно

армии Соединенных Штатов придется сражаться с Гитлером, потому что такую гадину можно одолеть только сообща, всем миром. Я уверен, что новая мировая война будет и что, как и в прошлый раз, ее развяжут немцы. Несчастный XX век! С ним связывалось столько надежд, а он уже принес человечеству столько горя и принесет еще. Только и было хорошего в нынешнем веке, что русская революция, в результате которой появился Советский Союз. Я хорошо помню прогнозы 1918 года. Сначала все были уверены, что большевики продержатся несколько месяцев, потом месяцы превратились в годы. На сегодняшний день большевики у власти уже двадцать лет! Двадцать лет! Весь мир, который поначалу отвернулся от них, теперь признает их и сотрудничает с ними. Мне очень хочется, чтобы Сталин приехал в Соединенные Штаты. Очень хочу увидеть его, но сам уже не отважусь отправляться в столь далекое путешествие – несмотря на все мои старания, здоровье мое становится все хуже и хуже. До восьмидесяти лет я успешно воевал со старостью, а теперь она берет свое. Не очень быстрыми темпами, но все же берет.

Нью-Йорк. Компания Эдисона

6 июня 1884 года я ступил на американскую землю. Я был измотан тяжелым плаванием, я был голоден, как волк зимой, после длительного плавания земля качалась под моими ногами, словно палуба, но все неприятное не имело значения. Я добрался до Нью-Йорка и был счастлив. Счастье ударило мне в голову сильнее вина. Я был пьян от счастья.

Оказавшись в первый раз в Компании электрического освещения Эдисона, я не верил своему счастью. Позади у меня остались парижские разочарования и долгое, невероятно мучительное плавание на корабле. Когда по прибытии в порт я подошел к капитану, чтобы поблагодарить его за все, что он для меня сделал, капитан демонстративно отвернулся в сторону. Это случилось при свидетелях, которые начали усмехаться. Возможно, со стороны это и впрямь выглядело комично – я высокий и худой (а за время плавания я похудел невероятно) рядом с низеньким толстяком-капитаном. Но мне от усмешек оскорбление показалось еще более грубым. На американскую землю я ступил в самом плохом расположении духа, несмотря на то что ждал этого момента как величайшей радости. Во время плавания мне было тяжело, и я, как мог, пытался приободрить себя. Я внушал себе, что все случившееся со мной – к лучшему. Что бы было, если бы я получил обещанную мне премию? Я бы купил матери дом и продолжил бы работать в Париже. А сейчас я плыву в Соединенные Штаты к Эдисону! Я буду работать у лучшего изобретателя в мире (таким мне тогда казался Эдисон). Вместе с ним! Объединив наши умы, мы сможем создать нечто невероятное! И получать у Эдисона я буду гораздо больше, чем в Париже, так что дом матери куплю очень скоро. В своей идеалистической наивности я дошел до того, что вообразил, будто Эдисон компенсирует мне то, что я не получил в Париже. Он же должен был спросить, почему я вдруг ушел из его Континентальной компании и приехал в Нью-Йорк. Разумеется, я бы не стал скрывать причину. Тот Эдисон, который являлся в моем воображении, не мог допустить, чтобы его алчные сотрудники пятнали его репутацию, обманывая доверчивых людей. Он непременно восстановит справедливость, выплатит мне 25 000 долларов, а жадного и подлого Реверди с его помощниками выгонит к чертям. Знал бы я, чем все закончится! К 25 000 добавится еще 50 000! Но если бы не рисовать в воображении во время плавания радужных картин, то впору было прыгать от тоски за борт. Огромное безбрежное пространство

океана оказывало на меня странное завораживающее действие. Оно пугало и манило одновременно. Время от времени, когда я глядел на воду, у меня появлялась безумная мысль – прыгнуть в нее и попробовать достать до дна. Голод, усталость, обида, качка… В таких условиях деятельность мозга не может не нарушиться. Хорошо еще, что не дошло до чего-нибудь большего. Одна женщина, плывшая в третьем классе, еврейка из Будапешта, сошла с ума на второй неделе плавания. Начала рыдать, умоляла, чтобы пароход повернул обратно и т. п. Ее пришлось изолировать в отдельной каюте. Рыдания ее разносились по всему пароходу и еще сильнее портили мне настроение. Спасение было только в одном – думать о хорошем, внушать себе, что нужно потерпеть еще немного и затем наступит замечательная во всех отношениях жизнь.

Если бы я сейчас нашел воров, обокравших меня в Париже перед отплытием в Нью-Йорк (их было двое – один отвлек меня, а другой обокрал), то обнял бы их, как родных братьев, и поблагодарил бы за сделанное мне предостережение, которого я тогда по глупости не понял. Уж казалось бы – чего проще? Украли у тебя билет и деньги, значит не нужно тебе плыть в эту чертову Америку. Вернись домой и подумай – правильно ли ты поступаешь? Но я не внял предупреждению и в результате получил то, что получил.

Лаборатории Эдисона поразили меня. Они были большими, их было много, при них имелся цех, производящий детали для экспериментальных машин, кругом сновало много народу и над всем этим царил Эдисон. Он удостоил меня беседы, в ходе которой я почти не говорил, а слушал и млел – Великий Изобретатель рассказывал мне о своих планах, перескакивая с пятого на десятое. Эдисон всем рассказывал о своих грандиозных планах, но так, что понять ничего было невозможно – набор общих слов, среди которых чаще всего звучали слова «грандиозно» или «невероятно». О том, почему я ушел из Континентальной компании, Эдисон меня не спросил. Он, конечно же, знал причину. Позже, когда я был обманут вторично, уже и самим, я понял, что такие трюки в его компаниях в порядке вещей – пообещать сотруднику крупную премию и не выдать ее. Экономия получается значительная. Например, если бы мне не была обещана премия, то я потребовал бы от Ро, чтобы в Страсбурге он платил нам с Анталом по меньшей мере в полтора раза больше обычного, потому что мы работали по 14–16 часов в день. Но с учетом обещанной премии было неловко требовать увеличения окладов. Более того – я и телеграммы в Париж отправлял за свой счет, а их приходилось отправлять очень часто

– по три-четыре раза в неделю.

Я мог бы отдохнуть несколько дней, но предпочел выйти на работу уже на следующий день. Желание у меня было только одно, чтобы мне как можно скорее представилась бы возможность проявить себя, показать Эдисону, какого ценного сотрудника приобрел он в моем лице. «Если хорошо попросить Бога, то петух снесет яйцо», – говорят сербы. Мое желание исполнилось уже на следующей неделе, но, прежде чем я расскажу об этом, я сделаю небольшое отступление.

Эдисон был энергичным экспериментатором. Я уже писал об этом. Теорию он знал плохо и не умел мыслить так, как положено мыслить изобретателю. Он не пытался понимать, как будет работать то или иное изобретение, перед тем как запустить его в производство. Все недостатки выявлялись экспериментальным путем, в ходе эксплуатации, хотя больше половины поломок можно было бы избежать, если подумать, произвести дополнительные расчеты, провести испытания с повышенной нагрузкой. Работая у Эдисона, я постоянно вносил какие-то усовершенствования как в его экспериментальные образцы, так и в уже пущенные в производство. Эдисон всегда торопился сам и торопил своих сотрудников. Из-за этого нареканий на его изобретения было очень много. Можно сказать, что половина сотрудников его лабораторий была занята изобретениями, а другая половина – ремонтом.

Первым пароходом, который осветила компания Эдисона, был британский пассажирский пароход «Орегон». На нем одновременно (обратите внимание на это обстоятельство!) сгорели два генератора. Это случилось за несколько дней до отплытия «Орегона» в Саутгемптон[64]. Помимо выхода из строя всего освещения, была и другая неприятность, более крупная – на пароходе возникла угроза пожара. Репутация Эдисона оказалась под угрозой. Вдобавок в случае срыва сроков отплытия ему пришлось бы оплачивать владельцу «Орегона», компании «Блю Рибэнд», понесенные ею убытки. Это могло уничтожить компанию Эдисона. Я не преувеличиваю. Дело в том, что энергичный Эдисон всегда был в долгах. Он не шел путем логики, а ставил множество дорогих экспериментов. Он занимал деньги для того, чтобы иметь возможность ставить эксперименты, ставил их, продавал изобретения, расплачивался с долгами и занимал деньги на новые эксперименты. Ущерб репутации плюс обязательство выплатить огромную сумму (срыв рейса трансатлантического парохода!) уничтожило бы компанию Эдисона[65].

Эдисон был экспериментатором, а экспериментаторы в

случае поломок действуют одним-единственным путем – разбирают установку и проверяют каждый ее узел. Демонтаж двух генераторов затянулся бы надолго. Потом последовала бы проверка узлов и монтаж новых генераторов. Вполне возможно, что Эдисону пришлось бы компенсировать «Блю Рибэнд» стоимость двух трансатлантических рейсов.

То, что творилось в парижском отделении Континентальной компании Эдисона при известии о пожаре на вокзале в Страсбурге, не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось в компании Эдисона в Нью-Йорке. Эдисон уволил всех причастных к установке освещения на «Орегоне» и инженера Дэвиса, который не смог разобраться в причине поломки. Дэвису поручил разобраться с генераторами Эдисон. После того как Дэвис не справился, Эдисон не знал, кому поручить ремонт. Сам он в подобные дела не совался. Во-первых, потому что был белоручкой, а во-вторых, не любил рисковать своим авторитетом. Юпитер должен быть лучше всех, невозможно представить, что он не способен в чем-то разобраться.

Желающих ремонтировать генераторы на «Орегоне» не было. Дэвис имел хорошую репутацию. Он служил у Эдисона не первый год. То, что Дэвис не справился, и то, как легко расстался с ним Эдисон, пугало других сотрудников, большинство которых, подобно Эдисону, были экспериментаторами, а не логиками.

Я же, в отличие от них, был логиком и унаследовал от предков умение работать руками[66]. Я вызвался устранить поломку. Эдисон недоверчиво поглядел на меня и разрешил. Не стану углубляться в подробности, скажу только что на выявление причины у меня ушло около часа, а на ее устранение (генераторов было два) – восемь с половиной. Закончив ремонт, я около двух часов тщательным образом проверял каждый генератор для того, чтобы убедиться в отсутствии других проблем. Разумеется, можно было бы позвать помощников, но мне хотелось сделать все самому. Это выглядело бы очень эффектно – новичок за ночь починил оба генератора в одиночку! До отплытия «Орегона» оставалось меньше суток, когда я, грязный как трубочист, явился к Эдисону и дрожащим от радости голосом доложил, что оба генератора в порядке, он не поверил мне до тех пор, пока не побывал на «Орегоне» и не убедился в том, что я говорю правду. «Как вам это удалось?» – спросил он. Я объяснил ход моих мыслей и действий.

За подобный «подвиг» мне полагалась премия, но вместо этого я был «награжден» еще одной беседой с Эдисоном. На этот раз он предоставил возможность выговориться мне, и сама беседа длилась около полутора часов – невероятное время для вечно

торопящегося Эдисона. Я смог подробно рассказать Эдисону о своем двигателе, работающем на переменном токе, и описать его преимущества. Я знал, что Эдисон сторонник постоянного тока, и ожидал дискуссии. Более того – я жаждал ее, потому что ничто в жизни не доставляет мне такого удовольствия, как научный спор с умным собеседником. Не правы те, кто говорит, что истина рождается в спорах. В спорах она не рождается, а оттачивается. Исчезают сомнения, оттачивается ход рассуждений, исправляются ошибки. Если мне не с кем поспорить относительно какой-то идеи, я спорю сам с собой.

К моему удивлению, Эдисон не стал со мной спорить. Он ограничился тем, что назвал мой двигатель «бесполезным» и «никому не ненужным». Я начал возражать, но мои возражения отметались со снисходительной усмешкой. Я горячился, а Эдисон был спокоен. Он вообще был чересчур спокойным для изобретателя. Оборвав меня на полуслове, он сказал, что я, вне всякого сомнения, талантлив и что моим талантам нужно найти должное применение.

Мой расчет оправдался. Отношение ко мне изменилось. Раньше меня не замечали, а теперь смотрели с уважением. Эдисон, проходя мимо меня, непременно останавливался и спрашивал, над чем я сейчас работаю. Я все время над чем-то работал, даже в свободное время. Успех окрылил меня и в ожидании следующего случая, когда я смог бы его закрепить, я улучшал все, что только можно было улучшить. Если бы я патентовал бы тогда каждое свое изобретение, то смог бы переехать из маленькой квартирки в Вавилоне (так я называл про себя Нижний Ист-Сайд из-за его пестрого населения)[67] в хорошее жилье и разом решить все свои проблемы, начиная с покупки дома для матери и заканчивая кардинальным обновлением гардероба. Я никогда не был щеголем и не гнался за модой, но в Нью-Йорке человека оценивают по тому, на сколько долларов он выглядит. Если ходишь в поношенном костюме и стоптанных ботинках, то ты неудачник и отношение к тебе соответствующее. Покупка же дома для матери была у меня тогда чем-то вроде навязчивой идеи. Мне очень хотелось сделать ей такой подарок. Я был молод и не понимал, что мать вряд ли бы обрадовалась. На старости лет очень трудно привыкать к новому.

Эдисон работал быстро, но небрежно. У него не было принято улучшать то, что уже работало. Закончив одно, сотрудники сразу же брались за другое. Вдобавок, далеко не у всех была хорошая теоретическая подготовка. Не хочу хвастаться, но улучшить конструкцию порой бывает сложнее, чем придумать ее. Другие сотрудники начали косо смотреть на меня, потому что я своими

улучшениями демонстрировал превосходство над ними, но Эдисон всякий раз говорил что-то одобрительное и довольно скоро сам начал давать мне задания что-то доработать. Эдисон хорошо умел разбираться в людях. Хорошо и всесторонне. Он быстро подмечал индивидуальные особенности человека, быстро оценивал, на что тот способен и что ему лучше дается. Каждому из своих сотрудников Эдисон давал то дело, в котором сотрудник может проявить себя наилучшим образом. И еще Эдисон умел подобрать ключ к сердцу человека. Он освободил меня от моих рутинных обязанностей, заключавшихся в замене перегоревших ламп и мелком ремонте светильников, и поручил мне только доработку экспериментальных лабораторных образцов. Он понял, что похвала мне (его похвала!) дороже денег, и любое мое усовершенствование встречал чуть ли не аплодисментами. «Господа! Вот человек, который приехал в Америку, чтобы прославить ее!» стало у него расхожей фразой. Мне, бедному эмигранту-новичку было крайне лестно слышать такие слова от самого Эдисона!

«Солнце ослепляет, гром оглушает, а лесть делает и то и другое», – говорил мой отец. Ослепленный и оглушенный похвалами Эдисона, я не видел того, что творилось вокруг. Время от времени кто-то из сотрудников покидал компанию со скандалом. Я пропускал мимо ушей обвинения в адрес Эдисона, будучи уверенным, что все это клевета. Самыми гнусными казались мне обвинения в кражах чужих патентов. Говорили, что с помощью одного из клерков патентного бюро по фамилии Финк Эдисон крадет чужие секреты и проворачивает махинации с патентами, получая их задним числом. Это было правдой, но тогда я не верил ничему плохому, что слышал об Эдисоне.

Убедившись в моих способностях, Эдисон предложил мне конструктивно доработать машины постоянного тока, разработанные его компанией. Это была очень серьезная и ответственная работа. Речь шла не о внесении отдельных изменений в конструкцию, а о кардинальной переработке имеющихся машин. Все равно что взять велосипед и создать на его основе автомобиль. Я нисколько не преувеличиваю. О важности и масштабах задачи свидетельствовал и размер обещанного мне вознаграждения. «В случае успеха вы получите 50 000 долларов», – сказал Эдисон. 50 000 долларов! Я не поверил своим ушам! Видя мое замешательство, Эдисон повторил: «Вы получите 50 000 долларов, если меня устроит результат вашей работы!»

Я не помнил себя от счастья. Я вообразил, что таким образом Эдисон хочет исправить то, что сделал в Париже Ро. «Он знает, –

подумал я, – он, конечно же, знает обо всем, но по каким-то причинам не хочет обсуждать со мной поведение Ро. Он предпочитает поступить иначе. Что ж, это его дело». Я согласился и со следующего дня приступил к работе. Я переселился в лабораторию – работал по 22 часа в сутки и спал 2 часа здесь же, на составленных вместе стульях. Мысли возникали в моей голове одна за другой. Я был счастлив оттого, что могу закрепить свой успех – предложить столько новшеств после ремонта генераторов на «Орегоне» и получить столь огромную сумму. 5 000 из 50 000 я собирался отправить матери. Этой суммы ей хватило бы не только на покупку и обстановку дома. 12 500 я собирался отправить Анталу. Мне было неловко перед ним, как будто это я его обманул. Остальные деньги я собирался потратить на совершенствование и разработку новых вариантов двигателей переменного тока. У Эдисона можно было заниматься лишь тем, что нужно Эдисону, то есть – постоянным током. Поэтому для работы с переменным током мне была нужна собственная лаборатория, пусть и небольшая, но своя. Должен сказать, что Эдисон сильно проигрывал, подчиняя работу своих сотрудников собственным взглядам. Если бы он предоставлял бы им свободу творчества, то они бы придумывали больше полезного. Свобода – необходимое условие изобретательского процесса. Изобретательство – это разновидность творчества, а творчество нельзя загонять в прокрустовы рамки[68] догм.

Однажды в компанию явился сам Морган[69]. Великий человек («Президенты меняются, а Морган вечен», – говорили в те времена) разговаривал с Эдисоном как с равным и жал ему руку. Я был так горд, словно Морган разговаривал со мной. Я буквально прирос сердцем к компании Эдисона, радовался всем его успехам и переживал по поводу любой неудачи. Работая над усовершенствованием двигателей я добровольно вызывался помочь, если где-то случалась крупная авария. Другие сотрудники считали меня карьеристом и тихо ненавидели. Мне дали ироничное прозвище «Парижанин». Но я не был карьеристом, я просто болел душой за компанию Эдисона, которая стала моим домом на чужбине. Я нахваливал Эдисона в письмах матери так, что она стала молиться за него – моего благодетеля и друга. Эдисон нещадно эксплуатировал меня, а я считал его своим другом. Я наивен и доверчив. Считаю, что лучше уж пусть меня обманут, чем я заведомо буду плохо думать о человеке, подозревать его в чем-то недостойным. Пока человек не покажет мне, что он недостоин доверия, я ему доверяю. Таким я родился, таким и умру.

После того как я выполнил задание моего «благодетеля»[70],

Эдисон сказал, что пошутил насчет 50 000 долларов. Я возмутился, он рассмеялся в ответ и предложил увеличить мой оклад на 10 долларов в неделю. Я ответил на это, что предпочел бы получить свои деньги сразу, а не в течение 53 лет. Расчет в уме я произвел мгновенно и точно, несмотря на свое донельзя возбужденное состояние. Эдисон отрицательно покачал головой и сказал, что в Америке не принято торговаться с работодателем. Мы расстались.

Роберт Лейн и Соломон Вайль

Шпионаж в Соединенных Штатах встречается повсеместно. Здесь все шпионят за всеми. У Эдисона повсюду были свои шпионы, и многие из тех, кто работал на него, работали еще на кого-то – на его конкурентов, на репортеров, на людей, которые хотели вложить деньги в изобретения. Изобретения давали очень хорошую прибыль, сравнимую с той, что дает игра на бирже, но в отличие от игры изобретения были надежным делом. Время от времени со мной знакомились люди, которые называли себя «финансистами». На деле они таковыми не были. Просто имели некоторую сумму денег и искали изобретателя для создания компании с ним на паях. Мелким дельцам не было смысла сотрудничать с такими акулами, как Эдисон. Эдисон ворочал сотнями тысяч и забирал себе львиную долю прибылей. Вот они и искали кого помельче.

Среди десятка «финансистов», с которыми я успел познакомиться, был всего один человек, вызвавший у меня симпатию. Его звали Роберт Лейн. Я сразу же отметил, что у него умный живой взгляд. При знакомстве я первым делом смотрю в глаза человеку. Также мне понравились манеры Лейна. Я до сих пор, прожив в Соединенных Штатах более полувека, не могу привыкнуть к тому, что незнакомых людей можно запросто хлопать по плечам, что ноги можно задрать на стол, что можно ковырять в зубах на людях, да еще и ногтем мизинца, и сплевывать где захочется. Лейн же по американским меркам держался как аристократ, а по европейским как нормальный, воспитанный человек.

Уйдя от Эдисона, я пришел в контору Лейна и сказал, что готов с ним сотрудничать. У меня к тому времени уже появилась кое-какая репутация, поэтому Лейн тут же познакомил меня со своим партнером Соломономом Вайлем. Лейн немного разбирался в электротехнике, а Вайль был своим человеком в финансовых кругах и мог достать большие деньги для солидного дела. Они так почтительно обращались со мной, что я сразу же выложил им все мои сокровенные планы, в первую очередь – касающиеся создания электрической машины переменного тока. Я убеждал их, что переменный ток принесет по пятьдесят долларов на каждый вложенный доллар, причем убеждал не голословно, а на основе расчетов, пускай и общих, приблизительных. Я человек осторожный. Когда считаю расходы, то округляю итог в большую сторону, когда считаю доходы, то в меньшую. «Мы будем монополистами! – горячился я. – Мы

совершим революцию в электротехнике! Деньги потекут к нам рекой!» Мои новые компаньоны мне не поверили. Их идеалом был Эдисон, а Эдисон и слышать не хотел о переменном токе. Проклятые стереотипы, этот вечный тормоз прогресса!

Мне было сказано, что никто не даст нам ни цента на машины переменного тока, а вот на разработку дуговых ламп для уличного освещения можно без проблем получить деньги. «Поймите, что у вас пока еще нет имени, – сказал мне Лейн. – Под вас никто не даст денег. Деньги дадут только под перспективный проект». «Он прав! – подумал я, нисколько не обидевшись на правду. – Начнем с ламп. Я сделаю себе имя на лампах, а затем начну делать машины переменного тока».

Так была основана «Тесла электрик лайт энд мануфактуринг компани». Я стал независимым (так мне тогда казалось) совладельцем собственного дела. Довольно скоро я изобрел бесшумную дуговую лампу[71], которая сразу же стала применяться для освещения улиц. Я был счастлив. Я жил в замечательных условиях – у меня был небольшой собственный дом, занимался любимым делом и ни от кого не зависел. «Мои дела пошли в гору, – писал я матери. – Наконец-то у меня все хорошо!»

Эдисон знал о моих успехах. Иногда я встречал на улице или в парке кого-то из его сотрудников и перебрасывался с ними парой слов. У меня было такое чувство, будто я утер нос Эдисону.

На первых порах Лейн и Вайль казались партнерами, о которых можно только мечтать – честными, порядочными, надежными. Точнее, казался один Лейн, поскольку Вайля я почти не видел. Лейн интересовался ходом работ, ему я отчитывался и от него получал сведения о состоянии наших дел. Работал я сразу по нескольким направлениям – занимался лампами, переменным током и проблемой передачи электрической энергии на расстояние. Освобожденный от всех прочих забот, я работал как одержимый. Впрочем, это мой обычный стиль работы, иначе я и не умею. Но когда меня совсем ничего не отвлекает, я работаю продуктивнее обычного. С самого начала работ я установил приоритетом длительную бесперебойную работу своего изобретения. На первых порах у Эдисона я занимался заменой ламп и прекрасно представлял себе, какую выгоду может принести по-настоящему надежная лампа. Мне очень нравилось, что Лейн не торопил меня. Я привык работать столько времени, сколько нужно. Я не тороплюсь, но зато мне не приходится краснеть за свою работу.

Мое впечатление о Лейне существенно испортилось после того, как он предложил мне «порыться в чужих патентах».

Оказывается, что и у него был свой человек в патентном бюро. Я возмущенно отказался, сказав, что привык читать статьи в научных журналах, а не патентную документацию. Мне стоило насторожиться еще в тот момент, но я предпочел объяснить случившееся не беспринципностью Лейна, а американской манерой вести дела. О, как же я ошибался! Фразой «здесь все так делают» можно оправдать любую низость. Нет, порядочный человек даже среди подлецов остается порядочным.

В феврале 1886 года работа над созданием лампы была закончена. Получив несколько образцов, Вайль начал заключать контракты, а мы с Лейном занялись организацией производства. Меня сильно поразил американский подход к делу. Я представлял себе следующим образом: мы организуем производство, производим некоторое количество ламп, кладем их на склад и только тогда начинаем предлагать их покупателям. Оказалось, что я ошибался. В Соединенных Штатах принято торговать воздухом, продавая то, чего еще нет. «Нельзя терять время, потому что время – это деньги, – объяснил мне Лейн. – Пока дойдет дело до контрактов, мы успеем наделать достаточно ламп». Так оно и вышло. Моя лампа хорошо зарекомендовала себя. Мы строили планы покорения всего штата Нью-Джерси. Я решил, что пора вернуться к серьезной работе над машиной переменного тока, и сказал об этом своим партнерам. Нам уже не нужны были кредиты, нам хватило бы тех денег, которые мы получали за лампы.

Лейн с Вайлем снова начали возражать. Им моя идея казалась неперспективной. Когда я понял, что убедить их мне не удастся, то сказал, что буду вести работу на собственные средства и попросил выплачивать мне мою долю – треть от общей прибыли компании.

Будучи человеком, совершенно неискушенным в юридическом крючкотворстве, и полностью доверяя моим компаньонам, я не очень-то вчитывался в документы, которые подписывал при основании компании. К тому же многое в документах было изложено специфическим языком юристов, который для меня так же непонятен, как арабский или японский языки. Пункт, в котором было сказано, что на собрании учредителей компании можно голосованием вводить или выводить кого-то, не вызвал у меня никаких подозрений и не вызвал до тех пор, пока я не был выставлен из компании с пачкой ничего не стоящих бумажек на руках. С точки зрения закона все было обстряпано правильно. Ввиду непримиримых разногласий между учредителями, двое из них большинством голосов (два против одного) выставили третьего, выплатив ему

причитающуюся долю акциями. Акции же годились лишь на то, чтобы оклеивать ими стены, потому что ничего не стоили. Мои компаньоны давно задумали избавиться от меня и только ждали повода, который я им дал. Для продажи и установки ламп по предложению Вайля была создана новая компания. Лейн с Вайлем объясняли мне целесообразность такого шага, но я понял лишь то, что так надо, и согласился. Мои партнеры не лезли в изобретательский процесс, а я не лез в то, как они вели дела, считая, что каждый должен заниматься своим делом, тем, что он умеет. В результате новая компания получила часть прав от старой и все это было настолько запутано, что все осталось моим негодяям-компаньонам, а я получил только акции, которые ничего не стоили. У меня снова не было ни гроша. Я не имел никаких сбережений, потому что как компаньон не получал зарплаты, а всю прибыль мы вкладывали в развитие дела. Мне нечем было платить за дом. Я оказался на улице. Нищий и бездомный Тесла, один в чужой стране.

Еще один циничный обман едва не сломил меня. «Что же получается? – горько думал я. – Неужели никому вообще нельзя верить? Что делать? Основать новую компанию с новыми прохиндеями?» Я находился в состоянии глубочайшей депрессии, можно сказать, что на грани самоубийства. Только мысли о матери, которая тогда еще была жива, удерживала меня от того, чтобы всерьез думать об уходе из жизни. Но черные мысли о том, как можно жить в этом мире, полном подлости и обмана, и зачем в нем жить, преследовали меня постоянно. Я не понимал, что мне делать. Искать очередных «финансистов» не хотелось, да и вряд ли кого удалось бы мне найти в тот момент. Единственным выходом было бы устроиться на работу. Я начал поиски. Мне казалось, что уж я-то, с моей репутацией, найду приличную достойную работу без особого труда. Многого я не желал. Мои потребности всегда оставались скромными, и я считал себя чуть ли не аскетом. Но, как оказалось, до осени 1886 года я и понятия не имел о том, что такое подлинный аскетизм.

От переводчика

На этом обрывается первая тетрадь записей Николы Теслы. Перерыв, вызванный длительной болезнью, о котором далее будет идти речь, стал последствием наезда автомобиля на переходившего улицу Теслу. Это произошло в октябре 1937 года. Был сильный ливень. В момент перехода улицы, ветер вывернул зонт Теслы. Тесла замешкался, пытаясь справиться с зонтом, отвлек на него внимание и в результате был сбит выехавшим из-за угла такси. В вечерних сумерках и при сильном дожде водитель такси не сразу разглядел одетого в черное Теслу. Удар отбросил Теслу на несколько метров. Он упал в лужу и ненадолго потерял сознание. Таксист доставил его в гостиницу, потому что, придя в себя, Тесла наотрез отказался ехать в больницу. В результате наезда он получил перелом трех ребер, осложнившийся воспалением легких, которое протекало долго и тяжело. Тесле все же пришлось лечь в больницу и провести там около шести месяцев. К работе Тесла смог приступить лишь в апреле 1938 года. К продолжению воспоминаний, как следует далее из текста, он вернулся гораздо позже – в 1941 году.

В нужде

Я человек не суеверный, но мне видится какой-то знак в том, что мои воспоминания были оборваны длительной болезнью. Со мной случилось плохое в тот момент, когда я собирался рассказать о самом плохом, самом тяжелом периоде в моей жизни.

Пока я болел, мне было не до записи воспоминаний, а потом, когда я оправился, пришлось много работать, чтобы наверстать упущенное. За время моей болезни исследования свернули с прямого пути и ушли не туда, куда следовало. Помимо своей непосредственной работы мне пришлось заниматься исправлением чужих ошибок. Мало что в жизни я люблю меньше, чем исправлять чужие ошибки. Разве что болеть. Болеть хуже всего на свете. Лежишь беспомощный и бессильный, сознаешь свою никчемность и страдаешь от этого сознания.

В какой-то момент я совершенно забыл о том, что собрался писать воспоминания, настолько меня захватила работа. Работа моя похожа на странствие путника в горах. Идешь наверх виляющей тропинкой, не видя ничего, кроме скалы перед своим носом, а потом вдруг выходишь на вершину и видишь далеко вокруг, только успевай все разглядеть и запомнить. Периоды медленной напряженной работы сменяются скачками прогресса, когда множество мыслей сливается в Идею.

Вспомнив позднее о моих записях, я не стал их продолжать из-за боязни того, что если я возьмусь за это, то со мной снова может случиться что-то плохое. Типично старческая, совершенно не логичная мысль овладела мной настолько, что я передумал продолжать. Но настал день, когда я сказал себе: «Ты ли это, Никола Тесла? Что за мнительность? Что за глупость?» Как следует отчитав себя, я принял решение возобновить свои записи и делаю это с того места, на котором остановился.

Итак, осень 1886 года и последовавшая за ней зима были самым тяжелым периодом в моей жизни. Я отказался от мысли вернуться домой, потому что мне было стыдно возвращаться побежденным и начинать все сначала. Мне было стыдно и было жаль утраченных надежд. Я так надеялся на то, что в Соединенных Штатах меня ждет большое будущее. Сначала мои надежды были связаны с Эдисоном, потом со своей «собственной» компанией. И все они рухнули. Даже патент на изобретенную мною лампу принадлежал не мне, а компании, которая осталась в руках Лейна и Вайля.

Я понимал, что полученные мною акции не стоят ни гроша,

но все же сделал попытку продать их или заложить, но в банке мне объяснили, что это невозможно. Американцы в таких случаях говорят: «Ваши акции не стоят дороже бумаги, на которой они напечатаны». Кто знает, если бы мне удалось бы продать акции за сумму, которой было бы достаточно для покупки билета на пароход и питания в пути, я, возможно, бы вернулся в Европу. Но у меня не было денег. Точнее какие-то деньги были, но крайне скудные. Я снял убогую комнатенку и начал завтракать и обедать там, где можно было уложиться в десять центов.

Устроиться куда-либо инженером мне не удалось. Я честно рассказывал о том, что работал у Эдисона, а потом был компаньоном «Тесла электрик лайт энд мануфактуринг компани». Я предпочитаю всегда говорить правду. То, что бывший компаньон ищет работу по найму сразу же настораживало моих потенциальных работодателей. Здесь не любят неудачников. Потенциальные работодатели наводили справки у Эдисона и Лейна с Вайлем. Эти негодяи так рьяно поливали меня грязью, что о приеме меня на работу не могло быть и речи. Один из несостоявшихся работодателей пересказал мне по моей просьбе все то, что узнал от Эдисона и Лейна. Они, будто сговорившись, пели в унисон, характеризуя меня как психически нездорового, скандального, вечно всем недовольного типа, который любит претендовать на то, что ему не принадлежит, то есть – присваивать чужие изобретения. Инженер, по их словам, из меня был никакой. Эдисон опустился до того, что заявил, будто он не мог доверить мне ничего, серьезнее замены ламп. Я слушал весь этот бред, не веря своим ушам.

Положение мое было безвыходным. Без опыта работы меня никуда бы не взяли, а ссылаться на Эдисона и моих бывших компаньонов я не мог. О работе в Континентальной компании Эдисона и Американской телефонной компании мне тоже не стоило распространяться, поскольку ниточки от них тоже тянулись к Эдисону. О чем я мог рассказывать?

«Черт с ними!» – решил я, принимая вызов, который бросила мне судьба. Если у меня не получается устроиться инженером, я найду какую-нибудь другую работу! Да хотя бы сторожем! С моей привычкой обходиться минимумом часов для сна я буду хорошим бдительным сторожем. К тому же такая работа дает возможность параллельно заниматься умственным трудом…

Увы, очень скоро я выяснил экспериментальным путем, то есть путем обхода разных мест, что никакой «чистой» работы мне не найти. Сторожей вообще не брали без рекомендаций. Только я в своей наивности мог предположить, что кто-то способен доверить сторожить что-либо бездомному бродяге.

Бездомный бродяга, именно таким я и был. Из мерзкой тесной комнатенки я очень скоро перебрался в ночлежку, потому что платить за отдельное жилье мне было нечем. О привычках к чистоте и уединению пришлось забыть. Я жил в таких условиях, которые иначе как «скотскими» нельзя и назвать. Представьте себе большие комнаты, вдоль стен которых тянутся трехярусные полки двухметровой ширины. Полки гордо именуются «койками», хотя на самом деле никаких коек там нет. Ночлежки с отдельными койками стоили много дороже. Полки забиты людьми, в проход торчат ноги, обутые в дырявые ботинки. «Койки» дешевы – в зависимости от заведения они стоили от семи до десяти центов за ночь. Заплати, получи вонючий засаленный тюфяк, укладывай его на свободное место и спи! Спать приходилось не разуваясь и в одежде, подложив под голову мешок или саквояж с прочим имуществом, иначе велик был риск не найти поутру чего-то из своих вещей. На грязном полу, который никогда не подметался и уж тем более не мылся, спали те, кому не хватало денег на «койку». Бывали дни, когда и мне приходилось спать на полу. Что я при этом испытывал, словами передать невозможно – омерзение, содрогание, жалость к себе, зависть к тем, кто может позволить себе спать на «койке». Когда я впервые пришел в ночлежку, то ужаснулся при виде «коек» и подумать не мог, что настанет день, когда я буду мечтать о них. Одно лишь было хорошее в этих ночлежках – там было тепло, даже жарко. Тепло – величайшая ценность для бездомного в холодную пору. В тепле и голод не мучает так сильно, и натруженные за день ноги болят меньше. Пока я жил в хороших условиях, я не ценил самых простых благ.

Я столь подробно описываю тот период не потому, что упиваюсь перенесенными лишениями или хочу вызвать сострадание у тех, кто станет это читать. Причина в другом. Дно жизни, на котором я оказался, неведомо никому, кроме его обитателей. О подробностях жизни Морганов знают все, потому что их бесконечно смакуют газеты и хроника[72]. О жизни бездомных не знает никто. То, что показывают в фильмах, не передает и сотой доли истинного положения дел. Мне хочется, чтобы после прочтения моего правдивого (и очень сдержанного) рассказа, в людях пробуждалось бы сострадание к тем, кто вынужден обитать на дне жизни. Не стоит презирать этих несчастных, не стоит думать, что они оказались на дне из-за каких-то своих пороков – пьянства, лени и т. п. Большинство из них, подобно мне, оказались заложниками обстоятельств. Если у вас есть возможность помочь кому-то из этих несчастных людей, то сделайте это. Нет большей радости, чем сказать себе: «Я помог

человеку вернуться к нормальной жизни».

Обедал я в столовых самого низшего разряда. Старался выбирать такие, где было относительно чисто, чтобы избежать болезней. «Только бы не заболеть!» – думал я. Болезнь в моем положении означала гибель.

Зарабатывать на жизнь приходилось чем придется. Я был грузчиком, уборщиком улиц, землекопом, подручным каменщика. По случайности, которую скорее можно было назвать насмешкой судьбы, одно время я копал землю для прокладки кабеля компании Эдисона. «Проклятый негодяй! – злился я. – Я снова вынужден работать на тебя!» При умственной работе злость – помеха, а при физической она придает сил.

Раз в три-четыре недели по воскресеньям я приводил в порядок свою одежду и отправлялся в какую-нибудь из публичных библиотек. Там я отдыхал душой, наслаждаясь привычной (или уже скорее – непривычной) обстановкой, и писал письма матери и сестре. Письма были полны лжи. Я писал, что работаю инженером, что у меня все хорошо, что я начал понемногу откладывать деньги для поездки в Европу. Мне было стыдно лгать, потому что главный мой принцип – честность. Но разве мог я написать моей престарелой матери правду, которая ее убила бы?

Будущее казалось мне беспросветным. Я работал на временных работах, проживал все, что зарабатывал, не имел возможности заниматься умственным трудом и не представлял, как я могу вернуться к прежней жизни. Более того – был период, когда я вообще не думал о будущем. Жил словно осел мельника[73].

Копать землю было выгоднее всего – землекопам платили лучше, чем грузчикам или уборщикам. Когда я немного попривык, то стал хорошим землекопом, потому что был силен, выносливый и имел длинные руки. К Рождеству я нашел постоянную работу на строительстве надземки, и жизнь моя начала постепенно улучшаться. Копать мерзлую землю зимой в Нью-Йорке нелегко, но зато зимой землекопам платят вдвое больше, чем летом. В моем кармане появились «лишние» доллары. На паях с одним соотечественником, тоже землекопом, я снял отдельную комнату. Делить комнату с одним человеком, тем более с таким же чистоплотным, как и я, после грязной ночлежки было счастьем. Я немного обновил свой истрепавшийся гардероб. Пусть пальто, костюм и сапоги были куплены у старьевщика, но все равно это была обновка, в которой я смог сходить в оперу. Поход в оперу был для меня не просто наслаждением, а символом того, что я возвращаюсь к прежней жизни. Было только одно

неудобство: я стеснялся мозолей на своих ладонях и старался все время держать руки так, чтобы ладоней не было видно. Это вызывало некоторое напряжение. Мозоли исчезли полностью только в 1890 году.

Строительство надземки я выбрал не случайно, поскольку оно было связано с электричеством. Рытье могил в Вудлоне[74] дало бы мне больше денег, но меня интересовали не только деньги, но и перспектива. На строительстве надземки у меня была возможность общаться с подрядчиками и инженерами. Я надеялся, что сумею произвести на кого-то из них хорошее впечатление, настолько хорошее, что меня наймут в качестве инженера. Люди, знающие меня по работе, станут доверять своим впечатлениям, а не гадостям, которые рассказывают обо мне Эдисон и мои бывшие компаньоны. Нельзя же всю жизнь оставаться в землекопах, надо как-то исправлять положение.

В кругу других землекопов я не рассказывал о своем прошлом, потому что это вызвало бы у них неприязнь ко мне. Люди не любят тех, кто когда-то стоял выше них, а потом скатился вниз. Впрочем, мне бы и не поверили, сочли бы, что я сочиняю. Но при прорабах я время от времени делал замечания, подтверждающие мое инженерное образование, за что заслужил издевательское прозвище Умника. Ничего странного – все должно соответствовать определенному порядку. Делать умные замечания с лопатой в руках так же нелепо, как копать землю при помощи циркуля. Но я не унывал. После того как моя жизнь изменилась к лучшему, уныние покинуло меня. Важно не положение дел в данный момент, а динамика. Вчера ты спал на полу в ночлежке, а сегодня можешь позволить себе «койку» – это хорошо, ведь ты поднимаешься вверх. Вчера у тебя был особняк на Пятой авеню[75], а сегодня ты снял номер в отеле – это плохо, потому что ты скатываешься вниз. Став старшим над десятком землекопов, я начал зарабатывать столько, что снял отдельную комнату и снова занялся изобретательством. За период лишений я научился спать среди людей, но вот для умственного труда мне требуется уединение.

Сам не понимаю, как мне удалось сберечь свои чертежи и тетради. Возможно только потому, что для публики, среди которой я в то время вращался, чертежи с тетрадями не представляли никакой ценности. Я все сберег и начал работу с того места, на котором остановился. Умственная работа всегда доставляет мне наслаждение, но тогда это наслаждение было невероятным. Я чувствовал себя путником, который после долгих скитаний по знойной пустыне вышел к большому озеру с чистой прохладной водой. Я упивался возможностью мыслить в

спокойной обстановке. Да, именно – упивался. Соскучившись по работе, мозг мой работал с невероятной быстротой и четкостью. Не имея возможности ставить эксперименты, я ставил их в уме. Я думал о переменном токе, я бредил переменным током, я уже мог подавать заявку на патент. Но сначала надо было стать прежним Теслой, то есть превратиться из землекопа в инженера.

В то время, после пережитых разочарований в людях, у меня развилась невероятная, несвойственная мне подозрительность. В каждом человеке, предпринимавшем попытку сблизиться со мной, я подозревал обманщика. Так нельзя себя вести. Если подозревать всех подряд, то останешься в полном одиночестве и не сможешь начать новое дело. А я ведь собирался начать новое дело: найти заинтересованных людей, основать компанию и разрабатывать машины переменного тока, способы передачи энергии на большие расстояния и прочие интересующие меня проблемы. Я понимал, что так нельзя, что в одиночку я ничего не смогу сделать, я пытался себя переубедить, но при знакомстве с кем-то, в голове моей звучал тревожный звонок: «Берегись! Он хочет тебя обмануть!»

Во время знакомства с инженером Обадией Брауном тревожный звонок не прозвучал. Мы сразу же почувствовали расположение друг к другу. Возможно, потому, что нас обоих хорошенько попинала жизнь. Брауну досталось больше, чем мне, ему довелось побывать в заключении. Он готовился стать ученым, он мечтал об этом, но вместо кабинетов и лабораторий ему пришлось работать на улице – руководить землекопами. Мы рассказали друг другу историю своей жизни и подружились. «Я не очень хорошо разбираюсь в электрических машинах, – сказал мне Обадия, – но я чувствую, что ты говоришь дело». Обадия протянул мне руку помощи. Он познакомил меня со своим братом Альфредом, который был одним из ведущих инженеров компании «Вестерн Юнион телеграф»[76]. Альфред Браун был электриком и изобретателем. Среди его патентов имелись и патенты на электрические лампы. Обадия очень волновался, смогу ли я произвести должное впечатление на его брата. Из его рассказов я знал, что Альфред считался в семье образцовым ребенком, а Обадия – непутевым. Я сильно волновался, понимая, что нельзя упускать такой шанс. Но Альфред, к которому мы пришли на воскресный обед, так же как и Обадия, сразу же расположился ко мне и сказал, что обдумает мое предложение.

Предложение мое было таково: разработка и производство двигателей и генераторов многофазного переменного тока.

«Фредди хочет посоветоваться со своим приятелем-адвокатом», – шепнул мне на ухо Обадия. Это меня обрадовало,

поскольку внушало надежду.

В тот день дары сыпались на меня как из рога изобилия. Альфред сказал, что с завтрашнего дня я могу начинать работу в его лаборатории в «Вестерн Юнион телеграф», и настоял на том, чтобы я принял 30 долларов в качестве аванса. Я понял, что мое предложение принято.

Землекоп Тесла исчез навсегда. На следующий день я начал работу в лаборатории, а вечером переехал в приличный отель и купил себе новый костюм. Не у старьевщика, а в нормальном магазине. Это случилось в апреле 1887 года, и с тех пор апрель стал моим самым любимым месяцем.

После того как я вернулся к Богу, я в каждый приход в церковь ставлю свечи за упокой моих близких – отца, матери, брата, сестер, Антала Сигети и Обадии Брауна. Ничего, что Антал был католиком, а Обадия – баптистом. Свеча – это выражение моей признательности им за все, что они для меня сделали. Ничего больше я уже не могу для них сделать.

Новая компания

Бытует мнение, что сербы мстительны. Каких только небылиц ни рассказывают о нас, вплоть до того, что сербы развязали прошлую мировую войну[77]. Все равно, что сказать, будто нынешнюю войну развязали поляки или будто русские напали на немцев, а не наоборот. Я совершенно не мстителен, как и большинство сербов, но я снял контору для своей новой компании на Пятой авеню[78], вблизи конторы Эдисона. Этим я хотел бросить ему вызов и показать, что несмотря ни на что я жив-здоров и процветаю – имею свою компанию, которая того и гляди потеснит его. Я не сомневался в том, что двигатели и генераторы переменного тока вытеснят машины постоянного тока, и оказался прав.

Радости и беды идут вереницей. Вскоре после основания моей новой компании по электрическому освещению «Тесла арк лайт компани» в Нью-Йорк прибыл Антал Сигети. При взгляде на него меня охватило такое чувство, будто я вернулся в прошлое – в Будапешт, город с которым были связаны мои первые самостоятельные шаги как инженера. Антал стал моим помощником. Его легкий жизнерадостный характер озарил мою жизнь светом. Когда я рассказал, как меня обманули Эдисон и прежние компаньоны, он рассмеялся и сказал: «Забудь! Прошлое не имеет значения!» Я тоже считал так. Надо смотреть вперед, а не назад.

Впереди у меня вырисовывались весьма радужные перспективы. Я усвоил уроки, которые преподала мне жизнь, и на этот раз принял меры к тому, чтобы никто не мог выставить меня из компании. Я научился вести дела по-американски. Здесь говорят: «Если у тебя заболела голова, то сначала иди к адвокату, а затем уж к доктору». Мои интересы защищала адвокатская контора «Дункан, Кертис и Пейдж». Они в основном занимались регистрацией патентов, но помимо этого оказывали и общие юридические услуги. Это были грамотные юристы с бульдожьей хваткой. Обходились они весьма недешево, но зато я мог спать спокойно, не опасаясь каких-либо козней со стороны моих компаньонов и партнеров. Перед тем как приступить к производству машин двухфазного переменного тока, я получил патенты, причем подачу заявок на них компаньон фирмы Паркер Пейдж сопроводил всеми необходимыми предосторожностями, чтобы ни Эдисон, ни кто-то еще не смог бы украсть мои идеи до регистрации[79]. Все действовали через своих людей в патентном бюро. Мне кажется, что там не было бы сотрудника, который не

представлял чьих-то приватных интересов. Как мне объяснил Паркер, воровство идей было поставлено на поток и осуществлялось весьма простым способом. Патент, сулящий большие прибыли, срочно копировался с кое-какими изменениями. Для этого при патентном бюро был неофициальный штат «бэджеров»[80] – инженеров, делавших копии. Скопированный патент регистрировался раньше подлинного. Паркер подробно рассказал мне про фокус с подстановкой номеров, но я не вникал в детали, а только возмущался – как так можно? Уберечься от кражи можно было единственным способом – иметь в бюро своего человека, который станет «приглядывать» за документами. Паркер выражался откровенно и цинично: «Или они (сотрудники бюро) получают деньги от нас за то, чтобы наш патент не был скопирован, или же получают от других за копирование его, но они в любом случае должны что-то получить». Примечательно, что в странах Европы патентные бюро работали иначе. Когда я спросил у Паркера, кого он отправит в Европу для регистрации моих патентов там, Паркер ответил: «Мы отправим документы почтой и этого будет достаточно».

Осторожность! Осторожность и быстрота! Опередить всех, быть первым и смотреть в оба, чтобы тебя не обманули – вот два главных американских правила. Отныне я уже не верил никому на слово и всегда сначала заключал договор, а затем уже приступал к делу. Подобное поведение было не в моих привычках, но если тебя обманут несколько раз подряд, если ты поспишь несколько ночей на грязном полу, то волей-неволей научишься вести дела так, как должно. Я избавился от маниакальной подозрительности, которая была свойственна мне в миновавшую тяжелую пору, но стал осторожным.

На расстоянии все кажется лучше, чем было на самом деле. В Соединенных Штатах мне начало казаться, что в Европе, несмотря ни на что (несмотря на то, что первый раз меня обманули в Париже), люди все же честнее относятся друг к другу, чем здесь. Я много размышлял над этим и пришел к выводу, что все дело в традициях. Европа стара, и кроме законов в Европе есть традиции, передаваемые из поколения в поколение. Они-то в первую очередь и удерживают людей от неблаговидных поступков. Америка молода и традиций у нее нет. Боюсь, что когда они сформируются, то будут совсем не такими, как следует. Какие традиции могут сформироваться в стране, где отсутствие совести и порядочности считается не недостатком, а достоинством?

Альфред Браун и его адвокат Чарльз Пек оказались

хорошими компаньонами. Пока я изобретал (а изобретал я в то время так, что мои сотрудники не успевали делать экспериментальные образцы моих изобретений), они занимались всеми остальными делами. Альфред усиленно нахваливал меня в инженерных кругах, создавая мне репутацию. Благодаря ему мною заинтересовался президент Американского института электроинженеров Томас Мартин. В мае 1888 года я по его приглашению прочел в институте лекцию о своей системе двигателей и трансформаторов переменного тока, с которой началась моя мировая известность. Предложение Мартина выступить с лекцией было для меня неслыханной удачей. Одно дело, рассказывать о своем изобретении в частных беседах и совсем другое – выступать с трибуны столь уважаемого института.

Пек искал тех, кто мог бы вложиться в наше дело. Он делал мне репутацию в финансовых кругах. Большие масштабы (а на маленькие ни я, ни мои компаньоны не были согласны) требовали больших денег, которыми мы не располагали. Именно Пек свел меня с Джорджем Вестингаузом, но и Альфред Браун тоже приложил к нашему сотрудничеству руку, потому что Вестингауз принял решение сотрудничать со мной после того, как прослушал мою лекцию.

Вестингауз мне понравился. Он был настоящим «self made man»[81]. Сын простого кузнеца, с детства интересовавшийся техникой, он уже в пятнадцать лет начал изобретать. Соединенные Штаты невозможно представить без железных дорог, железные дороги невозможно представить без воздушного тормоза Вестингауза[82]. Я, как изобретатель, оценил по достоинству изящность конструкции тормоза Вестингауза и его надежность. При любой поломке тормоза состав автоматически останавливается! Просто и гениально!

История с Эдисоном ничему меня не научила. Стоит мне узнать, что человек – изобретатель, как я сразу же проникаюсь к нему расположением. Еще большему сближению с Вестингаузом способствовала его убежденность в перспективности переменного тока, основанная на знаниях. Подобно мне, Вестингауз изобретал, в первую очередь опираясь на знания, а не на эксперименты. Его познания в физике и математике были весьма основательными. Я мог разговаривать с ним о моей работе на равных. С 1886 года в Грейт-Баррингтоне[83] работала гидроэлектростанция переменного тока Вестингауза, о которой я слышал и которую мне очень хотелось увидеть. Освещение Грейт-Баррингтона при помощи переменного тока стало началом краха компании Эдисона.

Несколько лет безуспешно убеждать всех в перспективности машин переменного тока и вдруг встретить единомышленника, изобретателя и промышленника, который не только готов вложить деньги в мои разработки, но и предлагает обеспечить меня всем, что необходимо для работы! Это ли не удача! Я и мечтать не смел о чем-то подобном. Недолгое пребывание на дне, сделало меня весьма сдержанным в мечтах.

Я уже писал о том, что когда Вестингауз захотел приобрести мои патенты по переменному току, я дополнительно потребовал с него по 2,5 доллара за каждую лошадиную силу всех машин переменного тока, которые будут проданы его компанией. Как-то раз мне пришла в голову мысль о том, что неплохо бы было получать по 2,5 доллара с лошадиной силы и вот я решил применить ее на практике. Вестингауз согласился без раздумий и торга, хотя я ожидал, что он начнет торговаться.

Услышав о выдвинутом мною условии, Фредди и Чарли (мы к тому времени держались между собой запросто, без церемоний) подумали, будто я их разыгрываю. Чарли сразу же выспросил у меня технические подробности (количество лошадиных сил в той или иной машине) и начал прикидывать, сколько я буду получать в год. Заодно он рассказал, что дела Вестингауза круто идут в гору – за прошедший год прибыль его компании возросла вчетверо. Фредди же сказал, что Вестингауз согласился с моим требованием сгоряча и что к моменту подписания договора он непременно передумает. Но Вестингауз не передумал. Точнее, он передумал не тогда, а гораздо позднее.

Договор был подписан, и я уехал в Питсбург, где меня ждала новая лаборатория.

Питсбург

Вестингауз вел дела с размахом. Он сказал, что я не буду ни в чем нуждаться, и сдержал свое слово – помещения, оборудование, сотрудники, все, что я пожелаю, было к моим услугам уже на следующий день. Демонстрируя уважение и желая сразу показать всем, что я не сотрудник, а партнер, он пригласил меня и приехавшего со мной в Питсбург Антала к себе домой. Роскошь, которой окружил себя Вестингауз, поражала воображение. Его вилла была настоящим султанским дворцом. Глядя по сторонам, я вспоминал ночлежки Нью-Йорка и думал о том, что деньгам, потраченным на позолоту, статуи, ковры и прочее можно было бы найти лучшее применение на благо общества. Меня часто называют «социалистом» из-за моих взглядов. Так вот, социалистом я стал, побывав на вилле у Вестингауза. Резкие контрасты заставляют задуматься.

Инженеры, работавшие у Вестингауза, невзлюбили меня. Я был консультантом и акционером компании (Вестингауз дал мне 200 акций), что ставило меня над ними, и мне благоволил Вестингауз. О том, сколько я получил за патенты и сколько буду получать с каждой машины все тоже очень скоро узнали. Сотрудники Вестингауза завидовали моему особому положению и считали, что компания могла прекрасно обойтись без меня и без моей машины. Мне не было дела до того, что они обо мне думают. Я привык к неприязненному отношению со стороны окружающих. Если ты выделяешься из толпы, тебе станут завидовать, а зависть рождает неприязнь. Инженеры Вестингауза были на голову выше сотрудников Эдисона, умевших лишь ставить эксперименты. У Вестингауза работали знающие, опытные инженеры, многие из них имели патенты на изобретения. Как я уже написал, мне не было дела до того, что обо мне думают инженеры, но мне приходилось сотрудничать с ними по работе, поэтому я попытался растопить лед в наших отношениях похвалами. Но чем больше я расточал комплименты, тем хуже становилось отношение ко мне. Сотрудники Вестингауза принимали мои комплименты за тонкие издевки.

Первоочередной моей задачей в Питсбурге было приспособление моего двигателя переменного тока к высоким частотам, которые использовались у Вестингауза (133 периода в секунду). Поняв, что без понижения частоты до используемых мною 60 периодов ничего сделать не удастся, я обратился к инженерам с просьбой понизить их и столкнулся с откровенным саботажем. Ежедневно находилось несколько причин,

препятствующих понижению частоты тока. Причины не высасывались из пальца профанами, а искусно придумывались разбирающимися в электрике людьми, поэтому мне всякий раз приходилось вникать в суть и опровергать. Вместо работы мы тратили время на пререкания. Главным козырем инженеров была «экономия» – высокая частота позволяла сэкономить немного металла на проводах, и они держались за это обстоятельство так, как малое дитя держится за юбку матери. Я устал объяснять им, что только глупые люди, выбросив на ветер десять долларов, радуются сэкономленному центу. Я старался хранить спокойствие, а у менее сдержанного Антала дело доходило до перепалок. Очень быстро он заработал репутацию скандалиста (совершенно, надо сказать, незаслуженную), и отношение Вестингауза к нему заметно ухудшилось.

Мне не хотелось обращаться за помощью к Вестингаузу, поскольку это ухудшило бы отношения между мною и другими сотрудниками, а также отношение самого Вестингауза ко мне. Боссы не любят, когда к ним обращаются за помощью, они любят слышать, что «все о'кей». Но, поняв, что добром мне ничего добиться не удастся, я пожаловался Вестингаузу. Проблема была решена, но мои коллеги возненавидели меня еще сильнее. Я вспомнил Высшую техническую школу в Граце, вспомнил, как меня там травили. Но там были молодые люди, у которых в головах гулял ветер, а в Питсбурге меня травили солидные взрослые люди. Зная, как я ненавижу, когда меня отвлекают от работы, они начали постоянно отвлекать меня под различными надуманными поводами – вопросы, уточнения, просьба совета. Отказать было невозможно, потому что все делалось в интересах дела. Опытные инженеры разыгрывали из себя ничего не понимающих профанов только для того, чтобы досадить мне.

В моих лабораториях постоянно что-то случалось – исчезали документы, выходили из строя образцы, взрывались лампы. Утром я шел в лабораторию не с радостным предвкушением работы, а с тревожным чувством, думая о том, какую пакость мне еще устроили. После двух неожиданных замыканий, которые явно произошли не случайно, я взял за правило каждое утро тщательным образом осматривать все, с чем я собирался иметь дело. Предосторожность оказалась не лишней – дважды «шутники» подстраивали так, чтобы я получил удар током, словно бы случайно. Пределы их подлости были мне неведомы.

Постоянное нервное напряжение неожиданно сослужило мне хорошую службу – меня начали часто посещать озарения. Видимо, для них нужен особый нервный настрой, повышенное возбуждение. Разумеется, я не рассказывал никому кроме Антала,

о своих озарениях. Коллеги сочли бы меня сумасшедшим. Я представлял все как результат мыслительной работы, и Вестингауз удивлялся тому, как я все успеваю.

Я и впрямь успевал очень много даже с собственной точки зрения. Помимо основной своей работы, я продолжал эксперименты с проникающим излучением[84]. Получив стараниями моих коллег два весьма болезненных удара током, я возобновил эксперименты по влиянию переменного тока на человека. Я начал их еще у Эдисона, сравнивая, как действуют на человека постоянный и переменный токи, но позже забросил, а в Питсбурге возобновил. Экспериментировал на себе и на Антале, больше было не на ком[85]. Однажды Антал позволил себе опрометчивую шутку, которая чуть было не рассорила меня с Вестингаузом. Обоих давно нет в живых, так что я позволю себе изложить подробности.

Как я уже писал, Антал был чересчур любвеобильным. Все свое свободное время он тратил на женщин. Любовниц у него всегда было несколько. Одну он только начинал очаровывать, роман с другой был в самом разгаре, с третьей – близился к концу, а четвертая осаждала его, будучи не в силах поверить в то, что между ними все кончено. Ум у Антала был живой, физику с математикой он знал великолепно. Если бы не страсть к женщинам, Антал бы сделал больше открытий, чем я. К сожалению, его больше интересовали женщины.

В Питсбурге Антал очень скоро прославился, как большой ловелас. Многие из сотрудников Вестингауза наблюдали за его похождениями с любопытством и завистью. Мне даже пришлось строго предостеречь Антала, чтобы он не предпринимал каких-либо попыток относительно жены Вестингауза Марджери, красивой женщины, выглядевшей гораздо моложе своих сорока семи лет. Она была на пять лет старше своего мужа, но на вид он казался много старше ее.

Однажды кто-то из инженеров, случайно увидев очередной наш эксперимент по изучению действия токов на организм, спросил у Антала с глазу на глаз, в чем заключается суть эксперимента. Антал в шутку сказал ему, что переменный ток определенной силы и частоты благотворно действует на мужскую силу. Якобы именно благодаря регулярным «подпиткам» током, Антал и совершает столько любовных «подвигов». Мой покойный друг вообще был большим шутником. Уверен, что в Граце до сих пор ходят легенды о некоторых его проделках.

Шутка Антала породила сплетню, которая быстро дошла до Вестингауза. Вестингауз контролировал все, что происходило в его компании сверху донизу. Доносительство там было развито

невероятно. Все доносили на всех. Это поддерживало дисциплину на высоком уровне, поскольку все сотрудники знали, что от хозяйского глаза ничего не укроется, но портило отношения между людьми. Между сотрудниками не было сердечности и доверия.

Я не знал о шутке Антала и был весьма удивлен, когда Вестингауз вдруг проявил интерес к моим экспериментам по действию тока на организм. Он выспрашивал все до мельчайших подробностей и при этом смотрел на меня с недоверием. Поняв, что происходит что-то неладное, я спросил в чем дело. После небольшого замешательства Вестингауз сказал, что хотел бы укрепить свою мужскую силу при помощи тока. Я растерялся, а Вестингауз, думая, что я притворяюсь, не желая выдавать секрета раньше времени, сослался на слова Антала. Мне пришлось пригласить Антала и потребовать у него объяснений в присутствии Вестингауза. Антал признался в том, что пошутил, но Вестингауз не поверил нам обоим. Когда Антал ушел, Вестингауз сказал мне, что прекрасно понимает, почему я столь рьяно храню все в тайне и не претендует на то, чтобы быть полностью в нее посвященным. Он просто хотел стать участником этих моих экспериментов, не более того. «Если хотите, то можете завязывать мне глаза на время эксперимента, чтобы я не увидел лишнего», – сказал Вестингауз. Я снова объяснил, что Антал пошутил. Вестингауз начал раздражаться. Зная, насколько он вспыльчив и безрассуден в гневе, я достал все записи по этим экспериментам и предложил ему ознакомиться с ними. Вестингауз сделал вид, что поверил мне лишь после того, как проглядел часть записей и не нашел там ничего, касающегося влияния тока на мужскую силу. Я пишу «сделал вид», потому что он поверил мне не до конца. Спустя два дня, я заметил утром, что ночью кто-то побывал в моем кабинете и в лабораториях. Обыск велся довольно небрежно, следов чужого присутствия осталось много. Не было устроено никаких «шуток», но почти все бумаги лежали не так, как я их положил. Я пришел к выводу, что ночью здесь побывал Вестингауз. Сторожем при заводской конторе был венгр по имени Шандор. В империи[86] между венграми и сербами не было особой приязни, но здесь, вдали от Европы, мы с Шандором считали друг друга земляками. Особенно сближало нас мое скромное знание венгерского языка, которое я получил за время работы в Будапеште[87]. Я спросил у Шандора, кто ночью был в конторе, и он ответил, что здесь был Вестингуз.

От Антала я потребовал, чтобы он никогда больше не позволял себе шуток, касающихся нашей работы. О том, что Вестингауз тайком побывал у нас, я Анталу рассказывать не стал

из опасения, что он может проговориться.

Я много работал, но проведя в Питсбурге около года, осознал, что размениваю свой талант по мелочам. У меня было много озарений, я вел работу сразу по нескольким направлениям, но я за этот год не сделал никакого мало-мальски существенного вклада в электротехнику, не создал ничего значительного. И даже свою машину не доработал до конца! Причин такое непродуктивности было две. Во-первых – поведение сотрудников Вестингауза, которые всячески мешали мне работать, саботировали мои распоряжения и игнорировали мои советы. Во-вторых, мне мешал работать Вестингауз. Он приходил ко мне когда ему вздумается, и я не мог ничего с этим поделать. Босса невозможно выставить за дверь. Кроме того, Вестингауз часто приглашал меня на обеды и ужины как у себя дома, так и в других местах. Я был чем-то вроде достопримечательности, которой он хвастался перед окружающими. Отказываться от приглашений мне было невозможно, поскольку это означало бы немедленную порчу отношений с Вестингаузом. Он был невероятно обидчивым человеком. Светский обед или ужин обычно растягивался на три-четыре часа. Я возвращался к себе с головной болью, и мне требовалось дополнительно некоторое время для того, чтобы сосредоточиться на работе. Если брать в расчет чистое время работы, то можно сказать, что в том году я работал всего три с половиной месяца.

Оценив ситуацию, я понял, что оставаться в Питсбурге нельзя, и сообщил о своем решении Вестингаузу. Причины я сообщил ему в весьма смягченном виде, отчего они выглядели невнятными. Вестингауз подумал, что на самом деле я хочу выторговать у него более выгодные условия, используя отъезд как повод, и предложил мне должность управляющего[88] с годовым окладом в 24 000 долларов. Я отказался и объяснил, что не шантажирую его своим отъездом, а на самом деле намерен вернуться в Нью-Йорк. Антал ушел вместе со мной, но его Вестингауз не удерживал.

Я ехал из Питсбурга в Нью-Йорк с таким чувством, будто возвращался домой из тюрьмы. Можно сказать, что инженеры Вестингауза добились своего – им удалось меня выжить, пусть и не сразу. Я решил, что впредь стану работать в одиночку или же с немногочисленными помощниками, которых буду выбирать сам. Но о работе в больших коллективах или работе со случайными людьми впредь и речи быть не может, потому что для работы мне необходимы уединение и спокойствие. Этого правилу я следую до сих пор. Мои недруги говорят о «скверном неуживчивом характере Теслы», не желая вникать в истинные причины моего

поведения. В редкие часы отдыха я люблю бывать на людях.

Моя первая поездка в Европу

В 1889 году в Париже состоялась Всемирная выставка[89], на которой мне непременно нужно было побывать. Ожидалось, что отдел электричества станет самым популярным – и эти ожидания полностью оправдались.

Теперь у меня были деньги, и я мог позволить себе билет в одноместной каюте первого класса, чтобы плыть со всеми привычными мне удобствами. Во время плавания я собирался работать, поэтому багаж у меня был не просто большим, а огромным. В первый же день я превратил свою каюту в подобие плавучей лаборатории, на которую приходили смотреть капитан и другие офицеры. Больше всего их заинтересовали приспособления, которые я придумал для того, чтобы фиксировать предметы на месте, не давая им возможности двигаться во время качки.

Я плыл с наилучшим комфортом, который только можно было вообразить, но никакого удовольствия от плавания не получил, потому что буквально с первых же минут плавания на меня нахлынули воспоминания о прошлом плавании со всеми его лишениями. Нахлынули и не отпускали меня на протяжении всего плавания. Отправляясь на обед, я вспоминал, как сидел на палубе и пытался заглушить голод, делая глубокие вдохи и выдохи. Сидя в просторной удобной каюте, я вспоминал свою прежнюю каюту – тесную и душную. По ночам мне казалось, будто меня кусают клопы. Впоследствии профессор Холл[90] объяснил мне, что впечатления от тяжелого первого плавания засели в моей памяти так глубоко, что вызвали неосознанную неприязнь к плаванию. Именно поэтому, не испытывая никаких лишений, я тем не менее вспоминал лишения первого плавания. Я не могу объяснить так, как делал это Холл, но смысл его объяснений сводился к тому, что я написал.

Мне очень хотелось помочь кому-то из бедных пассажиров, как во время моего прошлого плавания помог мне капитан. Но напрасно приглядывался я к пассажирам третьего класса. Среди них не было ни бедных, ни голодных. Бедные и голодные плыли из Европы в Америку, а не наоборот.

В Париже воспоминания создавали совершенно иное настроение. Я вспоминал себя прежнего, сравнивал с нынешним и радовался тому, что я, несмотря на все препятствия, получил известность и заработал изрядно денег. Я был человеком, который твердо стоит на ногах, и это не могло меня не радовать. Особенно если вспомнить о том, что всего два с небольшим года

назад я был землекопом. Мозоли с моих рук к тому времени сошли еще не полностью. Я с любопытством исследователя наблюдал за тем, как они становятся все меньше и меньше. Если на пароходе я плыл в угнетенном настроении, то по Парижу ходил радостный и счастливый. Я посетил все памятные мне места, переборов только искушение побывать в Континентальной компании Эдисона. Встретив одного из бывших коллег на выставке, я узнал, что месье Реверди в 1887 году внезапно оставил директорский пост и уехал на золотые прииски в Южную Африку.

О выставке я не раз уже писал и рассказывал, поэтому повторяться не буду. Скажу, что выставка оправдала мои ожидания. Огорчило меня лишь то, что я не смог познакомиться и побеседовать с русским ученым Павлом Яблочковым[91], о котором узнал еще во время учебы в Граце. Я очень плодотворно провел время и сказал себе, что плыл через океан не зря. Именно на выставке в моей голове окончательно сложилась схема генератора переменного тока большой частоты.

В Париже я встретился со своим дядей владыкой Николаем. Вместе с ним я отправился домой, чтобы встретиться с родными. Встреча с матерью получилась одновременно и радостной (столько времени прошло!) и грустной. Я смотрел на ее морщинистое лицо и думал о том, увидимся ли мы снова. Мать, видимо, думала о том же, потому что плакала не переставая. Хочу привести один очень любопытный случай, которому невозможно дать объяснение. «Одно время мне снилось, что ты бедствуешь, – сказала мне мать. – Ты лишился дома и работы, спал, где придется, ел, что придется, таскал мешки и махал лопатой. Несколько месяцев мне снилось такое, и я просыпалась в слезах. А потом прошло, как отрезало». Я уточнил даты и оказалось, что эти сны пришлись на период моих лишений. Мать перестала их видеть примерно в то время, когда Обадия Браун познакомил меня со своим братом Альфредом. Я бы не поверил, если бы мне рассказали о чем-то подобном. Никто, кроме Антала Сигети, обоих Браунов и Чарльза Пека не знал, что я работал землекопом. Ни с кем из них моя мать не была знакома, разве что заочно, по моим рассказам, с Анталом. Я рассказал матери правду, я вообще рассказал ей всю правду о своих мытарствах. Теперь уже можно было сделать это, потому что все плохое было позади.

По приглашению владыки Николая я погостил около двух недель у него в Огулине[92]. Это был редкий в моей жизни период праздности. Я не работал, много гулял, встретился кое с кем из знакомых. Я жадно набирался впечатлений перед возвращением в Соединенные Штаты, благо было чего набираться. Гуляя по

Огулину, я радовался изменениям, происходящим в этом некогда тихом городке из-за строительства железной дороги[93]. Изменения эти были наглядной демонстрацией того, что делает прогресс. Мне, как изобретателю, как верному слуге прогресса, было очень приятно видеть, как меняется Огулин. Изобретатели живут затворниками в своих лабораториях, в отрыве от жизни со всеми ее переменами, но время от времени им надо наблюдать жизнь, чтобы заряжаться энергией для новых изобретений.

Вернувшись на родину, я с особенной остротой ощутил, насколько здешняя жизнь отличается от американской. «Trust, but verify»[94] – говорят американцы. «От людей ничего не укроется», – говорят сербы. В Соединенных Штатах нужно постоянно быть начеку, опасаясь обмана. Даже если у человека есть определенная репутация и положение в обществе, он легко может обмануть ближнего своего (Эдисон – наиболее яркий тому пример). Если же о сербе говорят: «это достойный (честный) человек», то этому сербу можно без расписки доверить миллион долларов, он вернет все до цента. Американцев больше всего заботит богатство, а сербов – достоинство. В Соединенных Штатах если у тебя нет денег, то ты никто – ноль, пустое место. Я испытал это на себе и знаю, о чем говорю. Но зато любой богач уважаем, потому что у него есть солидный счет в банке, стало быть, он лучше других. На моей родине все иначе. Можно быть уважаемым бедняком, а можно и богачом, которому никто не подаст руки. Потеря достоинства тенью ложится на детей и внуков. «А, это тот, чей отец в таком-то году сделал то-то и то-то», – будут говорить люди много лет спустя. Поэтому серб десять раз подумает, прежде чем решится на неблаговидный поступок. Ни у кого из моих соотечественников не вызвало удивления то, что я верил на слово Реверди и Эдисону. Они удивлялись другому – тому, что мужчина нарушил данное слово. Разумеется, среди сербов встречаются негодяи и обманщики, а среди американцев такие люди, как Обадия Браун. Но ни один серб никогда не станет гордиться тем, что он кого-то обманул, и уж тем более не станет этим хвастаться. А вот Эдисон, к примеру, с гордостью рассказывал Моргану-старшему о том, как он обвел меня вокруг пальца.

Европу я покидал со смешанным чувством сожаления и радости. Мне было грустно расставаться с родными, но в то же время я соскучился по работе. Сразу по прибытии в Нью-Йорк, я занялся созданием генератора переменного тока высокой частоты. За время поездки схема генератора была обдумана, и потому работа над ним не заняла много времени. Опробовав генератор, который давал переменный ток с частотой в 10 000

периодов[95], я сразу же начал создавать схему такого, который дает 20 000. Очень удачной была идея об использовании резонанса[96].

Поездка на выставку и общение с другими изобретателями окрылили меня. Мне хотелось не просто изобретать, а изобретать нечто грандиозное, такое, от чего человечеству будет великая польза. Задолго до того меня посещали мысли о том, как замечательно было бы передавать электрическую энергию в любое место земного шара без прокладки кабелей, которые и по сей день обходятся очень дорого. По тому же принципу я хотел устроить и беспроволочную связь. Голова моя немного кружилась от таких планов. Но сначала надо было сконструировать передатчик и приемник для радиоволн.

Всякий раз, когда я вспоминаю о неудаче с «Мировой системой», мне становится горько. Очень тяжело сознавать, что лучшее мое изобретение не было воплощено в жизнь из-за прекращения финансирования на завершающем этапе. Столько лет работы, столько усилий пошло прахом! Когда я узнал, что мою башню взорвали, то плакал. Пока башня стояла, была хотя бы призрачная надежда на то, что когда-нибудь мне удастся завершить строительство. Снос башни поставил крест на моих надеждах. Было такое ощущение, будто вместе с башней рухнула вся моя жизнь. Я чувствовал себя ненужным, никчемным. Я уже не надеялся, что в моей жизни будет еще что-то подобное, потому что репутация моя сильно пострадала после остановки строительства башни. Удивительно – одни прекращают финансирование, отказавшись от данного слова, а у других страдает репутация![97] Я намерен подробно написать о «Мировой системе», но позже, в свое время. А пока, раз уж отвлекся от хронологии, напишу несколько строчек о моей нынешней работе.

Я не надеялся, что буду работать над чем-то грандиозным, но ошибался. Проект, над которым я работаю уже пять лет, не менее грандиозен, чем «Мировая система». При помощи моей башни я собирался передавать радиоволны и электричество, а нынешний проект позволяет мгновенно перемещать на дальние расстояния предметы и, как я надеюсь, людей. До перемещения людей пока еще далеко, потому что эксперименты на мышах и кроликах оказались неудачными. Но предметы уже получается перемещать, причем строго в заданную точку пространства. Погрешность такова, что ее можно не принимать в расчет. Из-за войны наша работа глубоко засекречена, но я не вижу в этом пользы. Вполне возможно, что кто-то еще (я имею в виду наших союзников или нейтральные страны) тоже работает над чем-то похожим. Одни и те же мысли могут одновременно посещать разных людей, как,

например, это было в случае с радио. Если бы мы обменивались бы информацией с теми, кто тоже работает над этой проблемой, то работа бы шла быстрее. Я согласен с Вэном в том, что нельзя предавать огласке все, от начала до конца, но считаю возможным объявить, что в Соединенных Штатах ведется работа по исследованию влияния электромагнитных сил на пространство и что мы достигли определенных результатов. Демонстрация эксперимента с перемещением медного слитка на сорок футов не нанесет ущерба военной мощи Соединенных Штатов, но может привлечь внимание единомышленников, которые пока еще, подобно нам, держатся в тени. Немцам же демонстрация эксперимента ничего не даст, потому что внешний вид приборов, упрятанных в эбонитовые корпусы, совершенно неинформативен. Работа продвигается медленно, несмотря на то что над этой проблемой кроме меня работает еще несколько человек. Лишний ум нам будет только на пользу. Работа движется скачками. Перемещать предметы мы смогли довольно скоро, но вот на то, чтобы перемещать их в заданную точку пространства ушло несколько лет. И пока еще нельзя говорить о перемещении на любые расстояния. Есть сложности, которые пока еще не позволяют перемещать живые организмы. Ни одна мышь не попала в точку перемещения живой. С кроликами дело обстояло чуть лучше – они появлялись на месте назначения живыми, но жили не более пяти минут. Возможно, существует какая-то связь между размерами организма и его устойчивостью к влиянию электромагнитных сил. Но двух примеров очень мало, для того чтобы делать выводы. Предстоит большая работа. Вэн постоянно торопит меня перейти к экспериментам на людях, ссылаясь на то, что его тоже торопят, но я не поддаюсь. Сначала надо убедиться в безопасности нашей системы, а потом уже испробовать ее на людях. Я уверен, что в Советском Союзе и Великобритании кто-то непременно исследует влияние электромагнитных сил на живые существа. Возможно, что не с защитной целью, а с обратной – чтобы использовать волны как оружие. Такое оружие на сегодняшний день нерационально из-за своей высокой стоимости, но это не может служить препятствием для исследований. Все меняется, прогресс делает свое дело. Моя первая лампа (я говорю о первом экспериментальном образце), имела такую себестоимость, что мои компаньоны всерьез задумались о том, стоит ли праздник того, чтобы резать овцу[98].

Мне очень хочется, чтобы над столь огромной проблемой работало бы как можно больше умов. Я стар, мне уже 85 лет. Жизнь моя может оборваться в любой момент, а мне так хочется довести работу до конца. Кроме того, сейчас идет большая война,

и чем раньше она закончится, тем лучше. Нам нужно как можно скорее преодолеть пространственные ограничения. Если сегодня удастся взорвать сумасшедшего фюрера и его приближенных в их собственной ставке, то завтра или послезавтра война закончится. Если же мы быстро решим проблему с безопасностью, то сможем перемещать через океан не только технику, но и солдат. Если вдруг на всем протяжении западного берега Франции появятся американские танки с самолетами и пойдут на Берлин, то фюреру и его шайке скоро придет конец. Когда-то я думал, что никого не смогу ненавидеть сильнее, чем Эдисона, чуть было не разрушившего мою веру в людей. Но тогда я не знал ничего о Гитлере. Успех нашего проекта поможет закончить войну. Думая об этом я работаю с утроенным энтузиазмом, хотя мне и так энтузиазма не занимать. Молю Бога об одном – только бы дожить!

Выстрел в Центральном парке [99]

К 1890 году в Соединенных Штатах работало более сотни эдисоновских электростанций постоянного тока. Точную цифру я назвать не могу. Каждая электростанция приносила Эдисону хорошую прибыль, даже если принадлежала не ему. От получал патентные отчисления. При всей своей нелюбви к Эдисону я должен по достоинству оценить его энергичность и умение вести дела. Более сотни электростанций в 1890 году, а ведь первую Эдисон запустил в 1882 году! Насколько мне известно, к 1900 году Эдисон собирался покрыть сетью своих электростанций всю страну от Аляски до Флориды. И можете мне поверить – он бы сделал это, если бы не я и не Вестингауз.

Я был уверен, что Эдисон не понимает преимуществ переменного тока перед постоянным из-за своей ограниченности, из-за недостатка знаний. Вестингауз же считал иначе. «Все он понимает, – говорил Вестингауз, – только доходы терять не хочет. Постоянный ток приносит больше денег, чем переменный». Для непосвященного читателя я поясняю, что переменный ток имеет два главных преимущества перед постоянным: возможность передавать электрическую энергию на большие расстояния с минимальными потерями, а также простоту и надежность машин – генераторов и двигателей. Для постоянного тока нужно было строить гораздо больше электростанций, чем для переменного, потому что на большие расстояния постоянный ток передавать невозможно. С каждой электростанции Эдисон получал отчисления. Оборудование часто нуждалось ремонте, которым занималась компания Эдисона – вот вам второй источник доходов. Но дороже всего для Эдисона была его репутация причем не в ученом мире, а в деловых кругах. Любой человек с дутой репутацией, очень сильно ею дорожит. Эдисон не был исключением. Он ставил на постоянный ток, он занимался разработкой машин постоянного тока, он убеждал людей вкладывать деньги в постоянный ток. Крах постоянного тока грозил уничтожить репутацию Эдисона. Так оно и случилось. В XX веке дела Эдисона шли много хуже, чем в XIX [100].

Поняв, что он проигрывает войну, Эдисон начал всячески хаять переменный ток, ссылаясь на его опасность для жизни. Мы с Вестингаузом признавали, что переменный ток опаснее, что он скорее может вызвать остановку сердца, нежели постоянный. Но ведь для общества важна не опасность тока как таковая, а надежность защитных мер. Мы объясняли людям, что у переменного тока есть одно величайшее преимущество перед

постоянным – небольшая потеря мощности при передачах на большие расстояния. Это преимущество перевешивало все недостатки. Мы объясняли, что Эдисон передергивает, представляя постоянный ток, как «безопасный». Постоянный ток тоже опасен для жизни, а при некоторых характеристиках он опаснее переменного. Мы с Вестингаузом чувствовали себя уверенно, потому что у нас на руках были все козыри, кроме одного – безопасности.

Эдисон же использовал свой единственны козырь весьма эффективно. Не могу сосчитать, сколько всякой живности он загубил на своих публичных демонстрациях[101]. Эдисон активно способствовал принятию «Закона о казни на электрическом стуле»[102], противником которого был Вестингауз. Вестингауз хорошо понимал, сколь плохую службу популяризации переменного тока может сослужить его использование для смертной казни. Невозможно же объяснить всем, что при казни применяется ток с особыми характеристиками, далекими от тех, что используются в жизни. Люди слышали, что переменный ток может убить, и это настраивает их против переменного тока. Вникать в детали они не желают да и не могут.

Вестингауз отказался продавать генераторы переменного тока тюрьмам. Инженеру Гарольду Брауну, участвовавшему в создании электрического стула и занимавшемуся организацией первой казни на нем в Орегонской тюрьме, пришлось купить два генератора через подставных лиц, которых обеспечил ему Эдисон. Браун начинал свою карьеру в компании Вестингауза, но очень скоро был уличен в шпионаже и выгнан. Некоторое время Браун работал самостоятельно, но затем Эдисон взял его к себе и дал ему лабораторию. Кто же будет брать на работу разоблаченного шпиона, кроме его хозяина? У Эдисона Браун ставил эксперименты по применению переменного тока в качестве способа смертной казни. Эдисон приложил руку к этому делу. Это было нужно ему для того, чтобы после первой же казни на электрическом стуле кричать повсюду, что переменный ток убивает[103]. Также он кричал, что при казни был использован генератор Вестингауза и что электрический стул был создан «не без участия Николы Теслы». Участие мое было косвенным, точнее – надуманным. Гарольд Браун в своей работе по созданию электрического стула использовал три моих патента. Это все равно что обвинять человека, который сплел первую веревку, в причастности к казням через повешение. Больше всех к этому мрачному делу был причастен Эдисон. Он платил Брауну, предоставлял ему лаборатории для экспериментов, платил журналистам и т. п. Но Эдисон из тех, кто упав в белом костюме в

бочку с дегтем, вылезет из нее чистым. Прохиндей из прохиндеев и не только прохиндей.

«Люди верят тому, кто громче кричит», – говорил мой отец. Вестингауз заявлял, что он против применения переменного тока для смертной казни и отказывался продавать генераторы в тюрьмы. Вестингауз объяснял, что при конструкции машин и линий переменного тока соблюдаются меры безопасности, но Эдисон поднял грандиозный шум, и люди больше верили ему, а не Вестингаузу.

Приведу один пример того, как ловко и подло «жонглировал» словами Эдисон. Однажды, разозленный Вестингауз спросил у осаждавших его репортеров, можно ли винить изобретателя топора или производителей топоров за то, что по принципу топора работает гильотина? Эдисон тут же переврал эти слова. Он стал говорить, что хотя переменный ток убивает, но он ненадежен (то есть – ненадежны машины переменного тока), и Вестингауз, зная о недостатках производимого им оборудования, советует американцам использовать для смертной казни гильотину.

Страсти вокруг переменного тока бурлили сильные, но страсти – дело временное, особенно в Соединенных Штатах. Здесь каждый день случается новая сенсация. О старых никто не вспоминает. Соединенными Штатами правит доллар, сухой расчет, а сухой расчет показывал, что переменный ток выгоднее постоянного. Стремясь поскорее одержать победу над Эдисоном, Вестингауз снизил цену своих машин, которые и без того из-за своей простоты были дешевле эдисоновских. Эдисон понял, что он проигрывает и пошел на крайние меры. Он решил убить меня. Эдисон постоянно удивлял меня, демонстрируя на своем примере, что подлости и низости нет предела. Так же как нет предела благородству.

Оговорю сразу, что при жизни Эдисона я никогда не выдвигал против него обвинения в попытке убийства, потому что у меня не было веских доказательств. Был всего лишь рассказ человека, который хотел меня убить. При отсутствии доказательств Эдисон, разумеется, не признал бы свою вину и в свою очередь обвинил бы меня в клевете. Сейчас я решил рассказать об этом не для того, чтобы бросить еще один камень в покойника, а потому что этот случай произошел в моей жизни, и я не считаю нужным умалчивать о нем в своих воспоминаниях.

По возвращении из Европы я работал больше обычного и, для того чтобы хорошо отдохнуть, по воскресеньям предпринимал длительные прогулки. Выходил после обеда из своей лаборатории, неторопливым шагом шел до Центрального парка,

гулял там и так же пешком возвращался домой. В то время я любил гулять в Центральном парке. Мне там очень хорошо думалось, несмотря на присутствие людей. Я старался выбирать для прогулок глухие уголки или, скорее, относительно глухие. По настроению я мог присесть на скамейку, для того чтобы почитать газету.

В последнее воскресенье сентября 1890 года (это было 28-е число), гуляя по уединенной аллее, я вдруг ощутил внезапное и непреодолимое желание присесть. Словно чьи-то тяжелые руки надавили мне на плечи. Я присел и в этот момент услышал звук, который поначалу принял за громкий хруст обломившейся ветки. Потом послышались чьи-то быстро стихающие шаги – кто-то торопливо уходил прочь. Мною овладела тревога. Когда я встал, то увидел в стволе клена примерно на уровне моих глаз небольшое углубление. Даже мне, человеку мало знакомому с оружием, стало ясно, что в дерево попала пуля. Пуля эта предназначалась мне. Если бы я не присел, то был бы убит. Звук, который я принял за хруст ветки, на самом деле оказался выстрелом. Я быстрым шагом направился туда, где было много народа, а на выходе из парка сел в кэб и поехал в отель, вместо того чтобы идти пешком.

Элементарный анализ ситуации выводил на Эдисона. Кроме него никто не питал ко мне зла и никому кроме него я не стоял поперек дороги. Вестингауз был в Нью-Йорке и на следующее утро мы встретились с ним, для того чтобы обсудить произошедшее. Он согласился со мной относительно Эдисона и отнесся ко всему гораздо серьезнее, нежели я. Я думал на время отказаться от прогулок и собирался обзавестись револьвером. Толк от револьвера вряд ли был, но его наличие придавало бы мне уверенности. Вестингауз обратился в детективное агентство Пинкертона. Ко мне приставили охрану из двух агентов, которые меня ужасно раздражали. Агенты сменялись, но все агенты были бесцеремонными, шумными, а от некоторых вдобавок на милю разило чесноком. Кроме этого, Вестингауз нанял детектива, который за полторы недели нашел того, кто в меня стрелял. Им оказался некий 30-летний ирландец, у которого прежде были нелады с законом. Я его не видел и знаю о нем и его признании только со слов Вестингауза. Но у меня нет причин не доверять Вестингаузу. Под уговор о том, что дело не дойдет до полиции, ирландец рассказал Вестингаузу, что Эдисон пообещал ему заплатить за меня двести долларов и дал двадцать долларов задатка. Мою голову, голову человека, патенты которого стоили больше миллиона, оценили в каких-то двести долларов. Обращаться в полицию не имело смысла, поскольку перед

законом мой несостоявшийся убийца отказался бы от своего признания. Доказательств против него не было. Поэтому Вестингауз решил сам поговорить с Эдисоном. Разговор состоялся, но подробностей его я не знаю. Вестингауз сказал только, что Эдисон еще больший мерзавец, чем кажется, и что я могу больше ничего не опасаться. На следующий день я избавился от охраны, чему был ужасно рад. Пожалуй, не меньше, чем тому, что остался в живых. Могу предположить, что Вестингауз пригрозил Эдисону принять такие же меры против него, если он предпримет вторую попытку. Характер у Вестингауза был суровый, и краем уха я слышал, что свои проблемы он решал разными способами, в том числе и такими, которые выходили за рамки закона.

С тех пор у меня появилась нервная привычка совершать на улице внезапные прыжки, когда меня вдруг охватывает тревога. Всякий раз я говорю себе: «Видишь, что ничего не случилось? Не надо бояться». Но в следующий раз снова отпрыгиваю в сторону. То, что окружающие считают одним из доказательств моей эксцентричности, на самом деле – нервное расстройство, возникшее по вине Эдисона. Расстройство преследует меня до сих пор. Сейчас я уже стар и не могу прыгать, поэтому только втягиваю голову в плечи и немного пригибаюсь.

Я часто думаю о том, чего мы трое – я, Вестингауз и Эдисон – могли бы достичь, если бы не воевали, а сотрудничали. Мой ум, организационные способности Вестингауза и энергичность Эдисона вместе дали бы замечательные результаты. В этом я уверен.

Гражданин Соединенных Штатов

1 июля 1891 года в канун моего 35-летия я стал гражданином Соединенных Штатов и начал приучать себя к мысли о том, что теперь моя родина здесь. Надо к ней привыкать. Дело в том, что я никак не мог здесь освоиться, и это сильно меня раздражало. Такой человек, как я, чувствует себя хорошо и спокойно только в привычной обстановке. Я прожил в Соединенных Штатах 7 лет, но я все время сравнивал здешнюю жизнь с европейской, находил отличия и часто думал: «а в вот в Европе лучше». Пора было прекращать это. Кроме того, мне было нужно усвоить американские манеры и привычки, пренебрегая которыми я на людях выглядел странно. Об этом мне не раз говорил Вестингауз. Когда ты не такой как все, трудно находить общий язык с окружающими. Вестингауз часто приглашал меня на переговоры, а по их окончании выговаривал мне за то, что я веду себя «чудно», не внушаю почтения и что меня можно принять за ненормального. Во многом он был прав. Мы были деловыми партнерами, и я не должен был его подводить.

Началось мое превращение в американца. В настоящего стопроцентного американца, с головы до ног. Я попытался изменить все – от гардероба, до манеры произносить слова по-американски и жестикулировать по-американски. Американцы жестикулируют гораздо сдержаннее, нежели сербы. Но очень скоро я заметил, что превращение в американца доставляет мне еще больше неудобств. Постоянный контроль над собой вызывал у меня сильное раздражение, которое мешало мне работать и, вообще, отравляло мне жизнь. Я вернулся к прежней жизни и спокойствие сразу же ко мне вернулось. Петух никогда не сможет парить в облаках, сколько его ни подбрасывай, а серб не может стать настоящим американцем. Для того чтобы стать таковым, нужно здесь родиться.

Первая половина девяностых годов была самым продуктивным периодом в моей биографии. Получивший признание, не нуждавшийся в деньгах, имевший возможность спокойно работать, я работал сразу по нескольким направлениям и везде добивался результатов. Значимых результатов! Не стану подробно углубляться в описание моей работы, поскольку это и так всем известно. Скажу только, что главным образом меня занимали токи высокой частоты и возможность получения света не посредством нагрева нити[104], а посредством колебаний высокой частоты. Вызывая колебания нити, я получил совершенно противоположный моим ожиданиям результат – металлическая

нить рассыпалась в пыль. Позже, во время экспериментов с осциллятором радиочастот я объединил результаты двух экспериментов и получил то самое оружие, о котором я писал в самом начале. Раз уж я вспомнил о нем, то скажу, что никто до сих пор не откликнулся на мое предложение. После того как Германия напала на Советский Союз, я снова отправил документы, касающиеся этого открытия, в Москву. Мне снова пришло письмо с благодарностью и обещанием ознакомиться с документами. Все дело в том, что мое открытие настолько необычно, что другие ученые не могут его понять. Без ложной скромности скажу, что оно опережает развитие науки по меньшей мере на сто лет. Демонстрация эксперимента могла бы убедить всех в моей правоте, но даже простейший экспериментальный образец излучателя стоит таких денег, которых у меня сейчас нет. Кроме того, для экспериментов мне нужно большое открытое и хорошо охраняемое пространство – военный полигон и несколько десятков единиц отслужившей свое техники. Все это можно получить только в том случае, если моя идея заинтересует кого-то в правительстве. Я хорошо понимаю, что чувствовал Коперник, когда пытался разъяснить современникам свою гелиоцентрическую систему. Возможно, меня поняли бы немцы, но с ними я никогда ничем не поделюсь. Предложения из Берлина в прямой и завуалированной форме поступали мне не раз, но я их неизменно отклонял. Не желаю иметь дела с нацистами и с немцами вообще. Я не делю немцев на австрийцев и германцев. Все они одинаковы и одинаково любят угнетать другие народы. Одно то, что немецкие ученые, блестящие умы, люди высокого интеллекта, подчинились воле сумасшедшего выродка Гитлера, уже говорит о немцах многое. Я прекрасно понимаю в чем дело – их привлекла идея мирового немецкого господства, с которой носится Гитлер, и потому они помогают ему в его черных делах. Насчет немцев я не обольщался с малых лет. В империи австрийцы вели себя так, словно только они люди, а все остальные народы – пыль под их ногами. Пока я жил там, мне ежедневно в той или иной форме напоминали, что я серб. В Париже или Нью-Йорке ничего подобного я не замечал. Кроме того, в 1895 году немцы нанесли мне огромный ущерб, о котором я напишу чуть позже.

Наши общие дела с Вестингаузом тоже шли хорошо. В 1893 году мы одержали победу над всеми конкурентами (прежде всего – над Эдисоном), получив заказ на освещение Чикагской выставки[105]. Заказ был невероятно огромным – 200 000 ламп! Кроме того, освещение такого знаменательного мероприятия невероятно подняло престиж компании Вестингауза. Заказы

лились рекой. Спустя три года Вестингауз стал «электрическим королем Соединенных Штатов», выиграв право на строительство Ниагарской электростанции. Правда, Эдисону удалось вырвать у Вестингауза право на строительство линии от электростанции до Буффало[106]. Но это была Пиррова победа, потому что строительство линии находилось под контролем Вестингауза (и частично – под моим), и Эдисону приходилось закупать большую часть оборудования у компании Вестингауза. Эдисон был поставлен в подчиненное положение, и это так его уязвляло, что он ходил с черным лицом. После того как он попытался убить меня, мне было очень неприятно его видеть. У меня было такое ощущение, будто я вижу не человека, а извивающуюся ядовитую змею. Собственно, Эдисон и был ядовитой змеей. В этом заключалась его сущность. Из человеческого у Эдисона был только облик. Я старался избегать общения с ним, передавая свои замечания его помощникам. Это устраивало нас обоих. А вот Вестингауз не упускал случая пообщаться с Эдисоном, для того чтобы лишний раз напомнить ему, кто главнее.

Дела мои шли в гору, но это мало радовало меня, потому что в 1892 году умерла моя мать. Я в это время находился в Европе[107] и успел застать ее живой. Мы проговорили целый день. Мать благословила меня, и ночью, во сне, она умерла. Боль этой потери я ощущаю до сих пор. Прошло полвека, я стал старше матери, но мне ее все равно не хватает. Я все время чувствую, что ее больше нет. Странно для сына, который большую часть жизни прожил вдали от матери, но тем не менее это так. Пока мать была жива, я ощущал ее присутствие рядом, где бы я ни был. Это особое сыновнее чувство, которое не поддается научному объяснению.

Незадолго до смерти матери, я потерял своего дорогого друга Антала Сигети. Образ жизни, который он вел, погубил его в расцвете лет. Нас связывала не только дружба, но и то многое, что мы пережили вместе. Можно сказать, что Антал был частью моей жизни, столь многое нас связывало. До сих пор я мучаюсь от сознания своей вины перед ним. Я был слишком поглощен работой после нашего возвращения из Питсбурга и совсем забыл об Антале. Если бы я занял его делом, которое было бы ему интересно, то сохранил бы ему жизнь. Человек, занятый делом, не предается пьянству и распутству. Беда Антала была в том, что он имел слабый характер и богатого отца, который высылал ему деньги, не интересуясь, на что он их тратит. Когда Антал был молод, отец держал его в строгости и постоянно напоминал, что он уже взрослый и должен зарабатывать сам. Но позже успокоился и давал столько, сколько просил сын. Одним из самых

тяжелых моментов в моей жизни была встреча с родителями Антала после его смерти. Они хотели узнать от меня как можно больше, а я ничего не мог сказать, потому что горе душило меня. Потеряв брата я не убивался так сильно, как после смерти Антала. Когда погиб брат, я был ребенком, а дети смотрят на все иначе. Детская радость безгранична, а детское горе скоро проходит. Во взрослом возрасте каждая потеря оставляет рану на сердце. Особенно если, живя на чужбине, человек теряет друга своей юности и чувствует себя виновным в его смерти.

Теперь расскажу о немцах. В 1892 году в Париже я познакомился с германской Всеобщей электрической компании[108] Эмилем Ратенау[109]. Ратенау произвел на меня хорошее впечатление. Он был не изобретателем, а только инженером, но склад ума имел новаторский. Все новое интересовало его, в том числе и токи высокой частоты, о которых я читал в то время лекции в Европе. Способствовало нашему сближению и то, что мы оба ненавидели Эдисона. Первоначально Эдисон был компаньоном Ратенау, но очень быстро захотел прибрать к рукам всю компанию и сделать ее германским отделением своей Континентальной компании. До тех пор Германией занималось парижское отделение. В уставе компании был пункт о том, что компаньон, вкладывающий в дело меньше другого компаньона, подлежит исключению. Я говорю упрощенно, так как мне объяснил сам Ратенау. Эдисон попытался вынудить его к продаже своей доли, предложив увеличить капитал компании втрое. Он надеялся, что Ратенау откажется и выйдет из дела, Ратенау оказался крепким орешком. Ратенау нашел не только требуемую сумму, но и вложил сверх того, вынудив Эдисона продать ему свою долю. Начиная очередную грязную игру, Эдисон не учел того, что Ратенау был евреем, женатым на дочери одного из богатейших франкфуртских банкиров и при необходимости мог быстро получить крупные займы у тестя или у кого-то из соотечественников. Почти все банкиры в обоих империях[110] были евреями.

Ратенау познакомил меня с Вернером фон Сименсом[111]. Заочно мы были друг с другом знакомы, потому что я знал о динамо-машине[112] Сименса и его успехах в прокладке трансантлантических телеграфных кабелей, а он знал о моих изобретениях. Сименс представлял собой нечто среднее между Эдисоном и Вестингаузом. Подобно Эдисону, он был не столько ученым, сколько экспериментатором. На Вестингауза он был похож умением отделять зерна от плевел, т. е. вовремя отказываться от своих заблуждений. Если бы Эдисон своевременно признал бы преимущество переменного тока перед

постоянным, то стал бы электрическим королем мира. Не было бы ни Сименса, ни Вестингауза, ни кого-то еще. Была бы Мировая электрическая компания Эдисона.

Сименс спросил, не хочу ли я вернуться в Европу. Я ответил, что пока не могу этого сделать, потому что вся моя работа сосредоточена в Соединенных Штатах. Сименс предложил мне работать вместе с ним. Видимо, он заранее обдумал это, поскольку очень подробно изложил мне все условия. Я отказался, сказав, что связан обязательствами перед Вестингаузом. На этом разговор закончился, и очень скоро я забыл о предложении Сименса. Не хочу хвастаться, но в 1892 году в Европе я получил несколько подобных предложений. Великолепно для человека, который пять лет назад копал землю, чтобы заработать на пропитание!

1 марта 1893 года я прочел в Сент-Луисе лекцию о свете и других высокочастотных явлениях[113]. После лекции ко мне подходили многие. Кому-то хотелось высказать восхищение, кому-то задать вопрос, а многие хотели испытать на себе безопасность переменного тока высокой частоты[114]. Среди прочих было два человека, один из которых представился Фридрихом фон Хефнер-Альтенеком[115], главным инженером компании Сименса, а другого представил как своего ассистента Вернера Риделя. Хефнер пригласил меня на ужин, сказав, что хочет кое-что со мной обсудить. Я подумал, что речь снова пойдет о работе у Сименса, но приглашение принял, потому что мне было интересно пообщаться со столь талантливым изобретателем. Я стараюсь не упускать возможности пообщаться с коллегами. Мне понравилось, что ужин будет проходить не в ресторане, а в номере Хефнера в отеле. Я не люблю многолюдья, да и общаться в тихой обстановке приятнее.

К моему удивлению, за ужином Хефнер не сказал и двух слов. Говорил Ридель, который чувствовал себя хозяином положения. Он выглядел много моложе Хефнера (на вид ему было лет 30), но держался очень уверенно и даже властно. Чувствовалось, что это человек, который привык командовать, а не подчиняться. Я подумал о том, что Ридель не похож на ассистента и, вообще, не похож на инженера. Скорее – на военного. Костюм сидел на нем как мундир, без единой складки. Начав с комплиментов в мой адрес, Ридель затем поделился своими впечатлениями от Соединенных Штатов, похвалил Нью-Йорк, поругал Сент-Луис и т. п. Обычная светская беседа, но за ней чувствовался какой-то подтекст. Ридель говорил о пустяках, а смотрел на меня очень серьезно. Вдруг он оборвал свою болтовню на полуслове и сказал, что имеет ко мне предложение от, как он выразился, «очень

влиятельных лиц в германских финансовых кругах». Хефнер при этих словах вскочил, сказал, что ему срочно требуется подышать свежим воздухом и вышел из номера. Меня это сильно удивило, но еще сильнее меня удивило предложение Риделя. Он предложил мне работу в Германии, подчеркнув, что речь идет не о компании Сименса, а о более значительной и высокооплачиваемой работе. «Вы представляете правительство?» – прямо спросил его я. «Да», – ответил он и с поэтичностью, достойной Гейне, начал расписывать мне выгоды работы в Берлине. Дослушав до конца, я отказался, сославшись на свои обязательства перед Вестингаузом и на то, что мне невозможно взять и перенести мой рабочий процесс из Нью-Йорка в Берлин. «Хорошо», – вопреки моим ожиданиям, согласился Ридель. Я думал, что он начнет меня уговаривать, но ошибся. Ридель сказал, что в таком случае он уполномочен сделать мне другое предложение. Германских ученых весьма сильно интересуют мои работы, и они готовы платить мне хорошие деньги за то, чтобы быть в курсе того, над чем я сейчас работаю. Я ответил, что регулярно рассказываю о своей работе во время выступлений, как, например, сегодня, и не прошу за это денег. «Вы меня не поняли, – перебил меня Ридель. – Нужны ваши рабочие материалы, протоколы ваших экспериментов, ваши мысли. Нужна ваша „кухня“, полностью. За это вы будете получать 10 000 долларов в месяц. И не беспокойтесь о патентах. Мы не собираемся патентовать ваши изобретения. Мы хотим только быть в курсе». Я отказался. Ридель предложил мне подумать. Я сказал, что решений своих не меняю, и попросил больше никогда не обращаться ко мне с такими предложениями. Расстались мы весьма холодно (я ушел, не дождавшись Хефнера). Но спустя две недели Ридель появился на Пятой авеню[116] и предложил мне 20 000 в месяц и пакет акций какого-то картеля или синдиката. Я не расслышал, какие именно то были акции, поскольку в ушах у меня стучало от гнева. Как он смеет приходить ко мне снова, да еще и отвлекать меня от дела? Я снова отказался и снова попросил не беспокоить меня впредь. Ридель ушел, но через неделю я получил от него письмо, которое порвал не читая. До февраля 1894 года никто меня не беспокоил. Незадолго до того вышла книга обо мне[117], написанная Томасом Мартином. Выход книги вызвал усиленный интерес к моей персоне со стороны журналистов, в том числе и европейских. Поэтому, когда мне сказали, что со мной хочет встретиться господин Кляйбер из Берлина, то я подумал, что речь идет об очередном немецком журналисте. Но Кляйбер начал с того, что передал мне поклон от Риделя. Я встал, подошел к двери,

распахнул ее и потребовал от Кляйбера, чтобы он немедленно ушел. «Я не желаю иметь никаких дел ни с господином Риделем, ни с его друзьями!» – сказал я. Кляйбер ушел.

В июне 1894 года Колумбийский университет присвоил мне звание почетного доктора наук. Я получил много поздравлений. Среди тех, кто захотел поздравить меня лично, был зять Сименса Фердинанд Курльбаум[118]. В разговоре со мной Курльбаум сказал, что господин Ридель, узнав о том, что он едет в Нью-Йорк просил навести у меня справки по поводу «нашего общего дела». Я объяснил Курльбауму, какого рода «дело» есть ко мне у господина Риделя, и добавил, что «нашим общим делом» оно никогда не будет. Попутно я спросил, кто такой вообще господин Ридель? Чем он занимается на самом деле? Курльбаум уклонился от прямого ответа, сказав, что знает Риделя плохо. Но по глазам его было видно, что он врет.

В сентябре и в ноябре 1894 года я получал письма от Риделя, которые рвал, не читая. Я не видел смысла в том, чтобы что-то ему отвечать. Я высказал свое нежелание сотрудничать с ним в недвусмысленной форме и не видел необходимости что-то уточнять. О том, как мне досаждают немцы, я рассказал Вестингаузу. Он посоветовал мне рассказать об этом журналистам. По его мнению, после огласки Ридель и те, кто стоял за ним, оставили бы меня в покое. Но я решил, что лучше будет ничего никому больше не рассказывать. Любой шум, поднимавшийся вокруг моей персоны, мешал мне работать.

1 марта 1895 года Ридель явился ко мне в лабораторию. Он представился как «мой давний друг» и держался уверенно, потому его провели в мой кабинет, где он повел себя крайне наглым образом. Я сразу же указал ему на дверь, но он, не обращая на это внимания, уселся на стул и сказал, что уйдет лишь после того, как я его выслушаю. Мне очень хотелось позвать полисмена, стоявшего на углу, но тогда бы вышел скандал. Я рассудил, что лучше будет выслушать Риделя, сказать «нет» и на этом все закончится. В конце концов, он не может преследовать меня до бесконечности.

«Ни на кого еще мне не приходилось тратить столько времени, как на вас! – грубо сказал Ридель, будто бы упрекая меня. – Давайте, наконец, договоримся. Если вас не устраивают наши условия, то назовите свои!» Я ответил, что могу сказать только «нет» и никогда не скажу «да». Условия обсуждать незачем, потому что дело не в условиях, а в принципе. «Почему? – удивился Ридель. – Разве деньги бывают лишними? Или у вас есть какие-то личные мотивы для отказа?» Я не собирался читать ему лекцию о своем отношении к немцам и пр. Я еще раз сказал «нет»

и потребовал оставить меня в покое. «Вы мешаете мне работать!» – несколько раз повторил я. «Вы еще не знаете, как мы можем вам помешать» – сказал Ридель и ушел не попрощавшись. Вид у него был такой, будто я оскорбил его в лучших чувствах. «Вот и хорошо, – подумал я. – Больше он не придет».

Утром 13 марта 1895 года в моей лаборатории начался пожар. Пламя очень скоро распространилось по всему дому и за несколько часов он полностью выгорел. Было уничтожено все – записи, оборудование, мой личный архив. Пожар начался около половины шестого утра. Я ушел к себе в отель в пять часов. Во всем здании остался только сторож Брайан, аккуратный и ответственный человек, служивший далеко не первый год. Когда я снял часть здания под свою лабораторию, Брайан уже работал здесь. По словам Брайана, пожар начался сразу в нескольких местах, причем – в моей лаборатории. Брайан клялся, что ничего не слышал и никого не видел. Все было в порядке и вдруг из моей лаборатории потянуло дымом. Горело с нескольких сторон. Брайан хотел погасить огонь, но тот распространялся с такой скоростью, что ему пришлось выбежать на улицу, спасая свою жизнь.

Если пустое здание, в котором никого нет, вдруг загорается да еще и сразу в нескольких местах, то это поджог. Нечего было думать о том, что кто-то из моих сотрудников мог оставить на столе непотухшую трубку или горящую свечу. У меня работали очень ответственные люди, других я не держал. К тому же все сотрудники уходили домой вечером. Ночью в лаборатории оставался только я. Если бы дело было бы в горящей свече, то пожар случился бы раньше. Нет, это был явный поджог с использованием каких-то химических средств. Я не очень хорошо разбираюсь в химии, но среди моих сотрудников было двое сведущих в ней. Они объяснили, что изготовить зажигательный снаряд, который воспламенится спустя некоторое время, для химика не составляет труда. Я хорошо запомнил последнюю фразу Риделя и не сомневаюсь, что пожар – дело рук немцев. Проникнуть днем в здание и оставить в укромных местах зажигательные снаряды не составляло труда. Одних посыльных у меня бывало не меньше 20 за день. А в том, что пожар произошел 13-го числа, я вижу насмешку над Соединенными Штатами[119]. В том, что компания Сименса пыталась оспорить ряд моих патентов я также вижу происки Риделя и его хозяев[120]. Они объявили мне войну – уничтожили мою лабораторию и хотели отобрать мои патенты.

Уничтожение лаборатории было ударом огромной силы, но оно не смогло сломить меня, потому что все данные я держал в

уме. Проблема оказалась масштабной, но сугубо технической – надо было потратить время на восстановление документации и оборудование новой лаборатории, для которой я снял помещение на Хьюстон-стрит[121]. Газеты писали, что уничтожение моей лаборатории стало мировой проблемой, но на самом деле все было плохо, но не так уж и ужасно. Все было поправимо. Пожар отнял у меня пять с половиной месяцев. В сентябре 1895 года работы в моей новой лаборатории возобновились в полном объеме. Если бы не подготовка к пуску Ниагарской электростанции, которая отнимала у меня много времени, я бы окончательно восстановил лабораторию к 1 июля.

Я восстановил документацию и оборудование, но была одна невосполнимая утрата – письма моей дорогой сестры Марицы, которой вот уже три года нет в живых[122]. К некоторым из этих писем прикладывала руку моя неграмотная мать. Она писала букву «Г», с которой начиналось ее имя. Эти письма были для меня дороже всего остального. До сих пор не могу простить себе, что хранил их в лаборатории, а не в банковском сейфе. Но кто мог подумать, что может случиться такое? У меня? В лаборатории, где царил идеальный порядок и тщательно соблюдались все меры предосторожности?

Все обвиняли в пожаре Эдисона, но я знал, что это не его рук дело. У меня не было доказательств, но была уверенность в том, что мою лабораторию подожгли немцы. Я не мог впрямую обвинить их, но я счел своим долгом сделать заявление относительно Эдисона. При всей моей антипатии к нему, я сказал, что не считаю его способным на такой поступок. Я действительно так думал и думаю до сих пор. После неудавшегося покушения на меня, Эдисон ни за что бы не решился на подобный поступок, поскольку был предупрежден Вестингаузом, а Вестингауз не бросал слов на ветер – и это все знали. Нет, пожар устроили немцы в отместку за то, что я не захотел иметь с ними дела. С тех пор моя неприязнь к немцам приобрела характер стойкой ненависти. Отдельные немцы могут быть честными и порядочными людьми, но как нация немцы ужасны и то, что происходит сейчас, доказывает это. Обе войны XX века разразились по вине немцев, хотя формально в первый раз виновниками попытались выставить сербов, а во второй раз – поляков.

Эдисон сделал показной широкий жест – предоставил в мое распоряжение одну из своих лабораторий, чтобы я мог там работать до тех пор, пока не подыщу и оборудую новое помещение. Я был поставлен в ужасную ситуацию. Мне пришлось принять предложение человека, который хотел меня убить, чтобы

не выглядеть сумасшедшим в глазах общества. Откажись я – и все, не знавшие истинной подоплеки, решили бы, что я сошел с ума. Разумеется, я понимал истинные мотивы, побудившие Эдисона сделать мне такое предложение. Он хотел показать всем, какой он замечательный, и хотел сунуть нос в мои секреты. Я не сомневался в том, что в его лаборатории за мной и моими сотрудниками велось постоянное наблюдение. Я принял предложение, публично поблагодарил Эдисона, сделал вид, что пользуюсь его лабораторией, а сам тем временем нашел помещение на Хьюстон-стрит приступил к оборудованию лаборатории. Репортеры умилялись и писали, что моя война с Эдисоном закончена. Война не была закончена. Просто я понимал, что на восстановление лаборатории мне понадобятся деньги, которые придется доставать на стороне, и не хотел получить репутацию вздорного, злопамятного человека, который отталкивает протянутую ему руку помощи. Подозреваю, что мой отказ обрадовал бы Эдисона больше, чем согласие. Он бы получил новый повод для упреков в мой адрес.

Должен отметить, что Вестингауз, называвший меня своим «лучшим другом», не пригласил меня в Питсбург и не дал мне ни цента сверх того, что был должен выплачивать по нашему договору от 1888 года (с учетом того, что от выплат за каждую лошадиную силу я к тому времени отказался). Дела компании Вестингауза шли в гору, но этот прогресс происходил на фоне общего кризиса девяностых годов, и Вестингауз постоянно напоминал мне об этом. Позднее я понял, что он заранее, с 1891 года, готовил почву для того, чтобы отказаться от своих обязательств передо мной[123], но поначалу я верил, когда он говорил: «Да, наша прибыль хороша, но кризис съедает ее, потому что приходится затыкать много дыр». Подозреваю, что Вестингауз вел двойную бухгалтерию, обманывая акционеров компании. На фоне усиливающегося кризиса и якобы тяжелого положения компании, образ его жизни становился все роскошнее и роскошнее. Глядя на него нельзя было сказать, что дела у него идут плохо. В то время я объяснял это тем, что владельцу крупной компании необходимо демонстрировать благополучие даже тогда, когда дела идут плохо. Вернее – чем хуже идут дела, тем сильнее следует демонстрировать благополучие. Так думал я тогда.

После того как я отказался от выплат за лошадиные силы, наши отношения с Вестингаузом охладели. Он начал избегать меня, по деловым вопросам я был вынужден обращаться к его сотрудникам, которые продолжали неприязненно относиться ко мне. Когда я заказывал оборудование для новой лаборатории, то

рассчитывал на хорошую скидку. Вестингауз знал, каково мое финансовое положение, и понимал, что без посторонней помощи я вряд ли смогу восстановить лабораторию. Но он не дал мне скидку, даже небольшую. Выглядело это так, что скидку не дал его сотрудник, но я-то знал, что на самом деле он выполнял распоряжение Вестингауза. Мне проболтался об этом другой сотрудник Вестингауза Эрнест Хайнрикс[124]. Я не стал унижать себя обращением к Вестингаузу. Он знал о пожаре и выразил мне соболезнования по этому поводу. Если бы хотел, то сам бы предложил скидку или, хотя бы рассрочку.

Свободных средств у меня никогда не было, потому что все, что я получал, я вкладывал в дело – в свои эксперименты. Хорошим подспорьем оказались для меня 100 000 долларов, которые дала мне на обустройство новой лаборатории Ниагарская Энергетическая Компания[125].

Меня не раз упрекали в легкомыслии, поскольку моя лаборатория не была застрахована. «Тесла – не от мира сего, – писали газеты. – Он увлечен только изобретательством, а все остальное ему безразлично. Возможно, он вообще не знает о существовании страховых компаний…» Все это, конечно, чушь. Я действительно увлечен изобретательством, но не настолько, чтобы не думать ни о чем другом. Моя лаборатория действительно не была застрахована по моей вине (этого я не отрицаю). Но я хочу рассказать, как было дело.

Изначально я собирался застраховать лабораторию и обратился в страховую компанию. Не буду уточнять в какую именно, скажу только, что это была известная и уважаемая компания с хорошей репутацией. И три другие компании, о которых будет речь, тоже были такими же.

Агент первой страховой компании сказал, что он может оценить здание и мебель, но отказался оценивать самое дорогое – архив и экспериментальные образцы. Он настаивал на том, что может оценить и застраховать только то, что имеет цену. Я пытался объяснить ему, что документация с образцами – это самое ценное в лаборатории, что одна схема может стоить дороже, чем все здание с мебелью вместе. Я приводил в качестве примера суммы, которые получал за свои изобретения. «Смотрите, – говорил я, – одна схема, такая же как эта, принесла мне более ста тысяч и принесет еще втрое больше!» Мне не удалось переубедить агента. Тогда я встретился с одним из совладельцев компании, но и он сказал мне то же самое, что и агент. Здание и мебель! Больше ничто не имело ценности для этих твердолобых людей! Здание меня вообще не интересовало, поскольку я был арендатором и арендовал только часть. Мне

хотелось застраховать свой архив и образцы, то, что было для меня поистине бесценным. Потерпев неудачу в одной страховой компании, я обратился в другую компанию, надеясь, что там меня поймут. Я готов был платить высокие взносы, за этим дело не стояло. Мне была нужна справедливая страховка, отражающее реальное положение дел. Но ни в другой, ни в третьей компании меня не поняли. Агент из четвертой компании начал разговор со мной с предупреждения. «В нашем деле принято обмениваться друг с другом информацией о клиентах, – сказал он с ехидной усмешкой. – Это избавляет от множества проблем. Я в курсе, что вы обращались туда-то, туда-то и туда-то и что вам везде отказали, потому что вы хотите получить неоправданно высокую страховку. Говорю сразу, что со мной этот номер не пройдет. Я не застрахую вашу лабораторию как Метрополитен!»[126] Меня невероятно разозлили его наглый тон, наглый взгляд, наглая усмешка и его нежелание понять меня. Он разговаривал со мной, как с мошенником. Я послал его к черту и отказался от намерения застраховать лабораторию. «Что толку заниматься этим, – думал я, – если самое ценное эти твердолобые тупицы все равно не хотят страховать?» После пожара я понял, что был не прав. Надо было застраховать хотя бы здание и мебель. Деньги, полученные по страховке, очень бы пригодились. Но я думал: что может произойти там, где царит идеальный порядок? Теперь я знаю, что произойти может все, что угодно. Порядок царит в науке, а в жизни царит хаос.

У Эдисона хватило ума не радоваться публично моей беде и, вообще, воздержаться от комментариев по этому поводу. Радость по поводу такого горя легла бы пятном на его репутацию, которую сам он считает чистой. Но подручные Эдисона сразу же начали рассуждать о том, что лаборатория моя сгорела в результате короткого замыкания, другой причины, по их мнению, быть не могло. Огласив причину, они задавали вопрос: можно ли вообще доверять Тесле и его переменному току, если он не смог должным образом обезопасить даже свою собственную лабораторию? Мое несчастье Эдисон обернул себе на пользу. Он умеет из всего извлекать пользу, этого у него не отнять. Выгода – кумир Эдисона. Именно поэтому как ученый он – пустое место. Думая только о личной выгоде невозможно делать открытия, потому что любое открытие делается не для себя, а для человечества. Возможно, мои слова покажутся вам выспренними, но я пишу то, что думаю.

Телеавтоматы[127]. Маркони[128]

При пожаре были уничтожены три первых моих телеавтомата.

Идея машин, управляемых на расстоянии, пришла ко мне в 1892 году, когда я возвращался из Европы в Нью-Йорк. Вначале эта идея даже мне показалась несбыточной. Но, разложив ее на несколько частей, я обдумал каждую в отдельности и пришел к выводу, что она осуществима. Несколько раз в моей жизни так было – я от мечты переходил к изобретению. Если вдуматься, то ничего неосуществимого в мире нет.

Я довольно быстро, один за другим, создал три опытных образца и остался доволен, опробовав их в деле. Разумеется, они были примитивными, но дело было не в сложности конструкции, а в осуществимости моей идеи на практике. Усложняя конструкцию, я пришел к той модели, которую продемонстрировал в мае 1898 года на Электрической выставке в Нью-Йорке. Я долго раздумывал над тем, какую именно модель создать для первой публичной демонстрации, и в результате остановился на лодке. Перемещения в воде выглядели очень эффектно, а сама конструкция была много проще самоходного телеавтомата, который мог бы двигаться как человек – ходить по ровному месту, подниматься по лестницам и т. д.

Мои достижения в области беспроводной связи хорошо известны[129]. Я писал о них и не хочу повторяться, тем более что сейчас я рассказываю не столько о своих изобретениях, сколько о том, что происходило вокруг них: о своей жизни, о моих взаимоотношениях с людьми, о надеждах и разочарованиях.

Очередным моим разочарованием стало то, как общество восприняло мои телеавтоматы. Взрослые люди порой напоминают маленьких детей. Разжуешь им пищу, вложишь в рот, а они не могут сделать малого – проглотить ее. В молодости я испытывал определенный пиетет по отношению к богатым людям, которые сами заработали свое состояние, а не получили его по наследству. Мне казалось, что эти люди невероятно умны, ибо иначе они не смогли бы разбогатеть. Но впоследствии я убедился, что ум играет в этом деле далеко не первую роль. Четвертую после напористости, удачливости и безжалостности. Денежные тузы Соединенных Штатов не могли оценить по достоинству большинство моих идей. Их интересовал один-единственный вопрос: «сколько прибыли я получу на вложенный доллар?» Я отвечал: «Много, невероятно много», но не мог назвать конкретных цифр – и это порождало недоверие. Недоверие всегда происходит от непонимания.

Кому только не предлагал я свои телеавтоматы, начиная с Вестингауза! Но заинтересовались ими только военные. В то время шла Кубинская война[130] и моя телеавтоматическая лодка привлекла внимание – как средство для обстрела торпедами кораблей противника (испанцев). Мои расчеты показали, что лодка с шестью торпедами на борту обойдется примерно в 50 000 долларов. Интерес к моей идее тут же угас, тем более что пока велись переговоры, Испания успела капитулировать[131]. Признаться честно, я был этому рад. Мне не хотелось, чтобы мои телеавтоматы использовались в военных целях. Я видел для них совсем другое будущее.

Слухи о том, что военные сочли мое изобретение нерентабельным, очень скоро превратились в слухи о том, что я ничего не изобрел, а просто устроил фокус, дурача легковерных простаков. Главным распространителем этих слухов был молодой итальянский изобретатель Гулельмо Маркони. На Электрической выставке 1898 года он демонстрировал мины, взрывающиеся по радиосигналу. Маркони добился выполнения всего одного действия на расстоянии, а я создал модель лодки, которая могла выполнять любой маневр. Разумеется, он понимал, что проигрывает мне, и потому начал порочить мое изобретение. Недостойные люди пытаются возвыситься за счет унижения других. Обиднее всего было для меня то, что подобное отношение стало ответом на мое внимание, проявленное к Маркони. Познакомившись с ним на выставке, я предложил ему сотрудничать. Мне было очень приятно увидеть молодого человека, которого интересуют проблемы беспроводной связи. Я всегда придерживался и придерживаюсь идеи всеобщего товарищества изобретателей и вообще ученых. Проблемы, стоящие перед современной наукой настолько сложны, что их следует решать сообща. Но Маркони предпочел вражду со мной вместо дружбы. Что ж, это его выбор.

Маркони начал с клеветы в мой адрес, а закончил банальным воровством. В 1900 году он решил запатентовать в Соединенных Штатах свой аппарат, но патентное бюро отказало ему в регистрации, поскольку его патенты были копией моих, полученных в 1897 году. Маркони это не остановило. Он создал в Нью-Йорке филиал своей компании, начал сотрудничать с Эдисоном, от которого получал не только советы относительно того, как следует половчее вести дела, но и денежные вложения. Главным же финансистом Маркони стал Эндрю Карнеги[132]. Связи и деньги Карнеги, ловкость Эдисона, имевшего большой опыт в кражах чужих патентов, и настойчивость Маркони привели к тому, что в 1905 году патентное бюро аннулировало выданные

мне патенты и запатентовала «изобретения» Маркони. Тогда я не стал с ним судиться, поскольку у меня не было на это денег. Я понимал, что мне придется тягаться не с Маркони, а со стоящим за ним Карнеги. Я понимал, что никогда не смогу нанять таких пронырливых и влиятельных адвокатов, которых наймет Карнеги, поскольку проныры со связями стоят баснословно дорого. Победа окрылила Маркони и к 1915 году он присвоил уже 17 моих патентов (17!). Я не вытерпел и подал против него иск. Но к тому времени общественное мнение было полностью на стороне Маркони. Его имя звучало повсюду и стало синонимом слова «радио». «Может, Тесла и придумал радио первым, – говорили люди, – но создал его Маркони, и он продолжает его развивать, в то время как Тесла ничего не делает»[133]. Ничего не делает? Моя «Мировая система» была забыта сразу же после того, как было прекращено ее финансирование.

Хорошо зная, что представляет собой Маркони, я не удивился тому, что он примкнул к фашистам[134]. «На сливе не растут яблоки», – говорят сербы.

Те, кто понимал, что я никогда не опущусь до того, чтобы показывать фокусы под видом научных демонстраций, критиковали телеавтоматы за их «непрактичность». Они дороги, для управления ими все равно нужен человек и т. п. В то, что можно оснастить телеавтоматами целый завод, который будет управляться одним или несколькими людьми, никто не верил. А если кто-то и делал вид, что верил, то лишь для того, чтобы обернуть против меня общественное мнение. «Тесла придумал машины, которые отберут у нас с вами работу! – кричали они. – Мы станем умирать с голоду благодаря Тесле!»

Так же скептически и агрессивно было встречено и мое сообщение о приеме электромагнитных сигналов из неизвестного источника в мировом пространстве. Предположительно, я решил, что сигналы приходят с Марса, но признаю, что мог и ошибаться. Они могли идти и из другой точки Вселенной. Мои возможности не позволяли установить расположение источника даже приблизительно, а также я не смог расшифровать полученные сигналы. Объявив о них, я в первую очередь надеялся на помощь в расшифровке. Уверен, что объединенными усилиями удалось бы решить эту проблему. Но меня поспешили объявить обманщиком. Отрицать непонятное всегда проще, чем попытаться понять его[135].

После полугода бесполезных усилий по рекламе телеавтоматов, я решил сделать паузу, чтобы дать людям «дорасти» до моего изобретения, и начал усиленно разрабатывать мировую систему беспроводной передачи электрической энергии.

Мировая система беспроводной передачи электрической энергии

Суть этой грандиозной идеи в свое время я излагал очень часто, но сейчас о ней совсем забыли. Интересующиеся могут обратиться к моим статьям, а также прочесть мою брошюру «Мировая система». Здесь же я в двух словах скажу о сути «Мировой системы», а затем перейду к рассказу о том, как она создавалась и почему не была создана. Вокруг «Мировой системы» в свое время ходило очень много слухов, больше, чем вокруг любого другого моего изобретения, но все они были лживыми или содержащими только половину правды. Половина правды еще хуже, чем откровенная ложь, потому что она выглядит достоверно и вызывает доверие.

Однажды я заметил, что при определенных условиях атмосфера, которая в обычном состоянии является превосходным изолятором, приобретает свойства проводника, способного передавать любое количество электрической энергии. Разработав это наблюдение в теории и на практике, я понял, что могу передавать энергию по всему земному шару, если смогу объединить Землю вместе с атмосферой в единую резонансную систему. Земля благодаря особым волнам, возникающим в ней, тоже имеет свойства проводника. Возбудив стоячую[136] электромагнитную волну, охватывающую всю Землю и выдавая в атмосферу разряды определенной частоты, я реализовывал свой замысел. Мои эксперименты с электрическими разрядами мощностью приблизительно в сто тысяч лошадиных сил и протяженностью более чем в сто футов завершились успешно, а это означало, что столь же успешными они будут при увеличении расстояния. Потери мощности были крайне незначительными, гораздо меньшими, чем в случае передачи энергии по проводам, настолько незначительными, что можно было не принимать их во внимание. При передаче через мою систему, мощность уменьшалась бы в простом соотношении с расстоянием, а при передаче энергии по проводам она уменьшается в квадрате. Гораздо лучше потерять 1/100 часть, чем 1/10 000 часть. В любой точке земного шара человек включал небольшого размера приемник, настроенный на определенную частоту, совпадающей с частотой излучателя, и получал столько электроэнергии, сколько было необходимо.

Человечество уже начало оценивать по достоинству преимущества беспроводной связи, и я надеялся, что оно также

оценит преимущества беспроводной передачи электроэнергии. Дешевизна и удобство – разве что-то может привлекать сильнее? Вначале я рассчитал, что для реализации моей идеи в мировом масштабе понадобятся 5 башен-резонаторов, но позже счел нужным увеличить их количество до 30. Установленные на башнях излучатели вызывали бы колебания определенной частоты в атмосфере. Под башнями в земле должны были располагаться заполненные маслом каналы. Колебания масла, вызываемые при помощи мощных насосов, передавались бы Земле. Таким образом получалась замкнутая система, весьма простая в обслуживании. Кроме энергии, я планировал также передавать радиосигналы. По моему мнению ничто так не способствует объединению народов, как радио, дающее возможность беспрепятственно и мгновенно обмениваться информацией.

Проект был готов к концу 1898 года. Имея большой опыт общения с финансистами, я постарался просчитать все до мелочей, насколько это было возможно. Расходы более-менее поддавались подсчетам, но доходы можно было оценивать лишь приблизительно. Но и при такой оценке было ясно, что мой проект сулит неисчерпаемые выгоды.

Сам я о выгодах не думал. Мне хотелось дать людям систему, которая облегчит и улучшит их жизнь. «Меня не станет, но на Земле будет памятник мне – моя „Мировая система“», – думал я. Главное было построить первую башню. Как только она начала бы работать и продемонстрировала бы свои преимущества, мне бы не пришлось больше просить и уговаривать. Финансисты сами бы стали набиваться ко мне в партнеры. Но пока башня существовала только на бумаге, просить и объяснять приходилось мне. Надо ли объяснять, что экспериментальная лабораторная модель в этом случае никого бы не убедила? Нужна была реальная действующая башня.

Первым делом я обратился к несчастному Джону Астору[137]. До сих пор у меня сжимается сердце, когда я думаю о нем и прочих людях, утонувших в темном холодном безжалостном океане. Прекрасно умея плавать, я никогда не боялся рек или озер, но океан – это безбрежная стихия, в которой невозможно найти спасение.

Астора я выбрал из-за того, что он нравился мне больше прочих моих состоятельных знакомых. На деле он был единственным, к кому я испытывал расположение. Астор был изобретателем и имел богатую фантазию, побуждавшую его писать фантастические романы[138]. Оценить мою идею во всей ее полноте, во всем великолепии, мог только такой человек –

инженер-изобретатель с богатым воображением. Дела у Астора шли хорошо. В этом можно было убедиться, взглянув на его роскошный отель, в котором я прожил 23 года[139]. Я уже имел дело с Астором, он был компаньоном «Тесла арк лайт компани», и мы относились друг к другу с уважением.

«Каждый доллар, вложенный в мой отель, уже принес мне 20 долларов, – сказал Астор, ознакомившись с моим планом. – Вы просите 250 000. Принесут ли они мне 5 000 000?» – «Башня принесет вам не 5 000 000, а 50 000 000!» – ответил я и коротко повторил ту часть моего плана, которая касалась ожидаемой прибыли. Я привел в пример стоимость линии от Ниагарского водопада до Буффало, сказал, сколько таких линий понадобится только для Североамериканского континента, сказал о преимуществах передачи радиосигнала через океаны. Астор сказал, что отель – дело верное, такое же, как и мои лампы, а вот моя башня вызывает у него большие сомнения. Он предложил мне отложить этот проект и заняться разработкой новых ламп. У меня возникло ощущение, будто он надо мной издевается. Я пришел к нему с величайшим проектом в истории электротехники, а он советует мне заняться лампами? Что за чушь? У меня уже готовы были вырваться резкие слова, но я сдержался и правильно сделал. Астор не издевался надо мной. У него просто не хватило ума, чтобы оценить мой замысел. Но я все равно ему признателен, поскольку он рассказал обо мне Моргану-старшему. Подозреваю, что рассказ был облачен в форму анекдота, но тем не менее Морган заинтересовался. Я был удостоен величайшей чести – приглашения к нему в контору на Уолл-стрит. Все магнаты дорожат временем, но Морган дорожил им невероятно. Он мало с кем встречался лично, предпочитая вести дела через помощников или посредством переписки.

Здесь я вынужден нарушить хронологию повествования и перейти к событиям, последовавшим после прекращения финансирования Морганом моего проекта. Морган утверждал, что я ввел его в заблуждение – обещал построить башню, которая может передавать радиосигналы через океан, а на деле построил нечто совершенно иное. Эти слова сразу же подхватили журналисты и мои недруги. Репутация моя сильно пострадала и это сделало невозможным дальнейшее финансирование проекта кем-то еще. С «человеком, который посмел обмануть Моргана» в Соединенных Штатах никто не станет иметь дело.

Пора рассказать о том, как все было на самом деле. Все знали, кто такой Морган, и я тоже знал. Морган был хищником. Он съедал всех, кто стоял у него на пути, он не терпел делиться доходами с кем-либо, он любил повелевать и не любил

договариваться. Вестингауз по-крупному обманул меня, но за все время нашего партнерства он ни разу не выкручивал мне руки, не пытался выбросить меня из дела. То, что он сделал, остается на его совести, но он ввел меня в заблуждение, а не выставил за дверь. С Астором мы тоже хорошо ладили. Он вкладывал в дело деньги, я – свой ум, и все были довольны. Но последнее слово в «Тесла арк лайт компани» неизменно оставалось за мной. Астор никогда не претендовал на то, чтобы быть главным. У него было достаточно дел и без этого. Кроме того, он знал, что я принимаю правильные решения и никогда никого не обманываю.

Другое дело – Морган. Я прекрасно понимал, что если он даст деньги, то взамен потребует, чтобы вся власть была бы у него одного. Самое большее, на что я мог рассчитывать, имея дело с Морганом, было бы положение технического консультанта. Я был наслышан о том, как Морган ведет дела. Он разорял не только конкурентов, но и тех, кто не представлял для него угрозы, если они чем-то рассердили его. Оставшись недовольным обслуживанием в ресторане, Морган мог купить этот совершенно ненужный ему ресторан только для того, чтобы вышвырнуть весь персонал на улицу. Отправляясь к Моргану, я прекрасно понимал, что иду совать голову в пасть тигру.

Морган однажды уже пытался прибрать меня к рукам. После того как сгорела моя лаборатория, я получил от него предложение через Эдварда Дина Адамса. Адамс был инициатором строительства электростанции на Ниагарском водопаде. Незадолго до пожара мы с Адамсом и его сыном Эрнестом, Альфредом Брауном и еще с несколькими людьми, учредили компанию, которая должна была бы разрабатывать и продавать электрические машины и пр. Мои отношения с Вестингаузом к тому моменту стали весьма прохладными, и я около года подумывал о том, чтобы создать новую компанию.

После пожара Адамс предложил мне вместо недавно созданной компании создать другую – на этот раз только с ним и его сыном. Для начала Адамс собирался вложить в новую компанию 500 000 долларов, а впоследствии обещал регулярно делать столь же крупные вклады. «О деньгах вы можете не думать! – с пафосом заявил он мне. – Думайте только о вашей работе. Изобретайте больше!»

Сколько раз уже я слышал это «О деньгах вы можете не думать»! Нет, о деньгах приходится думать всегда, как бы ни претило мне это занятие. Я понимал, что Адамс не в состоянии взять и выложить из кармана полмиллиона. Он сам стоил не более полумиллиона, но эти деньги были вложены в различные предприятия, откуда их вряд ли было возможно изъять. Я знал,

что Адамс связан с Морганом (это все знали), и потому сразу же догадался о том, кто на самом деле собирается вложиться в новую компанию. Морган частично финансировал и постройку Ниагарской электростанции.

Я отказался от предложения Адамса, поскольку не хотел становиться марионеткой в руках Моргана. В подтверждение того, что его предложение остается в силе и что между нами царит полное взаимопонимание, Адамс дал мне 40 000 долларов на восстановление лаборатории. Впоследствии, когда тяжелый период был позади, он не хотел брать назад эти деньги, но я вернул все до последнего цента, поскольку эти 40 000 тоже были деньгами Моргана.

Когда я готовил проект «Мировой системы», то и в мыслях не держал показывать его Моргану. Я был уверен на 99 %, что проект понравится Астору. На 1 % у меня оставался Вестингауз. Он вряд ли бы потянул финансирование целиком, но мог бы помочь мне создать компанию. Деловое чутье Вестингауза было хорошо всем известно. Если бы он вошел в дело, то за ним бы потянулись все остальные.

Я хотел создать «Мировую систему» для блага человечества, а не для обогащения семьи Морганов. Я хорошо представлял, как пойдет дело с Морганом. Взамен на предоставленное финансирование он потребует гарантий, которыми свяжет меня по рукам и ногам. Контрольные пакеты во всех общих компаниях, залог всех патентов и пр. Причем все это будет так обставлено его юристами, что в любой момент он сможет выставить меня вон. Я думал всю ночь и часть утра, перед тем как отправиться к Моргану. Не работал, а просто сидел и думал, взвешивал «за» и «против». Я понимал, что это мой единственный шанс. И понимал, что Моргану нельзя отдавать полный контроль над «Мировой системой».

«Где волк не пройдет, там змея проползет», – говорил мой отец. Я решил показать Моргану только часть моего проекта, ту, что касалась мировой радиосвязи. Вряд ли Астор посвящал Моргана в детали, подумал я. Во-первых, он сам в них как следует не вник, а во-вторых, Морган не инженер. Он банкир, финансист.

Мои опасения оправдались полностью. Одобрив идею радиосвязи на больших расстояниях, Морган сказал, что готов дать мне 150 000 долларов и ни центом больше, если через 9 месяцев мой проект начнет работать. Он дважды повторил, что сверх 150 000 ни при каких условиях я ничего от него не получу. 150 000 было минимальной суммой, с которой можно было бы приступать к реализации проекта. Я рассчитывал на 250 000 долларов. Но делать было нечего, пришлось согласиться, и

Морган сразу же начал выкручивать мне руки. Его манера вести дела, напоминала ловлю рыбы на удочку. Морган бросал крючок с наживкой, ждал, пока партнер заглотит крючок, и «вытаскивал его из воды», т. е. диктовал свои условия. Все знали, что Морган никогда не предлагает дважды и что отказ он воспринимает как личное оскорбление, и потому соглашались. Согласился и я. Отдал в залог Моргану свои патенты, касающиеся радио, и согласился на то, что он получит 51 % акций в нашей компании, которая будет передавать и принимать трансатлантические сообщения. Я думал, что на этом дело закончится, но Морган сказал: «Контрольный пакет в компании, которой еще нет, – этого мало. Я даю вам деньги сейчас и хочу иметь реальные гарантии. Например, контрольный пакет в вашей „Тесла арк лайт компани“.»

В этот миг я мысленно похвалил себя за предусмотрительность, за то, что не ознакомил Моргана с другой, главной частью моего плана. Получив власть над «Мировой системой», он стал бы энергетическим королем земного шара и диктовал бы свою волю правительствам и целым народам.

«Я должен обсудить этот вопрос с моими партнерами», – сказал я, думая в первую очередь об Асторе, который был среди них главным. «Я не спрашиваю вас о партнерах! – грубо сказал Морган. – Я спрашиваю – согласны ли вы или нет отдать мне контрольный пакет!»

В то время благодаря моим изобретениям и стараниям Астора наша компания лидировала в освещении улиц Нью-Йорка и приносила хорошую прибыль. Для Моргана она была лакомым куском. Понимая, что второго шанса у меня не будет, я согласился и на это условие. Я не представлял, что я скажу Астору, но, к огромному моему облегчению, он меня понял и не стал чинить препятствий. «Морган – это Морган», – сказал Астор.

Когда я вышел из кабинета Моргана, меня посетило давно забытое чувство картежника, которого партнер вынуждает играть ва-банк. Я понимал, что иду на огромный риск ради осуществления своего проекта. Но «Мировая система» того стоила. То, что я получил на 100 000 меньше ожидаемого, очень скоро перестало меня волновать, потому что участие в проекте Моргана открывало мне кредит в любом банке. Точнее, это я тогда думал, что открывало. На пороге своего 45-летия, за которым зрелость уже сменяется старостью, я продолжал оставаться наивным во всем, что касалось финансов.

Я подписал контракт с Морганом 1 марта 1901 года и устроил в честь этого банкет в ресторане при гостинице Астора. Цель банкета была сугубо практической. Я хотел

прорекламировать свой проект и участие в нем Моргана, надеясь таким образом привлечь дополнительное финансирование. Но репортеры отреагировали вяло и можно сказать, что деньги, выброшенные мною на банкет, пропали впустую. Но я был в таком возбужденно-радостном состоянии, что это меня нисколько не огорчило. Я был счастлив, оттого что приступаю к делу всей своей жизни (а именно таким делом была для меня «Мировая система»). Я надеялся, что, вложив 150 000 в мой проект, Морган даст еще, сколько будет нужно, чтобы не потерять свой первый вклад. Я почти убедил себя в том, что слова «ни центом больше» были произнесены Морганом лишь для того, чтобы сдержать мои запросы. «У него постоянно просят денег, просят как можно больше, поэтому он и вынужден вести себя таким образом», – внушал себе я. В радости своей я дошел до того (сказалось и выпитое вино), что сразу же после банкета написал Моргану восторженное письмо, за которое мне неловко и по сей день. Неловко перед самим собой, потому что человека, выкрутившего мне руки, я называл «благородным», «великодушным» и «щедрым». Щедрость и Морган или благородство и Морган – это столь же несовместимые понятия, как Тесла и распутство!

Так или иначе, но дело сдвинулось с мертвой точки. Вначале я хотел строить свою первую станцию вблизи Ниагарского водопада. Я мечтал о том, как Ниагарская электростанция будет перестроена по моему проекту и станет давать энергию в количествах, достаточных для всей Америки, а то и для всего континента или даже для всего мира. По моим расчетам на сегодняшний день мощность Ниагары используется всего на 6,5 %. Это на сегодняшний день, в 1942 году, когда потребность в электричестве сильно возросла и одна лишь Новая Англия[140] потребляет столько энергии, сколько в 1900 году потреблял весь мир. Но после всестороннего обдумывания, я решил строить башню вблизи Нью-Йорка. Так было практичнее, поскольку со временем вокруг башни должен был вырасти поселок, в котором бы жили ученые и инженеры. Проще было бы доставлять энергию от водопада, чем организовывать постоянное сообщение между Нью-Йорком и этим поселком.

На Лонг-Айленде возле железнодорожной станции Шорхэм[141] я купил участок в 200 акров[142] и назвал его «Уорденклифом»[143] в честь продавца Джеймса Уордена, владельца «Северной промышленной компании». Я ожесточенно торговался, пытаясь сбить цену, потому что денег у меня было в обрез. Когда уже Уорден не соглашался снижать цену, я сказал ему: «Уступите еще пять тысяч, и я прославлю ваше имя на века». Уорден согласился.

На участке мне удалось сэкономить, а вот на проекте башни я изрядно потратился. Задача была сложной и лучший нью-йоркский (а значит, и американский) архитектор Стэнфорд Уайт и его партнер Уильям Кроу, содрали (другого слова я подобрать не могу) с меня за проект и руководство строительством 14 000 долларов. Но зато они разработали конструкцию, при которой деревянная башня высотой в 60 метров с 55-тонным куполом-излучателем на верхушке, была абсолютно устойчивой. Настолько устойчивой, что в 1917 году ее понадобилось взрывать, чтобы снести.

Темпы, которыми шло строительство башни, были довольно быстрыми для столь сложной конструкции, но в 9 месяцев уложиться не удалось и в январе 1902 года мне пришлось просить у Моргана отсрочку. Он согласился дать мне еще 9 месяцев и увеличил сумму финансирования до 200 000. Я был так рад, что изменил свое мнение о Моргане. Да, он выкручивал мне руки, но он же и пошел на уступки. «Даже в дельцах такого уровня просыпается что-то человеческое, когда они сталкиваются с проектами, подобными моей „Мировой системе“», – думал я. Наивным я родился, наивным и умру.

Морган прекратил финансировать проект в сентябре 1902 года, когда башня была построена (в том числе и подземная часть) и установлен купол. Оставалось только смонтировать оборудование и можно было приступать к работе! Я остановился в шаге от вожделенной цели! Можете представить себе мое отчаяние и мое негодование!

На решение Моргана повлияло сразу несколько факторов. Первым было то, что Маркони в декабре 1901 года провел успешный пробный эксперимент трансатлантической связи. Иногда и ошибки идут на пользу[144]. Маркони работал один день в неделю. Остальные дни он рассказывал о своих успехах. Будучи скорее дельцом, чем изобретателем, он в первую очередь похвалялся низкой стоимостью своего передатчика. Разумеется, Морган принял это к сведению.

Второе – у Моргана были на стройке шпионы, и странно было бы, если бы их не было. Морган привык контролировать, как расходуются его деньги. Когда подземная часть была достроена и стало ясно, что она не имеет особого отношения к передаче радиосигналов (напомню, что она была нужна для передачи энергии), шпионы начали докапываться до истины и довольно скоро до нее докопались. Я не скрывал своих планов от близких помощников, а они в свою очередь не скрывали этого от других сотрудников. Охваченные энтузиазмом, мы делали Большое дело. Удивительно, как Морган не узнал об истинном назначении

башни еще в 1901 году. Конспиратор из меня никудышный, я не умею лгать и притворяться. Но шпионы Моргана были из числа технического персонала. Они не обладали способностями и знаниями, достаточными для того, чтобы понять суть моего замысла. Поэтому они сообщили Моргану, будто бы я собираюсь передавать сигналы не только по воздуху, но и через Землю. Маркони утверждал, что радиосигналы способны, практически не ослабевая, пройти от Нью-Йорка до Сиднея.

Третье – задержка строительства была воспринята Морганом как вызов. Он установил срок в девять месяцев, я пообещал уложиться в этот срок, стало быть, через девять месяцев башня должна была передать первые сигналы. Но разве я, ничего не смыслящий в строительстве и архитектуре, мог предположить, что разработка проекта займет так много времени и что по ходу строительства в проекте придется кое-что изменить. (Мой страсбургский опыт в счет не идет, потому что простое здание вокзальной электростанции нельзя сравнивать с башней).

Разговаривать с Морганом всем всегда было трудно, такой уж это был человек, но в тот раз мне удалось сделать невозможное – удалось переубедить Моргана, уговорить выплатить до конца обещанные им 150 000 долларов. Я рассказал ему, что, для того, чтобы работы не прерывались, я вложил в дело все, что имел. Это было правдой. Я продал все, что только мог продать (включая и часть купленного участка), и забрал все деньги из банка. Кроме того, я сократил часть работников и вел только самые необходимые работы. Моргана на могла тронуть моя самоотверженность, потому что его вообще ничего не трогало. Он подумал, что если я вкладываю все, что имею, значит – дело того стоит, значит, я уверен в успехе, и немного смягчился. Морган пообещал выплатить оставшуюся сумму и напомнил мне, что сверх этого я не получу ни цента. В ходе разговора он спросил меня о подземной части башни и возможности передачи сигналов через Землю. Я ответил, что электромагнитные волны способны распространяться через Землю, но в дальнейшие объяснения вдаваться не стал. Морган же удовлетворился моим ответом и не стал задавать дальнейших вопросов.

Морган сдержал свое слово. Сверх обещанного я не получил ни цента. Я взывал к его разуму и одновременно пытался раздобыть деньги где-то еще, но все мои старания были безуспешными. Взывать приходилось в письмах, поскольку встречаться со мной Морган отказывался. В июне 1903 года я был в отчаянии. Самое большое дело моей жизни рушилось у меня на глазах, и я не мог ничего сделать. Башня и лаборатория опустели[145]. Я понял, что у меня есть только один выход:

посвятить Моргана полностью в мой замысел и согласиться на все его условия, чтобы иметь возможность довести дело до конца. Пусть моя «Мировая система» окажется под властью Моргана. Морган не вечен (на тот момент ему было 66 лет, а спустя 10 лет он скончался), к тому же вряд ли ему позволят единовластно распределять энергию по всему миру. Так уговаривал я себя. В начале июля я написал Моргану письмо, в котором посвятил его во вторую часть моего плана[146]. Я был вынужден это сделать. Я почувствовал облегчение, признавшись в своем вынужденном обмане, и я надеялся, что «Мировая система» заинтересует Моргана. Но я ошибся. Морган ответил, что не склонен предоставлять мне дальнейших ссуд. Я еще не раз писал ему письма (я писал их в минуты наивысшего отчаяния, а после стыдился этого), но результат был тот же самый.

«Вам повезло, что у вас нечего отбирать, а то Морган непременно бы сделал это», – сказал мне Астор. По мнению Астора, у меня нечего было отбирать, но на деле Морган отобрал у меня самое дорогое – мою «Мировую систему».

Я сконцентрировал свои силы на разработке турбинных двигателей, мощных и небольших по размерам. Двигатели, в случае успеха, могли принести такой доход, которого мне могло хватить на завершение проекта «Мировой системы».

Не стану описывать подробно, какие усилия я предпринимал для того, чтобы довести свой проект до конца, но все было безуспешно, поскольку репутация моя сильно пострадала (Морган приложил к тому руку), и все мои разъяснения не могли перевесить того обстоятельства, что сам Морган счел мой проект бесперспективным. Но в 1912 году у меня появилась надежда. Некоторое время мои разработки турбинных двигателей[147] финансировали Хэммонды, отец и сын. Точнее говоря, сын[148], очень талантливый молодой человек, заинтересовался моими изобретениями, а отец давал деньги. Я не раз рассказывал Хэммонду-младшему о «Мировой системе». Он интересовался ею и соглашался со мной в том, что этот проект имеет большое будущее. Несколько раз он пытался уговорить отца профинансировать проект, но Хэммонд-старший колебался. Можете представить мою радость, когда весной 1912 года Хэммонд-младший сказал мне, что его отец готов профинансировать проект, только прежде он хочет встретиться с Морганом. Это было разумно, потому что Морган формально оставался в деле. Встреча состоялась, но чем она закончилась, я не знаю. Могу предположить, что Морган или отговорил Хэммонда-старшего от участия в моем проекте, или надавил на него, чтобы тот отказался. После встречи оба Хэммонда резко

оборвали общение со мной. Согласно договоренности между нами, они должны были дать мне на работы по созданию турбинных двигателей 28 000 долларов, но до того момента, как наше общение прервалось, я получил только 18 000. На звонки отвечали посторонние люди, на письма не отвечали вообще, за исключением одного случая, когда мне написал брат Джона-младшего Харрис. Он упрекнул меня в задержке создания турбины! Хорошее дело! Мне не дают денег на завершение работ и меня же упрекают в том, что работы не завершены! Если бы я не знал от Джона-младшего, что его брат Харрис – трезвенник, то я бы решил, что он писал письмо мне, будучи пьяным. Когда бы я ни явился в контору Хэммонда-старшего, я всегда слышал одно: «Босса нет и сына тоже нет». Унижаться до того, чтобы подстерегать их у входа в контору, мне не хотелось. Я истолковал происходящее как прекращение нашего сотрудничества. Виновником этого я считаю Моргана. Хэммонд-старший колебался несколько лет, прежде чем решиться финансировать мой проект. Решения, принимаемые столь не сразу, обычно бывают твердыми. Кто, кроме Моргана, мог его отговорить? Морган не хотел участвовать в моем проекте, но и не хотел допускать к нему других дельцов.

Морган умер в апреле 1913 года. После его смерти я предпринял последнюю (и тоже безуспешную) попытку найти финансирование для «Мировой системы». Остается надеяться только на то, что мой замысел будет реализован следующими поколениями.

Турбины. Переговоры с адмиралом фон Тирпицем [149]. Морган-младший [150]

Моя первая силовая установка, которую я подарил самому себе на 50-летие, опробовав ее 10 июля 1906 года, весила 30 фунтов и развивала мощность в 30 лошадиных сил. Три лошадиные силы на фунт веса были очень хорошим показателем для того времени, но я стремился довести это соотношение до 20/1. Мои турбины были безлопастными. Из-за отсутствия лопастей я надеялся свести к минимуму потери энергии. К сожалению, мне так и не удалось довести эти работы до конца, то есть создать образец, который пошел бы в производство. Причин тому было несколько: недостаточное финансирование, отсутствие прочных сплавов, предвзятость наших дельцов, для которых привычное и малоэффективное дороже непривычного и высокоэффективного. Но те, кто умел видеть перспективу, очень скоро заинтересовались моими турбинами[151].

В июле 1913 года ко мне явился посетитель, назвавшийся майором Шейдеманом. Он сказал, что прибыл из Берлина с поручением от военно-морского министра адмирала фон Тирпица. Со дня пожара в моей лаборатории прошло 12 лет, но эти годы не изменили моего отношения к немцам. В Соединенных Штатах я знаю многих достойных людей с немецкими корнями, но, во-первых, они американцы, а во-вторых, моя неприязнь к немцам, как к народу, старающемуся подняться за счет унижения других народов, не распространяется на отдельных людей. Я с удовольствием общался с немецкими учеными, но не желал иметь ничего общего с посланцем военно-морского министра. Так я и заявил Шейдеману.

Должен отметить, что Шейдеман (не уверен, что то была настоящая его фамилия) сильно отличался от тех, кто приходил ко мне раньше. В нем сразу чувствовался аристократ, и держался он безукоризненно. В ответ на мою резкую тираду, он вежливо улыбнулся и спросил, когда мне будет угодно выслушать его предложение. В его поведении не было наглости и нахрапистости. Это мне понравилось. Я высоко ценю вежливость и не выношу, когда на меня пытаются давить. «Вы можете огласить ваше предложение, но знайте, что я его отклоню», – сказал я. Передо мною был исполнитель чужой воли, которому дали определенное поручение. «Чем скорее я выслушаю его, тем скорее от него

избавлюсь», – подумал я. «Кайзер и адмирал знали, что вы так скажете, – ответил Шейдеман. – Поэтому кайзер назначил особую плату за ваше сотрудничество. В Берлине знают, как вы к нам относитесь, и понимают, что деньги вас не прельстят. Но что вы скажете о Воеводине?»[152] О Воеводине? Я не понял, о чем идет речь, и это непонимание отразилось на моем лице. «Вы позволите мне продолжить?» – осведомился Шейдеман. Я позволил. Шейдеман сказал, что Германия заинтересована в сотрудничестве со мной и что в первую очередь это сотрудничество касается разработки двигателей для военного флота. В своей короткой речи он произнес слова «мы понимаем, что у вас есть причины для неприязни», что было равносильно признанию вины. Какая причина могла быть у меня, кроме сгоревшей лаборатории? Помимо полагающихся мне выплат за сотрудничество по оснащению моими двигателями военных кораблей империи, мне предлагалась независимость сербской Воеводины от Австро-Венгрии. «У кайзера есть такая возможность, – сказал Шейдеман, когда я переспросил, правильно ли я его понял. – Германия готова повлиять на решение этого вопроса в обмен на ваше сотрудничество. Сейчас на Балканах идет вторая война[153]. Воеводина превратилась в пороховую бочку, которая приносит Францу-Иосифу больше беспокойства, чем выгоды. Момент весьма удобный. Вы согласитесь обменять ваши знания на свободу ваших соотечественников?»

Воеводина! Сербский край, находящийся под австрийским гнетом! Мне ли, сербу из Лики[154], не знать, как страдали сербы в империи? Ради счастья моих соотечественников я был готов сотрудничать не только с немцами, но и с самим Сатаной! (В то время я еще считал себя атеистом). Но меня столько раз обманывали, что я захотел получить гарантии. «Гарантия одна – слово кайзера, которое передал мне адмирал фон Тирпиц», – ответил Шейдеман с таким видом, будто я его оскорбил. Признаюсь, что меня ошеломило подобное предложение. Я не знал – верить или не верить. Имеет ли кайзер столь сильное внимание на императора? Стоит ли мой ум таких дипломатических усилий? (Желающие узнать о технической стороне вопроса больше, могут обратиться к моей статье «Электрический привод для боевых судов», опубликованной в «New York Herald» 25 февраля 1917 года.) Но мне ли, изобретателю, не знать, что самое невероятное очень часто оказывается вероятным! В моем представлении свобода сербской Воеводины стоила того, чтобы сделать исключение из собственного правила. К тому же в то время началась Вторая Балканская война и можно было надеяться на то, что границы

будут перекроены.

В 1913 году мне было 57 лет. Солидный возраст. Будь я обычным человеком, то был бы главой большого семейства, у меня были бы дети и внуки. В 57 лет полагается быть мудрым, поэтому я вспомнил о том, сколько раз в жизни был обманут, и ответил Шейдеману следующее: «Мы можем обсудить условия и сроки, но полноценное сотрудничество между нами станет возможным лишь тогда, когда я увижу результат, то есть когда в Вене будет объявлено о дальнейшей судьбе Воеводины. Я практик, и слова, даже слово кайзера, значат для меня меньше, чем дела». Я подумал, что если меня хотят обмануть, то сейчас Шейдеман оскорбится, но он согласился со мной – да, дело важнее слов.

Начавшиеся переговоры, которые я вел через Шейдемана, затянулись надолго. Вторая Балканская война закончилась, карта Балкан была перекроена, а Воеводина как была, так и оставалась в империи. Меня дважды пытались пригласить в Берлин, чтобы ускорить переговоры (или с более худшими намерениями), но я отказывался, потому что не хотел тратить время на плавание, поскольку понимал, что в поездке нет необходимости (в Берлине я не сказал бы больше того, что говорил Шейдеману в Нью-Йорке), и опасался за свою жизнь. Примечательно, что второе приглашение от немцев последовало вскоре после загадочной гибели Рудольфа Дизеля[155].

Говоря о риске для жизни, я нисколько не преувеличиваю. Гибель Дизеля – далеко не единственный пример. Немцы легко идут на крайние меры, если эти меры кажутся им полезными. В 1889 году через своих земляков я заочно познакомился с русским ученым Михаилом Филипповым[156]. Это был одаренный ученый, талант которого проявлял себя в разных областях науки, в том числе и в физике. Кроме того, Филиппов издавал весьма интересный научный журнал. Он иногда присылал мне те номера, в которых были статьи, могущие меня заинтересовать. Именно Филиппов пригласил меня прочесть лекции в Петербурге, до которого я так и не добрался в 1892 году. Он тогда жил в Гейдельберге, но поддерживал тесные связи с русской столицей. Филиппов долгое время занимался электромагнитными волнами и вопросами передачи энергии на расстояние. Он довольно сдержанно делился результатами своих исследований. Не потому, что не доверял мне, нет, а потому, что был очень скромным человеком, привыкшим перепроверять результаты по многу раз, прежде чем их обнародовать. У русских есть хорошая пословица: «Семь раз отмерь – один раз отрежь». По такому принципу жил Филиппов. Он был настоящим ученым, думал не о собственной

выгоде, а о благе всего человечества. Наши с ним взгляды совпадали. В ноябре 1902 года он написал мне, что скоро войнам придет конец, потому что он завершает исследования по электрической передаче на расстояние взрывной волны. Это была весьма оригинальная идея, в которой электромагнитный сигнал становился проводником для взрывной волны. Можно было устроить взрыв в Скалистых горах и направить его энергию на статую Свободы. В месте взрыва ни с одного дерева не упало бы ни одного листа, а статуя рассыпалась бы в пыль. Такая технология в самом деле превращала войны в гибельное самоуничтожительное занятие. По словам Филиппова, его способ был прост и дешев. В апреле 1903 года Филиппов написал, что в сентябре опубликует свое открытие. Он собирался отдать его всему миру сразу, а не какой-то одной стране. Я с нетерпением ждал публикации, но в июне того же года Филиппов скончался. Позже я узнал от наших общих знакомых, что он был убит агентами германской разведки, потому что отказался продать им свое изобретение. Вот уже почти сорок лет я периодически возвращаюсь к идее моего русского коллеги и пытаюсь понять, как ему удалось сконцентрировать энергию взрыва, для того чтобы направить ее по электромагнитной волне? Направить по электромагнитному проводнику – не проблема. Но как собрать, причем без потерь, всю энергию? Причем способ этот был простым и дешевым. Вряд ли речь шла об ограничении места взрыва при помощи сильных электромагнитных полей. Если мне не удастся решить эту загадку до своей кончины, я оставляю ее потомкам, для чего вклеиваю в тетрадь письмо Филиппова от 14 апреля 1903 года с рассказом о его изобретении[157].

Но вернемся к Шейдеману. Переговоры затянулись надолго. Шейдеман хотел получить как можно больше документации по турбинам и в несколько завуалированной форме пытался давать мне задания, рассказывая о том, турбины какого размера и какой мощности хотят получить строители германских военных кораблей (главным образом – подводных лодок). Я был готов сотрудничать, раз уж подрядился, но мне нужно было увидеть, что германская сторона выполняет свои обязательства. Моя пресловутая наивность не настолько велика, как иногда пишут в газетах. Но на мои вопросы о том, когда мы услышим новости из Воеводины, Шейдеман отвечал одно и то же: «Это дело долгое». Я понял, что меня обманывают, что от меня хотят получить все, не давая взамен ничего, и, разумеется, отказался сотрудничать. Шейдеман уплыл в Европу. Я ждал каких-то неприятных последствий. После пожара я взял за правило хранить наиболее важную документацию в банковском сейфе и страховать свои

лаборатории. Но последствий не было. Спустя полтора месяц после нашего последнего разговора с Шейдеманом началась мировая война. Немцам стало не до меня, и до 1934 года они не напоминали мне о себе.

Впоследствии я не раз упрекал себя за то, что согласился сотрудничать с немцами и даже передал им кое-какие (малозначительные, сугубо общего плана) чертежи, но, с другой стороны, если бы я отказался, то тоже мог бы укорять себя за то, что не воспользовался возможностью принести благо моим соотечественникам. В наши дни Воеводина снова страдает под игом, но я уверен, что это будет длиться недолго[158]. Можно только восхищаться тем, как тонко подбирают немцы ключи к людям. Психологи они превосходные, в этом им не откажешь. Им удалось найти практически единственную причину, которая могла толкнуть меня на сотрудничество с ними. И как своевременно они ее нашли – в разгар Балканских войн, когда все Балканы были похожи на перегревшийся паровой котел. В 1910 году я бы ни за что не поверил бы в возможность отделения Воеводины, а в 1913 это вполне можно было бы допустить.

Про немцев все. Теперь о Моргане-младшем.

Годы безуспешных поисков финансирования для «Мировой системы» сделали меня дипломатом. Я привык рассматривать каждое обстоятельство с точки зрения выгоды. Может, это и не очень хорошо, но в наше время научные и изобретательские работы требуют больших денежных вложений. Мои переговоры с немцами оказали впечатление на Моргана-младшего и он дал мне средства на дальнейшую разработку турбинного двигателя. То был последний акт благодеяния с его стороны. Больше я от него денег не получал. Работы по созданию высокоэффективного и небольшого по размерам безлопастного турбинного двигателя были остановлены примерно на той же стадии, что и создание «Мировой системы» – за шаг до цели. Промышленники были настроены выпускать лопастные двигатели и скептически относились к моим работам. Если же кто-то и давал деньги (как, например, Морган-младший), то требовал скорого результата. На скорый результат был нацелен Эдисон. Я же работал над экспериментальными образцами до тех пор, пока не мог сказать себе: «Больше я ничего не могу улучшить».

В очередной раз я выступал один против всего мира. Парадокс – германский кайзер и его военно-морской министр оценили мои турбины по достоинству, а в Соединенных Штатах их только критиковали, начиная с первого же испытания, которое прошло во владениях Эдисона – на Уотерсайдской станции, принадлежавшей его компании. В Нью-Йорке мне больше негде

было испытывать мои турбины. Устраивать демонстрацию где-то еще, то есть в другом городе, не было смысла. Настоящей столицей Соединенных Штатов всегда был Нью-Йорк. Я заплатил Эдисону за возможность произвести демонстрацию и считал, что на время подготовки к ней и самой демонстрации в нашей вражде наступит перемирие. Американцы говорят, что там, где бизнес, там нет места эмоциям. Но зря я надеялся. Во время подготовки к демонстрации я столкнулся с откровенным саботажем, напомнившем мне времена моей работы в Питсбурге. На демонстрацию Эдисон прислал «клакеров», которые начали всячески хаять мои турбины и утверждать, что мне не удалось достичь заявленной мощности в 200 лошадиных сил. В результате то же самое напечатали газеты. В одних газетах меня называли «фантазером», в других – «аферистом», в третьих – и так и так.

Вестингауз в ответ на мое предложение производить безлопастные турбины озвучил мнение всех американских промышленников. «Какой смысл ломать устоявшееся? – сказал мне он. – Лопастные турбины хорошо зарекомендовали себя и заняли свое место на рынке. Возможно, ваши турбины в чем-то лучше, но не настолько, чтобы ради них производить переворот».

Ценой огромных усилий мне удалось продать компании «Эллис Чалмерс» из Висконсина три турбины – две паровые и одну газовую. Огромные усилия понадобились не для того, чтобы уговорить владельцев компании, а для того, чтобы преодолеть сопротивление работавших в компании инженеров. Инженерам, привыкшим к лопастным турбинам, не хотелось заниматься изучением турбин другого типа. Кроме того, они опасались, что я пришлю для обслуживания турбин своих сотрудников и, таким образом, часть инженеров компании лишится работы. Две паровые турбины прошли испытания в «Эллис-Чалмерс», однако их не обслуживали должным образом, в результате чего они работали не в полную мощь и их детали быстро изнашивались. Инженеры составили отчет о недостатках моих турбин, который стал для меня сильным ударом. Испытания газовой турбины были нагло просаботированы по причине отсутствия полной технической документации. На самом же деле я отправил всю документацию в Висконсин, и она была там получена инженером Гансом Дальстрендом. В почтовом журнале я своими глазами видел его подпись. И тот же самый Дальстренд обвинил меня в непредоставлении документации! Когда же я предъявил журнал управляющему компании Чарльзу Эллису, Дальстренд обвинил меня в том, что я подделал его подпись! Эллис принял сторону Дальстренда и на том мое сотрудничество с компанией «Эллис-Чалмерс» было закончено. Мне пришлось даже выплатить им

штраф.

Большие надежды я возлагал на сотрудничество с Генри Фордом[159]. Я предпочитаю сотрудничать с изобретателями, людьми с живым и острым умом, способными понимать суть моих идей. Форд собирался устанавливать мои турбины на автомобили[160]. Я несколько раз побывал на его заводе в Хайленд-парке[161], общался с ним самим и его инженерами. Форда привлекали малые размеры и высокая мощность моих двигателей. Я создал экспериментальный образец, который полностью устроил Форда с инженерной точки зрения, но не устроил экономически, поскольку был дорог в производстве. Массовое производство существенно снизило бы себестоимость, но Форд не рискнул перевести разом все свои автомобили на мои турбины. Он хотел оценить их работу в течение одного-двух годов и для начала собирался произвести не более ста турбин. Форд просил меня проработать возможность удешевления моих турбин, но я ответил, что пока металлурги не создадут сплавы повышенной прочности, об этом не может быть и речи. Я уважаю принципы Форда, который смолоду работает над тем, чтобы сделать автомобиль общедоступным средством передвижения. Когда Форд говорит о цене, он прежде всего имеет в виду не прибыль, а доступность своей продукции для покупателей.

У проницательных читателей моих записок неизбежно возникнет вопрос – почему моими разработками не заинтересовалось Военное министерство Соединенных Штатов? Неужели я не предлагал армии свои турбины?

Предлагал и не раз. Но при президенте Тафте[162] в Военном министерстве укоренились порядки, которые Тафт завел еще будучи министром при попустительстве Теодора Рузвельта. В своих действиях сотрудники министерства руководствовались не столько государственной, сколько личной выгодой. Для того чтобы возбудить интерес к своим изобретениям, нужно было дать солидную взятку лицу, от которого зависело принятие решения. Такое же положение сохранялось и при президенте Вильсоне[163]. Мне же, как порядочному человеку, претит подобный способ вести дела. Взяток я никому давать не собирался как по этическим, так и по финансовым соображениям. Лишних денег у меня никогда не было, потому что все «лишнее» я вкладывал в свои эксперименты.

В 1915 году я «законсервировал» работу по созданию и совершенствованию турбинных двигателей. Я надеялся вернуться к ней в будущем, но, наверное, уже не вернусь. Хватило бы времени закончить то, над чем я сейчас работаю.

10 апреля 1942 года. Мой новый манифест

Я забросил свои записи более чем на месяц, поскольку в моей жизни произошли события, о которых я непременно должен рассказать, прежде чем продолжу начатое дело. Я стар, и дни мои близятся к концу. Если отложить рассказ, дабы не нарушать хронологию моего повествования (которую я уже не раз нарушал), то можно не успеть. Очень тяжело жить с сознанием того, что можно чего-то не успеть, но что поделать? Приходится с этим мириться.

В течение шести лет я был научным руководителем проекта по изучению влияния сильных электромагнитных полей на пространство. Целью проекта было решение проблемы безопасного перемещения людей и предметов на большие расстояния при действии электромагнитных полей. Проект основывался на моих собственных разработках. Общее руководство проектом осуществлял мой давний знакомый Вэн. Мы добились больших успехов, в подробности которых я не стану вдаваться, поскольку не имею на то права. Но могу сказать то, что уже говорил – проблема была решена в общих чертах. Мы добились желаемого, смогли перемещать предметы разных размеров (можно сказать, что возможно перемещение любого предмета, вне зависимости от размера). Я с самого начала предупредил Вэна о том, что к экспериментам с участием людей я перейду только тогда, когда буду полностью уверен в их безопасности. Меня торопили. То мне предлагали использовать добровольцев из числа военнослужащих, то приговоренных к смертной казни преступников, но я был непреклонным. Мои нравственные принципы незыблемы. Опасные эксперименты я могу производить только на самом себе.

Одно время Вэн стал чересчур настойчивым. Мы уже провели опыты на мышах, кроликах и собаках. Мыши гибли сразу, кролики жили несколько минут после возвращения, а одна из собак прожила два часа пятнадцать минут. «После собак должны быть люди, – твердил мне Вэн. – Мы не сможем обезопасить людей, пока не узнаем, что с ними происходит». Я объяснял ему, что с людьми будет происходить то же самое, что и со всем прочими живыми существами и, кроме того, обращал его внимание на ряд опасностей чисто технического характера. Например на то, что живое существо может «вплавиться» в конструкцию, в которой оно находится. Мы добились

результата, но не вникли до конца в суть происходящих изменений, поэтому не может быть и речи об экспериментах с участием людей! Таким было и остается мое мнение.

Я знал о том, что кроме той группы, которую возглавляю я, существуют и другие, но не возражал против этого, поскольку понимал, что две или три группы ученых, работая над одной и той же проблемой, решат ее скорее. Обмен информацией при свободе (относительной свободе) действий дает хороший результат. Но вдруг я узнал о том, что одна из групп, научным руководителем которой является сам Вэн, тайно от меня начала эксперименты с участием людей. Я живу в Соединенных Штатах почти 58 лет и знаком с большинством американских ученых, которые занимаются электротехникой. Поэтому для меня не составило труда узнать подробности. Четверо из семи человек, участвовавших в экспериментах, погибли. Трое получили расстройства психики, причем у одного из этих троих появились частые эпилептические припадки. Когда я потребовал объяснений от Вэна, он сказал, что ничего особенного не произошло – на войне ежедневно гибнут тысячи, а участники экспериментов были добровольцами, которых предупредили об опасности. Но они все же решились участвовать в экспериментах, потому что были патриотами и хотели помочь своей стране. «Что вам дали эти эксперименты? – спросил я. – Четыре трупа и троих инвалидов? Чего вы добились?» – «Пока ничего, – ответил Вэн. – Но добьемся». То есть он дал понять, что не собирается отказываться от экспериментов с участием людей.

Меня крайне возмутил сам факт обмана со стороны человека, которому я доверял. Я сказал Вэну, что при таком положении дел я не считаю возможным свое дальнейшее участие в проекте. Я не люблю бросать начатое, не доделав, но еще больше не люблю, когда меня обманывают те, кому я доверял. Я не хочу испытывать чувство вины пред теми, кто пострадает от необдуманных экспериментов и перед их близкими. Пройдет время и люди скажут: «Мой брат (или сын) погиб при эксперименте, которым руководил Никола Тесла». Нужна ли мне такая слава, особенно с учетом того, что я ее не заслужил? Не нужна!

Я сложил с себя полномочия, передал все свои записи, касающиеся проекта, Вэну и сказал, что больше не хочу его видеть. Несколько дней я жил с мыслью о том, что мне пора уйти на покой и неторопливо дописывать свои воспоминания. Я написал обращение к братьям-славянам[164] и хотел приняться за записи, но понял, что мой ум, привыкший к постоянной работе, нуждается в ней, как организм пьяницы нуждается в вине. Я выбрал одну из проблем, сильно занимавших меня в прошлом, и

буду работать над ней в надежде принести пользу своей родине и всему человечеству до того, как мне придется покинуть этот мир[165]. А в минуты отдыха буду продолжать свои записи. Мне хочется покинуть этот мир закончив все, что я планирую закончить. Надеюсь, что так оно и будет.

Прошу потомков помнить о том, что Никола Тесла не имеет отношения ни к одной человеческой жертве и, вообще, ни к одному пострадавшему во время каких-либо экспериментов. Это мой новый манифест[166].

Я хорошо понимаю, что Вэн и все остальные не восприняли мой отказ всерьез. Они знают, насколько я одержим работой и как я не люблю бросать начатое дело. Да, так оно и есть – если я бросаю дело, не доведя его до конца (как это было, например, с «Мировой системой»), то заболеваю в прямом смысле слова. Мне и сейчас нехорошо, но я не изменю своего решения. Насколько бы я ни был одержим и насколько бы мне ни хотелось увидеть результат своей многолетней работы, у меня есть принципы, которым я никогда не изменю.

Dixi[167].

23 мая 1942 года

Вчера мое затворничество нарушил коллега Джон[168]. Редкий гость, чье появление не раздражает меня. Я подумал, что ему снова понадобилась моя консультация по поводу очередного генератора рентгеновских лучей, но оказалось, что Джона интересуют озоновые генераторы. Я уже и думать забыл о том, что когда-то эти мои аппараты продавались по всем Соединенным Штатам[169]. Думаю, что они и сейчас продаются, только я к ним отношения не имею. Озон в последнее время интересует меня, но это не связано с генераторами.

Джон намерен создать очень мощный озоновый генератор для медицинских целей. Мне было приятно видеть, что сейчас, когда все (и я в том числе) думают только о войне и новых видах оружия, кто-то собирается сделать что-то полезное для человечества[170]. Джон ничего не рассказывал о покинутом мною проекте (что неудивительно – ему запретили делать это), а я ничего об этом не спрашивал (вот это удивительно, потому что меня разбирало любопытство). Ничего страшного. Я потерплю. Я хорошо знаю Вэна и не сомневаюсь в том, что при достижении успешного результата он непременно похвастается мне. Если Вэн молчит, значит, пока ему нечем хвастаться. У меня было время обдумать свой уход из проекта в спокойном состоянии, но решения своего я не изменил. Много думаю о том, как сделать участие людей в экспериментах с перемещением безопасным. Возможно, у меня получится решить эту задачу логическим путем. Я много задач решил при помощи своего ума. Или вдруг на меня найдет озарение. У меня есть одна идея, подсказанная мне великим Фарадеем, но она нуждается во всестороннем обдумывании. Не сочтите меня сумасшедшим стариком, который разговаривает с призраками. Я имел в виду то, что идея пришла ко мне в голову в тот момент, когда я кормил голубей и думал о изящной простоте опытов Фарадея[171]. Призраки ко мне не приходят, а жаль. Так хотелось бы поговорить с Фарадеем или же с Максвеллом. Максвелл умер в 45 лет[172]. Можно только представить, сколько гениальных идей его остались нереализованными! Мне 86, но я не уверен, что успею хотя бы обдумать до конца все, что меня интересует. Что же сказать о Максвелле, умершем в расцвете лет! Немного завидую Фарадею, хотя зависть мне совершенно не свойственна. Умереть за письменным столом во время работы – вот наиболее достойная смерть для ученого! Но хотелось бы знать о том, чего он не успел сделать.

Пользуясь тем, что сейчас у меня есть время, и понимая, что в целом у меня его осталось мало, я начал наводить порядок в своем архиве. Он и без того содержался в порядке, но кое-что нужно дополнить комментариями и отделить важное от второстепенного, чтобы тем, кто станет изучать мои бумаги, было бы легче работать. Пусть главной трудностью их станет разбор моего почерка. Почерк, к сожалению, становится все хуже и хуже, но я стараюсь писать разборчиво. Сейчас бы мне была бы кстати помощь толкового ассистента, но такого невозможно найти. Это должен быть человек, хорошо разбирающийся в физике, а у таких людей найдутся более важные дела, чем помогать мне разбирать бумаги. Кроме того, это должен быть человек, которому я могу полностью доверять. Это очень важно, поскольку к моему архиву уже не раз проявлялся нежелательный интерес. Меня спасла привычка копировать самое важное и хранить архив в разных местах частями. Ко мне приставлены охранники, которых я стараюсь не замечать, но я не могу поручиться, что в мое отсутствие кто-то из них не роется в моих бумагах. Наивные люди! Если бы мне дали помощников и отнеслись бы к моему архиву с должным уважением, я был бы счастлив передать его еще при жизни тем, к кому он попадет после моей смерти. Но странное дело – когда я завожу разговор о чем-то важном, от меня отмахиваются словно от назойливой мухи. «В наше время это не представляет интереса, мистер Тесла!» «Это неверная теория, мистер Тесла!». «Это неосуществимо, мистер Тесла!» От меня отмахиваются, но в то же время проявляют тайный интерес к моим записям. Как можно объяснить такой парадокс? Или меня подозревают в обмане? Но какой смысл мне, тем более стоящему на пороге смерти, скрывать свои идеи? Это же означает унести их с собой в могилу, а я этого совсем не хочу. Вся жизнь моя была подтверждением того, что я работаю не для себя, а для людей, на благо всего человечества. Будь оно иначе, я и поступал бы иначе, и жил бы сейчас в огромном собственном особняке, окруженный толпой слуг, а не в отеле, где за меня временами приходится платить моему племяннику. Недоверие угнетает меня, потому что я по своей натуре человек искренний и прямодушный. Получается так, будто меня одновременно считают и ученым, который способен сделать нечто стоящее, и прожектером-утопистом. Во время вчерашней беседы с Джоном это двойственное отношение тоже проявилось.

С озона разговор перешел к эфиру. Я повторил то, что говорю обычно – эксперимент Майкельсона и Морли[173] был ошибочным, так же как и все «доказательства» Эйнштейна. У Джона это вызвало улыбку. Я начал горячиться и сказал ему, что

если бы физики не пошли бы на поводу у Эйнштейна и если бы мне в свое время дали бы денег на проект, о котором Джон знает, то нынешняя война закончилась бы в сентябре 1939 года, на следующий день после того, как немцы вторглись в Польшу. Ультиматум, 24 часа на размышление и в случае неприятия немецкая армия была бы обезглавлена несколькими направленными ударами. Я уверен, что хватило бы и одного-единственного удара – по центру Берлина, где сосредоточены все административные учреждения Гитлера. Война, которая длится уже третий год (и, по мнению сведущих людей, будет длиться еще столько же, если Соединенные Штаты и Британия не начнут в этом году теснить немцев с запада), закончилась бы за сутки! Скольких жертв можно было бы избежать! В ответ на мой упрек Джон сказал, что в мечтах все войны заканчиваются быстро, а на деле все совсем не так. Я вспылил и (уже не в первый раз) дал ему свои расчеты по отраженным волнам[174] и попросил найти в них хотя бы одну ошибку. «Вас не впечатляют данные по экспериментам, которые я проводил на модели, так давайте же построим полноценную установку», – предложил я. Такая установка обойдется правительству в цену одного «Дракона»[175]. Один самолет против возможности покончить с Гитлером и микадо за один час – двумя ударами! Во время недавних экспериментов Вэн превратил в груду металла два «Дракона» и четыре «Балтимора»[176]. Неужели эксперименты по перемещениям в пространстве важнее военным, чем эксперименты по поражению врага в любой точке земного шара при помощи волн? Причем – с весьма незначительными затратами энергии. Это же невероятно выгодно! Как говорят американцы: «Сотня прибыли на вложенный цент». Вдобавок, без людских жертв и потерь в технике! Но один проект получил одобрение и неограниченное финансирование, а от другого постоянно отмахиваются. Парадокс? С точки зрения логики – да, парадокс. Но вот с точки зрения бизнеса никакого парадокса нет. Объясню почему.

Первое. Еще во время работы у Эдисона я обратил внимание на его стремление доводить до конца любые проекты и делать это как можно быстрее. Даже если в ходе работы над созданием какого-либо устройства выяснялось, что в таком виде оно никуда не годится и лучше пойти другим путем (с большей затратой времени), Эдисон требовал дать ему результат как можно скорее. А затем полученное устройство многократно усовершенствовалось. То есть, вместо того чтобы сделать работу один раз как следует, ее делали как придется, лишь бы скорее, а потом переделывали несколько раз. При этом тратилось больше

времени, усилий и денег. Казалось бы, Эдисон поступал нелогично. Я так и думал, до тех пор, пока мне не объяснили, в чем дело. 90 % работ Эдисона финансировалось со стороны. Заказчики большей частью ничего не понимали в электротехнике. Они знали, что это выгодное вложение и больше ничего знать не желали. Они не могли понять тонкостей, им нужен был только результат. Чем скорее будет результат, тем прочнее деловая репутация Эдисона и всей его компании. Деловая, подчеркиваю, а не личностная. Здесь, в Соединенных Штатах, деловая репутация важнее всего. Если сам Морган-старший отказался от финансирования моей «Мировой системы», то, стало быть, все мои теории и эксперименты, касающиеся передачи энергии без проводов и т. п., не стоят и выеденного яйца! Морган в тысячи раз богаче Теслы, значит, он во всем разбирается лучше Теслы, в том числе и в физике. Чушь! Но этой чушью руководствуются люди в правительстве, которые принимают важнейшие решения. Отказ Моргана сформировал отношение к моему проекту на многие годы вперед. И как я не старался, изменить этого отношения я не смог. Джон из вежливости полистал бумаги, которые я ему дал, но по лицу его было видно, что он сейчас думает о Моргане и неудаче с «Мировой системой». Тот же принцип, стало быть – все это глупости, не заслуживающие доверия. Я вспомнил фокус, который однажды показал мне профессор Холл. Он загипнотизировал меня, внушив, что вода в стакане горячая, хотя на самом деле она была холодной. Я взялся за стакан и тут же отдернул руку – так было горячо. Вот таким же образом Морган загипнотизировал американцев, внушил им, что идеи Теслы не заслуживают внимания. Кроме непонимания сути моего изобретения, у Моргана был еще один веский мотив для того, чтобы действовать против меня. Он (как и все остальные магнаты тоже) испугался, что обеспечение человечества легкодоступной и недорогой энергией снизит его доходы. Напрасно я пытался объяснить ему и другим, что мое изобретение откроет перед ними новые перспективы. Мой любимый пример – железная дорога. Да, появление железных дорог разорило дилижансные конторы, но ведь железнодорожные акции приносят гораздо большую прибыль! Странно, что финансисты не понимают очевидного – чем цепляться за отмирающее дело, нужно поскорее вложиться в новое. Смотреть надо вперед, а не назад. Я очень много думаю о «Мировой системе», вспоминаю башню, вспоминаю, с каким энтузиазмом я принялся за это дело и т. д. Понимаю, что эти воспоминания только травят мне душу и отвлекают от дела, но ничего не могу с собой поделать.

Второе. Я прекрасно понимаю, что многие чины из военного

руководства получают отчисления от военной промышленности. Им выгоднее, чтобы производилось как можно больше оружия, обмундирования и т. д. Им выгоднее, чтобы война длилась как можно дольше. Моя установка лишит их прибылей. К сожалению, для большинства людей личная выгода важнее патриотизма.

Есть и третье обстоятельство. Непонятное не есть невозможное. Многое из того, что я предлагал, поначалу казалось невозможным. Эдисон утверждал, что переменный ток не имеет перспектив, а Вестингауз поставил сто долларов против одного на то, что я не смогу создать силовую установку, которая свободно уместится в обычной шляпе. Видимо, и в Советском Союзе к моим идеям относятся недоверчиво. Вот уже двадцать лет, как я время от времени делюсь с советскими учеными своими идеями. Началось все еще с Общества технической помощи Советской России, которого давно уже нет. Меня благодарили за мои предложения, заверяли, что они будут детально изучены и в свое время я получу ответ, но пока что ничего конкретного мне не ответили. Возможно, дело и не в недоверии, а в том, что Советскому Союзу приходится постоянно преодолевать различные трудности, главной из которых стала нынешняя война, и до моих проектов просто не доходят руки. Возможно, я сильно задел высшее руководство страны тем, что в свое время выразил сомнение по поводу ленинского плана электрификации[177]. Тогда действительно казалось невозможным, что в разрушенной войнами стране за 10 лет будут построены 30 мощных гидроэлектростанций. Позже я признал, что ошибался и просил Сквирского[178] передать лично Сталину мое письмо с извинениями. Он взял письмо и уверил меня, что все в порядке. «План был настолько фантастическим, что даже Герберт Уэллс[179] в него не поверил», – пошутил Сквирский. Мне до сих пор стыдно за это свое недоверие. Всякий раз, когда кто-то проявляет недоверие по поводу моих идей, я вспоминаю о ленинском плане электрификации.

Оружие, о котором я сейчас пишу, – это высший итог (высший итог) моих разработок, начатых более четверти века назад. Идея у меня была простая и по сути дела она была не моей лично – войны на земном шаре можно прекратить лишь в том случае, если у всех государств будет надежное оружие невероятной мощи, превращающее войну из состязания в заведомое самоубийство. Промежуточным итогом была пушка, которая могла стрелять сверхмощным электрическим зарядом. Сложнее всего было добиться скорости частиц, практически равной скорости света. Мне удалось это сделать. Не на деле, а на бумаге, но я всесторонне проверил правильность моей идеи и точность

расчетов. Однако старая пушка была не столь эффективной. Радиус ее действия был относительно небольшим, а энергии она требовала очень много[180]. В нынешнем же виде энергии нужно гораздо меньше, а радиусом действия стал весь земной шар. Не хочу повторять здесь то, что я пишу в рабочих тетрадях, потому что эти записи веду для фиксации событий, помыслов и чувств, а не в научных целях. Но я оставлю будущим поколениям то, что не было понято моими современниками – мои идеи, которые пока еще имеют ярлык «фантастических». Жаль, что их осуществят много позже, но лучше уж поздно, чем никогда.

Насмешка судьбы видится мне в том, что два самых важных дела моей жизни помимо пользы могут нанести человечеству вред. Переменный ток используют для электрического стула, а беспроводную передачу энергии можно использовать как мощное оружие.

«Все же подумайте о моем предложении, – сказал я Джону на прощание. – Один самолет против возможности закончить войну через два-три месяца». Вообще-то, при поддержке Военного министерства, установку можно создать за полтора месяца, но горький опыт строительства башни побуждает меня называть сроки с запасом, ибо всегда что-то случается и задержки неизбежны. Но даже три месяца – это очень хорошая возможность.

«Возможно, война закончится раньше, – ответил Джон. – Англичане с нашей помощью готовят грандиозные бомбардировки Германии, после которых Гитлер будет вынужден капитулировать»[181]. По этой фразе я понял, что Джон чувствует себя неловко. В глубине души он мог разделять мои мысли или хотя бы не противиться моему предложению, но в то же время он понимает, что его боссы не захотят реализовывать мою идею. Я принял решение передать копию расчетов по отраженным волнам в советское консульство. Меня там знают и к документам отнесутся как подобает. Состояние моего здоровья таково, что я могу позволить себе лишь недолгие прогулки по городу, но, возможно, кто-то из советских физиков смог бы приехать в Нью-Йорк для встречи со мной? Личное общение очень важно в тех случаях, когда идеи кажутся «невероятными» или «фантастическими». В 1935 году ко мне приезжал генерал Синявский[182], но при всем моем уважении к этому человеку, он был больше боссом в области связи, а не инженером-электротехником. Синявский мог оценить мои идеи лишь в общих чертах и не мог «заразиться» ими, поскольку для этого ему недоставало знаний. А в таких случаях очень важно «заразиться», поверить в осуществимость и перспективу. Так, например, как когда-то поверил в переменный ток Вестингауз.

Мой племянник Сава имеет идею устроить мою встречу с нашим королем Петром[183]. Наивный Сава надеется на то, что это привлечет ко мне внимание высоких чинов из правительства. Я получу лабораторию, возможность делать то, что считаю нужным, и т. п. Ничего этого не будет, я знаю. Разве придаст мне веса встреча с восемнадцатилетним изгнанником? Другое дело, что я должен встретиться с ним для того, чтобы выразить свое восхищение его мужеством. Всякий, кто осмелился бросить вызов Гитлеру, достоин восхищения[184].

Быть старым не страшно. Ждать близкого конца не страшно. Страшно уходить непонятым. Такое впечатление, будто прожил жизнь зря. Я прошу тех, кто будет читать это, отнестись к моему научному архиву внимательно и непредвзято. Прошу не считать меня старым выжившим из ума чудаком. Чудакам не доверяют руководство такими проектами, как «Радуга». Я очень надеюсь (и почти верю в то), что в будущем я буду оценен по достоинству. Дело не столько в оценке (зачем покойнику слава?), сколько в том, чтобы мои изобретения не пропали бы зря, чтобы они принесли людям пользу. Это единственное, чего я хочу.

28 июня 1942 года

Приведение архива в порядок заняло много времени. Я понимал, что каждый новый день в моем возрасте – дар Божий и потому отложил на месяц все остальные дела. Только во время прогулок думал о том, как можно улучшить систему двусторонней полицейской радиосвязи[185]. Помимо удовольствия от этого дела может быть и практическая польза. За усовершенствование существующей системы обещана премия в 15 000 долларов. Кроме того, в случае успеха я мог бы зарегистрировать несколько патентов. Жизнь вынуждает быть меркантильным. Не хочется зависеть от племянника, хочется иметь денег немного больше, чем нужно (почему немного? – много!), чтобы помогать соотечественникам. Всем нужна помощь – и тем, кто сражается, и тем, кто терпит лишения на чужбине. Что за несчастный «век прогресса», принесший человечеству уже две великие войны!

Как обычно, я стремлюсь сделать больше того, чем требуется. Устойчивая связь с хорошей слышимостью – это мелочь. Сначала я подумал о том, как удобно было бы объединить полицейскую радиосвязь с городской телефонной системой. А теперь уже думаю о том, чтобы сделать телефон беспроводным. «Провод» – это слово, которое я не выношу. Я готов мириться только с теми проводами, которые находятся внутри устройств. Все остальные мне хочется уничтожить. Идеальный мир в моем понимании – это мир без голода, войн и проводов!

Сегодня Видовдан[186] и я не могу думать ни о чем другом, кроме моей родины. Мой покойный брат мечтал о том, чтобы похитить у турок голову царя Лазаря и вернуть ее в Раваницу[187]. Я млел от восторга, когда он делился со мной своими планами. Мой бедный брат! Он умер юношей и теперь я на 71 год старше его. Я часто вспоминаю моих родных. Очень радуюсь, когда вижу моего дорогого племянника. Он – надежда и продолжатель нашего рода, пускай и под другой фамилией. Внезапно подумал о том, что если бы смог прожить жизнь заново, то непременно бы женился и наплодил бы много детей. С возрастом изменяется вкус одиночества, оно из сладкого становится горьким и с каждым годом горчит все сильнее и сильнее. Наверное, мне надо было учиться делить время между работой и семьей, а не отдаваться целиком работе. Надо было брать пример с отца. Он никогда не сидел без дела, если не служил в церкви, то ходил по домам прихожан – утешал, советовал, собирал деньги для кого-то из нуждающихся. Кто хочет помогать людям, тот никогда не

останется без дела. Но мой вечно занятый отец находил время и для нас, детей. Каждый вечер, перед сном, он разговаривал с нами, спрашивал, как прошел день, рассказывал что-нибудь. Рассказы его всегда были поучительными, но не скучными. Если бы у меня были дети, то, возможно, один из них захотел бы пойти по моим стопам. Нет, «захотел» это не то слово. Изобретательство – это не профессия, которую выбирают. Это огонь, который жжет изнутри и побуждает думать, творить. Так вот, если бы Бог наградил бы меня сыном или дочерью, одержимыми жаждой изобретать, то я бы покинул этот мир со спокойным сердцем, зная, что у меня есть наследник, продолжатель дела моей жизни. Сава – хороший парень, но он политик, а не изобретатель. Я оставлю ему основную часть моего архива, но сам он, к сожалению, не сможет в нем разобраться. Но хотя бы проследит за тем, чтобы мой архив сохранился в целости, и после войны передаст его в Белградский университет. Я чувствую, что сам до конца войны вряд ли доживу. Если вдруг не произойдет какого-нибудь чуда, то война продлится еще как минимум два года. Это подсказывает мне разум, а не интуиция. Глупо бы было полагаться на интуицию в таких делах. Я не стратег и никогда им не был, но я здравомыслящий человек, который получает достаточно информации, для того чтобы составить правильное мнение. Два года как минимум, если не все три.

Итак, основную часть моего архива я оставлю моему племяннику Саве.

Все копии, которые должны быть переданы по назначению, переданы.

Кроме того, я скопировал вкратце самое важное (в том числе и из незавершенного) и оставил эти записи в сейфе отеля «Клинтон»[188] для одной особы, с родителями которой меня связывала искренняя дружба[189]. Кроме копий, там лежит оригинал статьи, которую я написал позавчера, но решил не отдавать для публикации. Никто ее не опубликует, а попытка только послужит поводом для новых слухов о моем безумии. В статье я подробно анализирую свою ошибку 40-летней давности. Тогда мне казалось, что я принимаю сигналы с Марса, но на самом деле это были сигналы с очень далеких планет, находящихся за пределами нашей Солнечной системы. Сигналы отражались[190] от Марса, а не были посланы с него! Мне надо было сделать другое открытие спустя несколько лет, чтобы понять, что я ошибался насчет Марса. При определенных условиях при отражении сигнал многократно усиливается. Я использую этот принцип в своих изобретениях. Это выгодно и удобно. Именно из-за этой ошибки у меня не получилось

установить контакт с теми, кто посылает нам сигналы. Расчеты следовало вести иначе – направить волны так, чтобы они отразились от Марса под тем же углом! Без точного знания координат планеты, посылающей сигналы, вполне можно обойтись, немного изменяя угол отражения. Я описал все подробно. Также я вложил в коробку письмо с просьбой хранить все, что в ней находится, вечно, до той поры, пока мои идеи не будут востребованы. Я представляю, как будет изучаться мой архив после моей смерти. «Важное» отделят от «неважного», которое положат куда-нибудь в архив. И дай Бог, чтобы через сколько-то лет это «неважное» не сожгли бы, чтобы освободить место для новых документов. Лучше будет подстраховаться. Для особы, которой я решил довериться, моя воля священна. Коробка с моими записями будет передаваться в ее семье из поколения в поколение до тех пор, пока все мои идеи не будут поняты и оценены.

Я бы не смог управиться с архивом так скоро, если бы не помощь моего дорогого друга Джона О'Нила[191], который благодаря тройной удаче сильно мне помог. Тройная удача состоит в том, что Джону хорошо знаком мой почерк, а также в том, что он оказался в нужный момент в Нью-Йорке и был свободен от других дел (так, во всяком случае, он сказал). Я благодарил Джона на словах, но считаю нужным написать о нем здесь, чтобы потомки знали, благодаря чьим стараниям мой архив дошел до них в полном виде[192].

Теперь на моем столе две тетради. В одну я пишу сейчас, а другая предназначена для научных мыслей, которые, как я надеюсь, посетят меня в будущем. Пока жизнь не закончилась, она продолжается. Я надеюсь, что оставшихся дней мне хватит на то, чтобы сделать еще что-то ценное для человечества. Хотя бы успеть обдумать до конца идею беспроводного телефона и сделать общие расчеты. Пусть это станет моим прощальным подарком человечеству.

7 июля 1942 года

Обо мне вдруг вспомнили журналисты. Подозреваю, что причиной тому стал мой грядущий день рождения. На это раз все было довольно пристойно. Пришла скромная застенчивая, совершенно не похожая на журналистку, девушка из «The New York Times» в сопровождении фотографа. Когда я попросил ее снять и убрать в сумочку серьги с жемчугом, он удивилась. Я в свою очередь тоже удивился тому, что она явилась ко мне, совершенно не ознакомившись с моими привычками. Пришлось рассказать, почему я не выношу жемчуга. Когда тебе вот-вот исполнится 86 можно поведать миру о прегрешениях молодости.

У сербов принято собирать дочерям приданое, начиная с их рождения. Гости приходят поздравлять родителей с рождением дочери, и каждый дарит что-то новорожденной «на счастье». В то время, когда я вел беспутную жизнь игрока, я опустился до того, что украл жемчужные серьги и брошь из приданого моей дорогой сестры Марицы и проиграл их в карты. «Украл», возможно, чересчур сильно сказано, поскольку в тот момент, когда я брал серьги из шкатулки, я был уверен в том, что вечером верну их обратно в целости и сохранности. То была обычная (и глупая) уверенность игрока, которому давно не везло. Тебе не везет день, другой, неделю, и ты говоришь себе: «Это не может длиться бесконечно, уж сегодня-то мне точно повезет!» Ты играешь на последнее и проигрываешь, потому что деньги идут к деньгам и в игре везет только тем, кто играет ради развлечения, тем, для кого проигрыш не представляет проблемы. Уверен, что если бы кто-то из Морганов играл бы в рулетку или карты, то ему бы неизменно сопутствовала удача. Удача у богача понятие не случайное, а закономерное. Играй, удваивая ставку при каждом проигрыше, и рано или поздно ты останешься в выигрыше. Все дело в том, чтобы тебе хватило денег на постоянное удвоение ставок. Но я играл на последнее, и мне не везло. Если бы сейчас я смог бы вернуться в прошлое и встретиться с самим собой, молодым и глупым, то надавал бы ему (то есть себе) оплеух и каждую сопровождал бы словом «Опомнись!». Но это только мечты, а реальность такова, что я украл самые дорогие из украшений моей покойной сестры и проиграл их. Да, это были самые дорогие украшения у дочери небогатого священника, и родной брат оставил ее без них! Хуже всего, что я не чувствовал тогда всей низости своего поступка. Я оправдывался тем, что надеялся на удачу, а она, негодница, отвернулась от меня. Позже я раскаялся и несколько раз просил у сестры прощения. Она сразу же сказала,

что не держит на меня зла, но я все повторял: «Прости меня, прости». И всякий раз, когда сестра благодарила меня за посланные ей деньги, я отвечал, что это я должен быть ей благодарен за то, что она дает мне возможность искупить мою вину перед ней. Дело не в том, сколько стоили серьги с брошью, а в том, что я злоупотребил доверием моих родных. Мать и сестра простили меня, все свидетели моего прегрешения умерли, но стыд гложет меня и по сей день.

Журналистке явно не понравился мой рассказ. Она хотела услышать что-то другое. Ушла она недовольная, по лицу ее можно было догадаться, что никакой статьи обо мне она не напишет[193]. Я ее понимаю. Ей хотелось, чтобы я наговорил какой-нибудь чуши, которая «была бы интересна нашим читателям». Но разве чушь может быть интересной? Впрочем, может. Иногда я удивляюсь так называемым «сенсационным» новостям. Чушь! Глупость! Но люди пережевывают их по многу дней, и чем глупее новость, тем дольше ее обсуждают. Я прожил 86 лет, но часто я чувствую себя гостем с другой планеты. Совершенно не понимаю людей. Не понимаю, как так можно жить.

Сейчас мне уже стыдно за свою откровенность. Не в том смысле, что я хотел бы скрыть свой проступок, а в том, что я напрасно надеялся быть понятым. Глупое чувство – открываешь людям душу и натыкаешься на непонимание. Впрочем, чего еще можно ожидать сербу в Соединенных Штатах? Всю свою жизнь здесь я только и делаю, что натыкаюсь на непонимание. Трудно жить в мире, где слова «честь» и «достоинство» заменены словом «доллар». Я прожил в Соединенных Штатах большую часть жизни, но так и не смог стать своим в этой стране. Я не отрицаю и не принижаю ее величия, я всего лишь констатирую, что эта совсем не та страна, в которой мне хотелось бы жить. Поздно что-то менять в жизни, которая подходит к концу, но я всего лишь констатирую факт и вспоминаю недобрым словом Бэтчелора, вынудившего меня предпочесть России Соединенные Штаты. В своей жизни я совершил две непоправимые ошибки – избрал одиночество и приехал в Соединенные Штаты. Изменить ничего нельзя, но признать ошибки никогда не поздно.

Вскоре мне исполнится 86 лет. Мой образ жизни, вызывавший так много насмешек, дает свои плоды – я пережил большинство своих современников. Человеческое тело (без души) есть ни что иное, как механизм, который требует к себе бережного отношения и благодарит за него долгой службой. Вегетарианство (но с допущением молока, которое я считаю самым полезным продуктом), отказ от чая, кофе и табака, умеренность в еде,

ежедневные прогулки на свежем воздухе – вот мой «секрет», который позволил мне одолеть время. Когда я говорю «одолеть время», то нисколько не иронизирую. Я не из рода долгожителей. Отец мой дожил до 60 лет, мать – до 70, сестра Марица до 80, а я пережил их всех только благодаря правильному отношению к своему организму. Грустно оставаться одному, пережив всех своих близких.

23 июля 1942 года

В книге моей жизни перевернута очередная страница. Я стал на год старше. Поздравляя меня, мой племянник сказал, что на 90-летие надеется преподнести мне особый подарок. Он всячески пытался меня заинтриговать, говоря, что не откроет мне эту тайну, но я все же заставил его ее открыть. Мой племянник решил подарить мне дом в Белграде и даже предпринял кое-какие шаги для того, чтобы собрать на это дело деньги. Я отругал его за то, что он торопит события, а от этого, как известно, добра ждать не приходится. Югославия[194] еще оккупирована Гитлером. О каком доме в Белграде можно вести речь и тем более пытаться собирать на него деньги. Чего доброго, люди сочтут меня аферистом. Только этого мне не хватало. Да и будь у меня дом в Белграде, я бы не сумел до него добраться. Состояние моего здоровья таково, что я не могу отойти более чем на 200 шагов от отеля. 200 шагов туда, 200 обратно – вот и вся моя нынешняя прогулка. Кормлю уже не своих голубей, там, где привык это делать, а первых встречных[195]. Удовольствия получаю столько же. Что может быть лучше, чем накормить бедных славных птичек. Главное в том, чтобы делать добро – делать его бескорыстно. Впрочем, здесь я кривлю душой. У меня есть корысть – когда голуби благодарят меня своим воркованием, я испытываю невероятное наслаждение. Так что неизвестно, кто кому делает большее благо – я птицам или они мне.

«Если ты и впрямь хочешь сделать мне приятное, то сделай в Белграде после войны мой музей, – сказал я племяннику. – Перевези туда мой архив и сделай так, чтобы любой желающий мог бы с ним ознакомиться и почерпнуть что-то интересное для себя. Музей Теслы должен быть хранилищем его идей, а не его ботинок и шляп!» Впрочем, с ботинками и шляпами ничего не выйдет – у меня очень мало личных вещей. На музей их точно не хватит. Помню, как после краха «Мировой системы» журналисты удивлялись тому, что у меня нет и гроша за душой. Они, наивные, считали меня миллионером, который строит «воздушные замки» (так они называли мою башню). А я оказался «нищим» и этим очень всех удивил. В Соединенных Штатах привыкли к изобретателям-миллионерам вроде Эдисона и Вестингауза. То, что среди их патентов 50 % купленных и 40 % украденных, никого не интересует. Да, с точки зрения американцев, я нищий, и нищим умру. Вряд ли уже успею разбогатеть. Но это меня совершенно не волнует. Меня никогда не интересовало, что думают обо мне окружающие. Важно, что думаю я сам.

1 сентября 1942 года

Наши воины снова показали, кто хозяин на родной земле[196]. Отрадно было узнать об этом. Мне больно от того, что мои соотечественники не могут объединиться для борьбы с общим врагом. Нельзя придавать значения каким-то небольшим противоречиям[197], когда родина оккупирована врагом.

На конференции в Москве Черчилль отложил открытие западного фронта[198] в Европе на следующий год. Типично британская позиция – выждать время, а потом захватить лучший кусок. Только на этот раз у Черчилля ничего не выйдет. Советский Союз давно доказал миру, чего он стоит, и докажет это еще раз. Гарриман[199] на конференции держался в тени, что явилось отражением политики Соединенных Штатов. Порой мне приходит в голову мысль о том, в чем больше заинтересовано американское правительство – в том, чтобы победить проклятую Ось[200], или же в том, чтобы максимально ослабить Советский Союз. Проклятая лицемерная дипломатия! Неужели не ясно, что чем скорее весь мир навалится на Гитлера с его союзниками, тем скорее они будут уничтожены. Мои соотечественники в невероятно тяжелых условиях воюют с врагом, а Черчилль откладывает помощь русским на следующий год. Политикам легко оперировать месяцами и даже годами. Они не задумываются о том, сколько людей гибнет на войне каждую минуту.

Теперь я радуюсь тому, что правительство Соединенных Штатов проигнорировало мои предложения, касающиеся нового оружия. Чего доброго, оно было бы обращено не против Гитлера, а против Советского Союза. Гитлер всего лишь конкурент в борьбе за мировое господство, а Советский Союз – нечто гораздо большее. Это другой мир, страна, которая своим существованием доказывает, что человеческое бытие может быть устроено совершенно иным образом. Уже по тому, как здесь относятся к коммунистам, можно судить о том, насколько опасными их считают. Не хотел писать об этом, но все же напишу. По причине моих контактов с советскими гражданами со мной трижды беседовали представители Бюро[201]. Ничего особенного они сделать мне не могли, но все равно это общение оставляло неприятный осадок. Мне, свободному гражданину страны, которая считает себя оплотом свободы, приходилось объяснять посторонним людям вещи, совершенно не нуждавшиеся в объяснении. Со мной разговаривали как со шпионом. В третий раз я не выдержал, послал их к чертям и прямо в их присутствии

позвонил Вэну с просьбой оградить мою нервную систему от ненужных испытаний. Тогда я еще руководил проектом, и потому Вэн был заинтересован в том, чтобы я жил в покое. Всем, кто хорошо меня знает, известно, что любое сильное волнение может вызвать у меня приступ болезни.

Продолжаю работать над улучшением радиосвязи. Очень хочется сделать нашим воинам подарок к Рождеству. Надеюсь, что смогу передать им не менее 10 000[202].

10 октября 1942 года

Возраст выкинул со мной неожиданную шутку – вдруг появилась дрожь в руках. На постоянно ухудшающееся в последнее время зрение я старался не обращать внимания, поскольку при ярком освещении мог без особых проблем писать и читать. Но дрожь в руках невероятно мне досаждает. Писать теперь тяжело, приходится долго выводить каждую букву, а это невероятно раздражает. Такое впечатление, будто я ребенок, который учится писать. Я долго не брался за записи, надеясь, что дрожь пройдет, но она не проходит, а усиливается. Доктор сказал, что от нее нет средств. Удивительно, насколько беспомощна медицина в XX веке. Самолеты летают через океаны, а старческую дрожь нечем лечить.

1 января 1943 года. Нью-Йорк. Отель «Нью-Йоркер» [203]

Перечитав написанное, я понял, что не сделал и пятой части того, что собирался сделать. Я хотел рассказать о себе и свой жизни так, чтобы у читателей моих записок создалось бы обо мне полное и правдивое представление. Правдивости мне во многом удалось достичь, а вот полноты – нет. Я о многом не успел рассказать. Теперь я понимаю, что с самого начала сделал одну ошибку. Мне следовало писать воспоминания точно так же, как я привык работать – разбить мою жизнь на периоды, создать четкий график и строго придерживаться хронологии. Я же вместо этого писал когда захочется и о чем захочется. Болезнь надолго выбила меня из равновесия, а после, вместо того чтобы наверстывать упущенное, я попал под влияние своей мнительности. В сущности, я очень мнительный человек. Большинство моих привычек, это ритуалы, которым я должен неукоснительно следовать, чтобы чувствовать себя комфортно.

Пишу с перерывами. Руки дрожат еще пуще прежнего. Хорошо хоть, что дрожь уже не вызывает раздражения. Что толку раздражаться по поводу неизбежного? Но появилась другая проблема – судорога то и дело сводит пальцы. Ничего, я сделаю столько перерывов, сколько будет нужно, чтобы написать все, что хочу. Последнее слово не должно обрываться.

Силы покидают меня. Я чувствую, что мне осталось жить совсем немного. Речь идет о нескольких днях. Мне хотелось бы написать о многом, но я напишу о самом важном, о том, над чем я работал в последнее время.

Еще в 1916 году мой покойный соотечественник Михаил Пупин[204] «заразил» меня идеей о возможности влияния на погоду. Будучи фанатиком авиации[205] он постоянно изыскивал все новые и новые возможности ее применения. «Что есть погода? – однажды сказал он мне. – Всего лишь перемещение масс воздуха и паров воды. Этим должно быть несложно управлять сверху». К тому времени я был хорошо знаком со свойствами озона, а за три года до этого два француза[206] открыли существование озоновой оболочки в атмосфере Земли. Пупин думал о том, чтобы вызывать дожди в нужном месте при помощи распыления в облаках каких-то веществ. Он был не только хорошим физиком, но и хорошим химиком. Много раз я консультировался у него по вопросам химии. Другая идея Пупина – если будет возможно создавать облака на большой территории,

то таким образом можно уменьшить отдачу тепла и повысить температуру в этом месте. Пупин мечтал научиться управлять погодой, для того чтобы разбогатеть. Можно представить, насколько сильно управление погодой заинтересовало бы фермеров и военных. Пупин всегда страстно мечтал о богатстве, и я его понимаю. Он родился в бедной крестьянской семье. Приехав в Соединенные Штаты, он более четырех лет таскал грузы и копал землю, пока не поступил в колледж. Слово «богатство» для Пупина (как и для большинства американцев) было синонимом слова «успех».

Некоторое время я думал об управлении погодой, но не очень старательно, потому что тогда меня больше занимали мои турбины и некоторые другие изобретения, такие, например, как индикаторы скорости и частоты вращения. Но я люблю иметь «в запасе» несколько проблем, которые можно обдумать во время отдыха. Как обычно, я пошел дальше тех условий, что поставил мой друг. Создавать облака менее продуктивно, чем воздействовать на озоновую оболочку. Озон способен поглощать невидимую часть солнечного излучения, препятствуя попаданию на Землю чрезмерного тепла. Несложно разрушить оболочку при помощи волн определенной частоты, вся сложность в том, чтобы подняться на 15 миль над поверхностью Земли. Самолеты пока еще не могут летать столь высоко. В свое время я решил отложить решение этой задачи до тех пор, пока самолеты не станут летать на нужной высоте. Но, после того как я стал «безработным»[207], мне нужно было занять свой ум какой-то большой, значимой и не требующей экспериментов проблемой. Такой проблемой, которую можно решать в уме. Я снова задумался об искусственном изменении климата и нашел решение, которое много лет было у меня перед глазами, но я его не замечал. Яблоко должно было упасть на голову Ньютона, чтобы тот задумался о всемирном тяготении. Я же должен был вспомнить в нужный момент о своей разрушенной башне, чтобы понять очевидное. Самолеты не нужны! Влиять на атмосферу на любом уровне можно при помощи мощных антенн, если сфокусировать в нужной точке два, три или более лучей. Великие изобретения (а я без ложной скромности считаю свою «Мировую систему» таковым) всегда универсальны. Моя система позволяет не только передавать энергию и радиосигналы по всей Земле, но и влиять на ее климат. Нет ничего невозможного в том, чтобы покрыть Антарктиду и все пустыни на Земле цветущими садами. Разница лишь в том, что для передачи энергии по всей поверхности земного шара нужно 30 башен, а для влияния на погоду всей планеты достаточно 10 или 12, размещенных поровну в двух противоположных

(абсолютной точности не требуется) точках земного шара. Я успел закончить основные расчеты и постарался записать их вместе с пояснениями как можно разборчивее. Они находятся в отдельной тетради, на которой написано «Мой последний дар человечеству»[208]. Это действительно последний дар, больше я уже ничего сделать не успею.

В последние дни я не думаю о проблемах. Я вспоминаю свою жизнь, перебираю ее день за днем и оцениваю прожитое заново. Прав ли я был, принимая то или иное решение? Как бы я поступил, доведись мне прожить жизнь заново? Прошлое невозможно изменить, но почему бы не помечтать о несбыточном? Если бы я мог прожить жизнь заново, то никогда бы не сделал четырех поступков.

Первое. Я никогда бы не позволил себе предаваться азартным играм.

Второе. После окончания Высшей технической школы (а я бы закончил ее, если бы был благоразумен) я уехал бы не в Соединенные Штаты, а в Россию. Все в свое время подталкивало меня к этому решению, но проклятый Бэтчелор уговорил меня ехать к Эдисону. Он убеждал меня столь горячо, что я поверил ему и долго думал о нем с признательностью, как о моем «благодетеле». Но когда Эдисон обманул меня, Бэтчелор был на его стороне. Много позже я узнал, что Эдисон платил своим сотрудникам за то, что они привлекали в его компанию талантливых изобретателей. Не знаю, сколько получил за мою голову Бэтчелор, но знаю, что Эдвард Джонсон[209] получил пять тысяч долларов за то, что уговорил Фрэнка Спрэйга[210] оставить военную службу ради работы у Эдисона.

Третье. Я всегда предпочитал работать в одиночку и это было моей ошибкой. Работая над проблемой пространственных перемещений, я убедился в том, сколь продуктивной может быть коллективная работа, если она организована правильным образом. К сожалению, моим первым подлинным опытом коллективной работы стал Питсбург, где все мои указания и просьбы саботировались инженерами Вестингауза. После Питсбурга я окончательно укрепился в мысли о том, что могу продуктивно работать только в одиночку, ибо те, кто должен мне помогать, на самом деле мне мешает. Теперь я признаю, что это было неверное решение. «Нельзя по Бронксу судить о Нью-Йорке», – говорят ньюйоркцы, и они абсолютно правы. Мне ли, отдавшему всю свою жизнь науке, не знать о том, что по частностям нельзя судить о целом? Современное развитие всех наук таково, что требует коллективной работы. Если эти мои слова послужат кому-то предостережением, то я буду рад.

Четвертое. Я не выбрал бы безбрачия и не стал бы отказываться от тех радостей, которые дает человеку семья. Я слишком поздно это понял, когда радовался каждой встрече с племянником. Слишком поздно.

Меня не раз упрекали в том, что я ошибаюсь. Речь шла о разных вещах, начиная с эфира[211] и «Мировой системы» и заканчивая моими двигателями, которые могли поместиться в шляпе. В какой-то момент стало модным говорить, что «Тесла ошибается». Легче сказать, что я ошибаюсь, чем признать, что не хватает знаний и возможностей для того, чтобы понять меня. Хочется надеяться, что в будущем меня все же поймут.

Никто не знает, станет ли то, что мы считаем концом, концом в полном смысле этого слова. Мне хочется верить в то, что слова «конец» не существует. Скоро я смогу убедиться в этом. Напоследок хочу сказать следующее. Мне так и не удалось (к сожалению) дать полный ответ на вопрос: «Кем был Никола Тесла?» Но краткий ответ я дать могу: «Никола Тесла был счастливым человеком!» Покидая этот мир, я оглядываюсь назад и говорю себе: «Да, что-то, пусть и немногое, мне удалось оставить после себя». Я счастлив от того, что смог что-то дать людям. Значит, жизнь моя была не напрасной.

На этом записи в последней тетради заканчиваются. 7 января 1943 года, в православное Рождество, Никола Тесла скончался в номере 3327 отеля «Нью-Йоркер». Причиной смерти великого ученого и изобретателя стал тромбоз коронарных артерий. Рядом с телом Теслы лежала книга Вука Караджича[212] «Сербские народные песни». Изобретатель и писатель Хьюго Гернсбек снял с Теслы посмертную маску, Отпевание Теслы состоялось 12 января 1943 года в нью-йоркском соборе Святого Иоанна Богослова. В тот же день Тесла был похоронен на кладбище Фернклифф, близ Нью-Йорка. 26 марта 1943 года по инициативе племянника Теслы Савы Косановича, останки Теслы были эксгумированы и кремированы. Сава рассказывал, что о кремации его просил сам Тесла, но перед отпеванием возникла проблема – священник отказался проводить обряд отпевания в том случае, если тело покойного будет кремировано. Ныне урна с прахом Николы Теслы хранится в его музее в Белграде.

Послесловие Стевана Йовановича

Никола Тесла однажды сказал: «Человечеству только предстоит еще разгадать великие тайны нашего бытия. Даже смерть может оказаться не концом, а началом». Парадоксальность мышления Николы Теслы общеизвестна настолько же, насколько общеизвестна его гениальность.

Мне хочется обратиться к читателям воспоминаний моего великого соотечественника и родственника. Если вас интересует личность Николы Теслы, то, возможно, вам захочется посетить места, связанные с его памятью. Я приведу здесь перечень самых важных из этих мест.

1. и 2. Село Смилян, где родился Никола Тесла, находится в Хорватии, в регионе Лика, в семи километрах от города Госпича, в котором Тесла провел детские годы. В Смиляне есть мемориал Николы Теслы – восстановленный дом, в котором он родился (там работает музей) и памятник ему. В Госпиче, сильно пострадавшем во время войны 1991–1995 годов[213]. мало что сохранилось от старины, но в центральной части можно еще найти постройки, мимо которых ходил юный Никола Тесла.

3. Город Карловац, где Тесла учился в Высшем реальном училище, тоже находится в Хорватии. Карловац сильно изменился за сто пятьдесят лет и сильно пострадал во время войны 1991–1995 годов, но на фотографиях и макетах в городском музее вы сможете увидеть город таким, каким видел его Никола Тесла.

4. Высшая техническая школа в австрийском городе Граце сейчас называется Грацким техническим университетом. Здание, в котором учился Тесла, прекрасно сохранилось. Здесь помнят Николу Теслу и чтут его память.

5. Пражский университет, в котором Никола Тесла недолго учился в 1880 году, сейчас больше известен как Карлов университет. Недалеко от университета на улице Ve Smeckach, дом 603/13, где жил Никола Тесла, установлены две мемориальные доски – на сербском и на чешском языках и его бюст.

6. В Будапеште, где Никола Тесла в 1881–1882 годах оборудовал первую в городе телефонную станцию, вы можете посетить Телефонный музей по адресу Úri utca, 49. В этом музее, являющимся филиалом Почтового музея Будапешта (http:// www.postamuzeum.hu), вы можете узнать о том, как строилась и оборудовалась первая городская телефонная станция, и ознакомиться со 130-летней историей телефона в Будапеште. К сожалению, в Будапеште нет памятника Николе Тесле, но среди его родственников ходит шутка о том, что они там встречаются

повсеместно, ведь каждый телефон в Будапеште можно считать таким памятником.

7. В Париже можно посетить Оперу, электрическим освещением которой когда-то занимался Никола Тесла, прогуляться по кварталу Сен-Марсель, в котором он жил, и побывать в Иври-сюр-Сен, где находились завод и лаборатории Континентальной компании Эдисона.

8. В Страсбурге, который сейчас принадлежит Франции, не сохранился первый вокзал с электрической станцией, которую восстанавливал после пожара Никола Тесла. Вокзал находился на месте нынешней площади Place des Halles, где построен одноименный торговый центр. Но можно прогуляться там, где любил гулять Никола Тесла – по набережной Илля и по парку Оранжери.

9. В Нью-Йорке главными памятными местами являются сохранившийся до наших дней дом № 46 по Houston Street, где Никола Тесла в 1895 году открыл свою новую лабораторию взамен сгоревшей на Пятой авеню и отель «Нью-Йоркер», в котором он умер. На здании отеля установлена мемориальная доска в честь Николы Теслы.

10. Посетив Ниагарский водопад, вспомните, что Никола Тесла принимал участие в пуске первой здешней гидроэлектростанции переменного тока.

11. Но если у вас нет возможности побывать во всех перечисленных местах, то посетите музей Николы Теслы в Белграде, где хранится урна с прахом великого изобретателя. В музее собрана прекрасная экспозиция, рассказывающая о жизни Николы Теслы. Не покидая стен музея, вы побываете и в Смиляне, и в Париже, и в Нью-Йорке… Музей стал выражением любви и уважения всего сербского народа к своему великому соотечественнику, но если говорить о личном вкладе, то можно сказать, что он появился благодаря нашей общей родственнице Йованки Будисавлевич-Броз.

Мне хочется закончить послесловие теми же словами, которые я привел в начале: «Даже смерть может оказаться не концом, а началом». Эти слова Николы Теслы прозвучали как пророчество. Подлинная мировая слава, слава величайшего гения, опередившего свое время, пришла к нему только после смерти, когда человечество достигло в своем развитии уровня, позволяющего понять то, что ранее казалось непонятным. Многое же остается непонятным и до сих пор. Но хочется верить, что рано или поздно все загадки, оставленные человечеству великим ученым и изобретателем Николой Теслой, будут разгаданы.

notes

Примечания

1

Сава Косанович (1894–1956) – сын Марицы Косанович (1859–1938), младшей сестры Николы Теслы, югославский политик и дипломат, создатель музея Николы Теслы в Белграде.

2

Йованка Будисавлевич-Броз (1924–2013) – первая леди Социалистической Федеративной Республики Югославии, вдова первого и единственного президента Югославии Иосипа Броз Тито (1892–1980). Была его пятой женой, состояла в браке с ним в 1952–1980 годах. С 1977 по 2000 годы находилась под домашним арестом. Сначала это было сделано по инициативе Иосипа Броза Тито, подозревавшего жену в попытке переворота, а затем Йованку держали под арестом югославские и сербские власти. (*Прим. ред.*)

3

Косовская война – вооруженный конфликт, вспыхнувший в феврале 1998 года между албанскими повстанцами, стремившимися к независимости Косова и Метохии, и Союзной Республикой Югославией (СРЮ). Боевые действия были инициированы косовскими албанцами. В марте 1999 года в конфликт вмешалось НАТО, начавшее бомбардировки СРЮ. В июне 1999 года, согласно Военно-техническому соглашению, подписанному представителями НАТО и югославской армии, контроль над краем Косово и Метохия перешел к международным силам под руководством НАТО. В феврале 2008 года косовские албанцы провозгласили независимость Косова и Метохии, образовав Республику Косово. (*Прим. ред.*)

4

Ричард Милхауз Никсон (1913–1994) – 37-й президент Соединенных Штатов Америки (1969–1974). (*Прим. ред.*)

5

Сербская деревня, ныне расположенная в Хорватии, где родился Никола Тесла. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных, прим. пер.*)

6

Вэн – это Вэнивэр Буш (1890–1974) – американский ученый, советник по науке при президенте Рузвельте, председатель Национального исследовательского комитета по вопросам обороны Соединенных Штатов Америки (Отделение научных исследований и развития) с 1940 по 1947 годы. В 1932–1938 годах Буш был вице-президентом Массачусетского технологического института. Тесла и Буш тесно сотрудничали. Тесла был консультантом ряда проектов, которые курировал Буш.

«Зовет меня к себе» – Буш неоднократно предлагал Тесле переехать в Кембридж (пригород Бостона, в котором находился Массачусетский технологический институт), но Тесла отказывался.

7

Ввиду секретности и важности переписка между Теслой и Бушем, а также рядом других ученых, работающих над правительственными проектами, осуществлялась не при помощи почты, а через курьерскую службу Военного министерства Соединенных Штатов Америки.

8

Дядя Сэм – символический образ Соединенных Штатов Америки.

9

Тесла имел привычку ежедневно кормить голубей возле Нью-Йоркской публичной библиотеки.

10

Речь идет о Саве Косановиче.

11

Грэнвилл Стэнли Холл (1844–1924) – основоположник американской психологии, основатель и первый президент Американской психологической ассоциации, а также первый президент Университета Кларка в Вустере, штат Массачусетс.

12

«Мировой системой» Никола Тесла называл свой замысел по созданию мировой системы беспроводной передачи энергии. Роль передаточно-приемной станции предназначалась огромной башне, которая строилась по его проекту в 60 километрах от Нью-Йорка (на то время) на острове Лонг-Айленд. С помощью этой башни Тесла планировал передавать энергию и радиосигналы не только в любую точку Земли, но и на другие планеты. Желая разъяснить всему миру назначение и важность своей системы, Тесла издал брошюру «Мировая система», в которой подробно описал свой замысел. Строительство башни, начавшееся в 1901 году, завершилось в 1902 году, но башня не была оборудована из-за нехватки средств – финансировавший проект миллионер Джон Пирпонт Морган-старший прекратил финансирование из-за разногласий с Теслой. В 1917 году башня была снесена, т. к. американское правительство опасалось, что ее могут использовать в своих целях германские шпионы. Тесла писал: «Даже если бы меня мучили сомнения в возможности успеха моего замысла, я бы отбросил их прочь, вспомнив слова великого философа лорда Кельвина, который, наблюдая некоторые из моих экспериментов, сказал мне со слезами на глазах: „Я не сомневаюсь в том, что вы добьетесь успеха“». Лорд Кельвин – это знаменитый английский физик Уильям Томсон (1824–1907), в 1892 году получивший пэрство от королевы Виктории.

13

Тесла имеет в виду нацистскую Германию.

14

Осциллятор представляет собой систему, совершающую колебания. Осциллятор радиочастот – изобретение Николы Теслы, при помощи которого он намеревался передавать радиоволны и электрическую энергию без проводов. Схема осциллятора считается утраченной.

15

Речь идет о так называемых «Лучах смерти Николы Теслы», которые принято считать не то шуткой, не то выдумкой гениального изобретателя, хотя известно, что Тесла никогда не шутил по поводу изобретательства.

16

В 1882 году Никола Тесла поступил в Париже в Континентальную компанию Эдисона в качестве инженера по монтажу электрических установок. Он очень скоро проявил себя с хорошей стороны как грамотный и опытный инженер-электрик. В 1883 году руководство компании поручило Тесле руководство работами по завершению сооружения электростанции для Страсбургского железнодорожного вокзала. В случае скорого завершения работ, Тесле была обещана крупная премия, которую ему так и не выплатили. В общей сложности Континентальная компания Эдисона осталась должна Николе Тесле 25 тысяч долларов, которые так и не были ему выплачены (в 1884 году это была огромная сумма, примерно равная 500 тысячам долларов в наше время). Далее Тесла пишет обо всем этом подробно.

17

В 1884 году, сразу же по приезде в Соединенные Штаты, Никола Тесла начал работать инженером в нью-йоркском отделении Общества электрического освещения Эдисона. Тесла познакомился с Эдисоном, который предложил ему улучшить конструкцию электрической машины постоянного тока собственного изобретения. В случае успешного решения задачи, Тесле была обещана премия в размере 50 тысяч долларов. Никаких договоров с Эдисоном по этому поводу Тесла не заключал, он поверил своему работодателю на слово. Тесла и допустить не мог, что один ученый способен обмануть другого ученого. То, что случилось в Париже, Тесла считал недобросовестностью местного руководства, не имеющего никакого отношения к Эдисону. Тесла блестяще справился с задачей, сделав больше того, что было ему поручено, но обещанной награды не получил. В ответ на вопрос о деньгах Эдисон сказал, что он пошутил, что за подобную работу таких денег не платят. На самом деле коммерческая выгода, полученная Эдисоном от усовершенствований, сделанных Теслой, была как минимум в десять раз больше обещанной ему награды. Этот инцидент привел к разрыву Теслы с Эдисоном, после которого Эдисон начал распространять слухи о неуживчивом, вздорном и т. п. характере Теслы. Отношения между Теслой и Эдисоном оставались напряженными до смерти Эдисона в 1931 году. В письме к сестре Марице, датированном 5 ноября 1931 года, Тесла написал: «Умер Эдисон. Пока он был жив, я надеялся, что он захочет исправить свою ошибку. Деньги мне не нужны, я бы удовлетворился извинениями. Я ждал, но не дождался».

18

Тесла не получил от компаний Эдисона 25 000 долларов в Париже, 50 000 долларов в Нью-Йорке и, кроме того, при уходе ему недоплатили некоторые суммы в обеих компаниях.

19

Так в то время называлось Министерство обороны Соединенных Штатов Америки.

20

«Исследования влияния электромагнитных сил на пространство» – это т. н. проект «Радуга», получивший известность благодаря «Филадельфийскому эксперименту», проведенному американскими военными в 1943 году. Эсминец Военно-морских сил Соединенных Штатов Америки «Элдридж» вместе с командой мгновенно переместился в пространстве на расстояние более чем 300 километров, а затем вернулся обратно. Часть команды при этом погибла, часть выживших получила психические расстройства. Эксперимент засекречен по настоящее время. Сохранились задокументированные свидетельства членов команды, но Министерство обороны Соединенных Штатов Америки до сих пор категорически отрицает проведение подобного эксперимента. Примечательно, что проведение эксперимента, в ходе которого «Элдридж» был подвергнут воздействию электромагнитных полей огромной силы, объяснялась членам команды как опыты по приданию кораблю невидимости. Якобы электромагнитные поля должны были отклонять от «Элдриджа» световые волны и радиоволны так, чтобы они обходили его стороной. Т. е. истинная суть эксперимента была скрыта от его непосредственных участников.

Никола Тесла был руководителем проекта «Радуга» в 1936–1942 годах. В 1942 году он внезапно прекратил заниматься этим проектом. Причина такого поступка осталась невыясненной, потому что Тесла ее не объяснил, но можно предположить, что это было вызвано участием людей в экспериментах (или их планируемым участием). Во всяком случае, причина, побудившая Теслу, ненавидевшего фашизм, в самый разгар Второй мировой войны прекратить работу над столь важным военным проектом, должна была быть не просто серьезной, а очень серьезной.

21

В 1881–1882 годах Никола Тесла работал в будапештском отделении «Американской телефонной компании», занимавшейся прокладкой телефонных линий. С октября 1883 года по февраль 1884 года он руководил постройкой электрической станции в Страсбурге (об этом уже было сказано).

22

Слово «отшельник» взято в кавычки в рукописи Теслы.

23

За свою жизнь Эдисон получил около четырех тысяч патентов. Говоря о тысяче Тесла имеет в виду патенты, выданные Эдисону в Соединенных Штатах Америки, которых было 1093.

24

С Александром Николаевичем Лодыгиным (1847–1923) Никола Тесла не раз встречался в период его жизни в Соединенных Штатах Америки. Лодыгин жил там в 1905–1907 и 1918–1923 годах. По свидетельству племянника Теслы Савы Косановича, Тесла отзывался о Лодыгине с большим уважением, называл его «гениальным ученым». Такой похвалы Тесла удостаивал немногих.

25

Кинетоскоп – самый первый кинематографический аппарат, показывавший движущееся изображение. В отличие от кинопроектора кинетоскоп был предназначен для единственного зрителя, который мог наблюдать изображение через окуляр. Кинетограф – аппарат для записи движущегося изображения на чувствительную пленку.

26

Никола Тесла немного сгущает краски. Подобные патриархальные взгляды были широко распространены до второй половины XIX века, затем ситуация стала меняться.

27

Уменьшительное от Никола.

28

В 1861 году Дане Тесла сломал шею, неудачно упав с лошади.

29

Эрцгерцог Иоганн Австрийский (1782–1859) – сын императора Леопольда II и испанской инфанты Марии-Луизы, брат Франца II.

30

В Госпич, где тогда жили родители Николы.

31

Милутин Тесла умер 17 апреля 1879 года.

32

Валюта Австрийской (Австро-Венгерской) империи с 1858 по 1892 годы.

33

Напомню читателям, что речь идет об американском долларе 1937 года.

34

В рукописи Тесла употреблял слово «Каролинум», но оно вряд ли было бы понятно современному читателю.

Т. е. вольным слушателем. *(Прим. ред.)*

36

В Праге Никола Тесла жил по адресу: улица Ве Смечках (Ve Smeckach), дом 13 (ныне это дом 603/13). Стараниями Ассоциации сербского меньшинства в Чешской Республике на доме установлены две мемориальные доски – на сербском и на чешском языках и бюст Николы Теслы.

37

Год основания Карлова университета императором Священной Римской империи Карлом IV.

38

От рождения Никола Тесла был левшой, но впоследствии развил умение одинаково хорошо владеть обеими руками.

39

Речь идет о Континентальной компании Эдисона.

40

Уменьшительное от Ференц.

41

Речь идет о Георге Германе Квинке (1834–1924), немецком физике, старшем брате известного врача Генриха Иренеуса Квинке. Георг Квинке с 1875 года работал профессором физики в Гейдельбергском университете, одном из старейших высших учебных заведений Германии.

42

Речь идет о «Annalen der Physik» («Annalen der Chemie und Physik») – немецком научном журнале, издающимся с 1799 года.

43

Дугалд Калеб Джексон (1865–1951) – американский физик. Возглавлял факультет электротехники Массачусетского технологического института с 1907 по 1935 год.

Здесь Никола Тесла не прав – с XVI по XX века Франция была колониальным государством, так что французы угнетали другие народы.

45

Джордж Вестингауз (1846–1914) – американский предприниматель, инженер и изобретатель. Основатель компании «Вестингауз Электрик», заводы которой располагались в г. Питсбурге.

46

Широко распространена легенда о том, что Вестингауз заплатил за патенты Тесле миллион долларов, причем сразу. К этой легенде примыкает вторая – якобы 500 тысяч из полученного от Вестингауза миллиона он передал инженеру Обадии Брауну, который помог ему в 1887 году создать собственную компанию «Тесла арк лайт компани» (об этом пойдет речь впереди). На самом деле ничего подобного не было. Миллион долларов в то время был невероятно огромной суммой, которую не заплатили бы даже за гениальные патенты. Для сравнения: квалифицированный и опытный инженер зарабатывал в то время не более 20 долларов в неделю, то есть около 1000 долларов в год. На самом деле предложение Вестингауза было гораздо скромнее. Он предложил Тесле 5000 долларов за право подробно ознакомиться с патентами, 10 000 сразу же в случае покупки плюс три выплаты по 20 000 с интервалом в шесть месяцев и 200 акций компании «Вестингауз Электрик». Тесла вдобавок запросил по 2,5 доллара за каждую лошадиную силу с каждой машины, произведенной по его патентам. Миф о миллионе, якобы уплаченном за патенты Вестингаузом, первым обнародовал в своей статье в 1896 году репортер New York Post Альфред Томсон. Далее этот миф, как часто бывает с мифами, начал обрастать различными дополнениями. Кроме версии о 500 000 долларов, переданных Обадии Брауну, существуют также версия о том, что эту сумму Тесла якобы передал видному сербскому политику Николе Пашичу (1845–1926) на нужды основанной им Народной радикальной партии и что именно за это Пашич как премьер-министр Сербии наградил Теслу в 1892 году орденом Святого Саввы III степени. На самом деле орден Тесла получил в знак признания его научных заслуг.

47

Речь идет о Первой мировой войне.

48

Организация, которая в годы Первой мировой войны ведала русскими военными заказами в Соединенных Штатах Америки.

49

Видимо, некоторые имена в воспоминаниях Теслы намеренно изменены. На самом деле парижским отделением компании Эдисона руководил человек с другой фамилией. Но раз уж Тесле захотелось вывести его под именем Леопольда Ро, то пусть так и будет.

50

В то время Страсбург входил в состав Германской империи.

51

Кнут (*нем.*).

Пряник (*нем.*).

53

Николай Алексеевич Любимов (1830–1897) был знаменитым русским физиком, занимавшимся различными разделами физики, в том числе и электромагнетизмом. Его магистерская диссертация, написанная в 1856 называлась: «Основной закон электродинамики и его приложение к теории магнитных явлений».

54

В 1857–1858 годах Николай Любимов работал в лаборатории французского физика Анри Реньо.

55

Для российского читателя надо пояснить, что после убийства югославского короля Александра Первого, произошедшего в Марселе 9 октября 1934 года, королем стал его 11-летний сын Петр (Петр Второй), при котором до его совершеннолетия был установлен регентский совет из трех человек: князя Павла Карагеоргиевича, бывшего главой совета, сенатора Иво Петровича и бана Савской бановины (начальника Савской провинции) Раденко Станковича.

56

Советский дипломат Борис Евсеевич Сквирский (1887–1941) высоко ценил талант Николы Теслы и настойчиво уговаривал его переехать в Советский Союз.

57

Адвокат Питер Гэлет Гэрри (1879–1957) был сенатором Соединенных Штатов Америки от штата Род-Айленд в 1935–1947 годах. От Савы Косановича мне стало известно, что вскоре после того, как Гэрри стал сенатором, Никола Тесла встречался с ним. Тесла надеялся, что молодой и энергичный Гэрри оценит идею «Мировой системы» по достоинству и поможет воплотить ее в жизнь. К тому времени Тесла был готов отказаться от всех патентов, которые будут получены в ходе создания «Мировой системы», в пользу тех, кто будет финансировать проект, и не претендовал ни на какие доходы, после того как система будет запущена. Он хотел только одного – увидеть собственными глазами, как работает его система. Гэрри не заинтересовался предложением Теслы и за глаза отзывался о нем, как о сумасшедшем старике, который носится с безумными идеями. Теслу такое поведение сенатора сильно задело. Он мирился с тем, что его называют сумасшедшим враги или журналисты, но он не ожидал подобного от сенатора Гэрри. Надо сказать, что Никола Тесла в старости очень боялся снижения умственных способностей и наступления маразма. Он старался как можно больше работать, считая, что постоянные тренировки идут только на пользу мозгу, ежедневно гулял и питался по особой системе, рекомендованной ему доктором-сербом Мирославом Джорджевичем. По свидетельству окружающих Никола Тесла оставался в здравом уме до последних дней своей жизни.

58

Филипп Эдуард Антон фон Ленард (1862–1947) – немецкий физик, лауреат Нобелевской премии по физике. Наряду с Йоханнесом Штарком и Максом Планком был одним из ведущих физиков Третьего рейха. Он отрицал теорию относительности Эйнштейна, называл ее «еврейской физикой», и противопоставлял ей «арийскую физику».

59

Макс Карл Эрнст Людвиг Планк (1858–1947) – немецкий физик, лауреат Нобелевской премии по физике, основоположник квантовой физики.

60

Йоханнес Штарк (1874–1957) – немецкий физик, лауреат Нобелевской премии по физике. После присуждения Эйнштейну Нобелевской премии в 1932 году Штарк утверждал, что премия была присуждена незаслуженно и являлась выпадом Нобелевского комитета, находящегося под еврейским влиянием, против Германии.

61

Никола Тесла был сторонником существования эфира, а Альберт Эйнштейн отрицал это.

62

Речь идет об «Антикоминтерновском пакте», или «Японо-германском соглашении по обороне от коммунизма», заключенном 25 ноября 1936 года в Берлине. Peter Goelet Gerry (September 18, 1879 – October 31, 1957) was an American lawyer and politician who served in the United States House of Representatives and later, as a U.S. Senator from Rhode Island.

63

Это случилось в 1874 году, когда Никола Тесла был вынужден скрываться у дальних родственников по отцовской линии в небольшом селе, расположенном в Динарских горах.

Порт в Великобритании.

Объективности ради следует отметить, что срыв рейса «Орегона» мог нанести крупный ущерб Эдисону, как репутационный, так и финансовый, но вряд ли бы это уничтожило компанию Эдисона. В 1884 году репутация Эдисона, как изобретателя и делового человека, была очень крепкой, и дела у него шли хорошо. Тесла, по понятным причинам, преувеличивает.

66

«Тесла» по-сербски означает «тесло» – плотничий инструмент, похожий на гибрид топора и мотыги. Тесло используется для выделки изделий с вогнутой поверхностью – корыт, лодок и пр.

67

Один из старейших районов Нью-Йорка Нижний Ист-Сайд, который долгое время оставался беднейшей частью города, был преимущественно населен эмигрантами различных национальностей.

Именно так и сказано у Теслы: «прокрустовы рамки» вместо «прокрустово ложе».

69

Речь идет об американском мультимиллионере Джоне Пирпонте Моргане-старшем (1837–1913).

На самом деле Никола Тесла сделал гораздо больше того, что поручил ему Эдисон: разработал 24 (!) разновидности электрической машины постоянного тока, принципиально изменил регулятор и еще ряд деталей. Благодаря произведенным Теслой усовершенствованиям, двигатели и генераторы компании Эдисона стали лучшими на рынке.

71

Лампы уличного освещения, используемые в то время, издавали во время работы неприятный звук, похожий на свист или шипение.

Имеется в виду кинохроника.

73

«Жить как осел мельника» – сербское выражение, означающее «жить ни о чем не думая, заниматься одним и тем же без возможности что-то изменить». Имеется в виду осел, который крутит мельничное колесо.

74

Вудлон – кладбище в Нью-Йорке (Бронкс), ведущее свою историю с 1863 года. Одно из самых больших городских кладбищ.

75

Самая фешенебельная улица Нью-Йорка.

Это та самая компания, которая известна всем нам как «Western Union».

Эти строки Никола Тесла, как станет ясно из дальнейшего, писал осенью 1941 года.

78

В доме № 35.

79

Речь идет о двух знаменитых патентах Николы Теслы (№ 381968 и № 382280), полученных им 1 мая 1888 года.

80

От английского слова «badger» – «барсук».

81

Человек, добившийся успеха самостоятельно, без посторонней помощи.

82

Автоматическая система воздушных тормозов, запатентованная Джорджем Вестингаузом в марте 1872 года, имела огромное значение для железнодорожного транспорта, т. к. она оказалась первой системой, обеспечивающей надежное торможение.

83

Штат Массачусетс.

84

С 1887 года Никола Тесла начал проводить опыты с неизвестным до сих пор науке излучением, которое впоследствии подробно описал немецкий физик Вильгельм Рентген (1845–1923). В ходе изучения свечения вакуумных трубок, Тесла открыл, что кроме видимого света существует еще два вида излучений. Впоследствии эти излучения были названы ультрафиолетовым и рентгеновским. Ввиду занятости другими делами, Тесла не закончил исследования неизвестных науке излучений и вернулся к этому вопросу уже после опубликования соответствующей статьи Рентгена. Но он шел по верному пути. Первоначально Тесла предполагал, что излучение представляет собой разрушенное катодное вещество.

85

Современные правила безопасности при работе с электричеством основаны на данных, полученных Николой Теслой в ходе своих экспериментов. Также на них основано использование токов высоких частот в медицине и промышленности.

86

Речь идет об Австро-Венгерской империи.

87

Говоря о «скромном знании венгерского языка», Тесла преуменьшает. На самом деле он в совершенстве знал семь языков: родной сербский, венгерский, чешский, немецкий, французский, английский и итальянский. Кроме того, он знал латынь.

Речь шла о должности управляющего разработкой и производством двигателей и генераторов переменного тока.

89

Всемирная выставка 1889 года проходила в Париже с 6 мая по 31 октября. Она была приурочена к столетию взятия Бастилии. Знаменитая Эйфелева башня была выстроена в качестве входной арки на территорию выставки. Первоначально по окончании выставки башню собирались демонтировать.

См. прим. № 10.

91

Павел Николаевич Яблочков (1847–1894) – знаменитый русский инженер-электротехник, изобретатель дуговой лампы, известной как «свеча Яблочкова».

92

Огулин – город в центральной части современной Хорватии со смешанным сербско-хорватским населением.

93

В 1873 году через Огулин была проложена железная дорога Загреб – Риека. Это вызвало экономический подъем. Город начал развиваться быстрыми темпами.

Доверяй, но проверяй. *(Прим. ред.)*

Речь идет о «периодах в секунду» – старой мере частоты вибрирующего стимула. В наше время этот термин вышел из употребления и заменен термином «герц». *(Прим. ред.)*

Для получения тока высокой частоты Никола Тесла использовал резонанс – резкое возрастание амплитуды собственных колебаний системы при наложении на них внешних колебаний той же частоты. Тесла создал двухконтурный резонанс-трансформатор, действие которого было основано на настройке в резонанс обоих его контуров.

Напомню, что проект финансировал миллионер Джон Пирпонт Морган-старший, прекративший финансирование из-за разногласий с Теслой.

98

Аналог русской пословицы «Овчинка выделки не стоит». *(Прим. ред.)*

99

Один из крупнейших парков Соединенных Штатов Америки, расположенный на острове Манхэттен.

100

На самом деле полного краха постоянного тока в Соединенных Штатах не произошло до сих пор. Около полутора тысяч отдельных потребителей постоянного тока существует и в наши дни.

101

Выступая против переменного тока, Эдисон публично демонстрировал убийства различных животных (преимущественно – кошек и собак) с его помощью. Кроме того, сотрудники Эдисона инженеры Гарольд Браун и Фред Питерсон провели серию экспериментов по убийству животных переменным током с целью изучения применения электричества для смертной казни. До 80-х годов XIX века в Соединенных Штатах в качестве способа смертной казни преимущественно применялось повешение. Когда началось обсуждение вопроса о выборе более гуманного способа, в качестве его был выбран электрический стул.

102

В штате Нью-Йорк «Закон об электрической казни» вступил в силу 1 января 1889 года.

103

Первым в мире был казнен на электрическом стуле Уильям Кеммлер, осужденный за убийство своей любовницы. Это случилось 6 августа 1890 года в тюрьме города Оберн (штат Нью-Йорк). Вестингауз нанял Кеммлеру адвокатов, которые требовали обжалования приговора, рассматривая казнь на электрическом стуле как жестокое и необычное наказание, но апелляции были отклонены судом.

104

Речь идет о металлической нити в лампах накаливания.

105

Всемирная выставка 1893 года (Всемирная Колумбова выставка) прошла в городе Чикаго. Она была посвящена 400-летию открытия Америки Христофором Колумбом и получила название в его честь.

Электрической энергии, вырабатываемой Ниагарской электростанцией, было достаточно для снабжения города Буффало, расположенного в 30 километрах. Тесла утверждал, что на Ниагарском водопаде можно построить такую мощную электростанцию, которая будет снабжать электричеством все Соединенные Штаты. Но финансировавшие постройку Ниагарской электростанции магнаты не захотели тратить больше того, что было нужно для снабжения Буффало. В наше время на Ниагаре работает несколько электростанций.

107

В 1892 году Никола Тесла выступал с лекциями в Лондоне, Париже и Белграде. Планировались также лекции в Берлине, Франкфурте-на-Майне, Будапеште и Петербурге, но из-за болезни, вызванной смертью матери, Тесла был вынужден вернуться в Нью-Йорк раньше, чем планировал.

Эта компания более известна как AEG (сокр. от «Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft»). Компания была основана Эмилем Ратенау в 1883 году и до 1887 года называлась Немецким эдисоновским обществом прикладного электричества, так как в то время в состав пайщиков входила Компания электрического освещения Эдисона.

109

Эмиль Мориц Ратенау (1838–1915) – основатель компании AEG.

110

Имеются в виду Германская и Австро-Венгерская империи.

111

Эрнст Вернер фон Сименс (1816–1892) – знаменитый немецкий изобретатель и промышленник, основатель компании Siemens, первоначально называвшейся «Telegraphenbauanstalt Siemens & Halske» (S&H). В 1849 году S&H построила первую в Германии телеграфную линию Берлин – Франкфурт-на-Майне. Изначально компания занималась прокладкой телеграфных линий и изготовлением телеграфных аппаратов, но очень скоро освоила и другие сферы электротехники, став одной из самых крупных электротехнических компаний в мире.

112

«Динамо-машиной» во второй половине XIX века называли генератор постоянного тока, изобретенный Вернером фон Сименсом.

113

Лекция Николы Теслы «О свете и других явлениях, связанных с высокой частотой», прочитанная им в 1893 году в Институте Франклина в Филадельфии и в Национальной ассоциации электрического освещения в Сент-Луисе, имела огромное значение для развития электротехники.

114

В ходе лекции, для того чтобы доказать безопасность переменного тока высокой частоты, Никола Тесла пропускал через свое тело электрический ток напряжением в 200 тысяч вольт и частотой в 1 миллион периодов в секунду (герц).

115

Фридрих фон Хефнер-Альтенек (1845–1904) – немецкий инженер и изобретатель, один из ближайших помощников Вернера фон Сименса, главный инженер фирмы S & H. Среди многочисленных изобретений Хефнер-Альтенека наиболее известны барабанный якорь для электрических машин постоянного тока, дуговая лампа с дифференциальным регулятором и «лампа Хефнера» – фитильная лампа, служившая эталоном для единицы силы света, названной «свечой Хефнера».

Т. е. в лаборатории Николы Теслы.

117

Томас Коммерфорд Мартин. Изобретения, исследования и статьи Николы Тесла. (Thomas Commerford Martin, «The Inventions, Researches, and Writings of Nikola Tesla»).

118

Фердинанд Курльбаум (1857–1927) – немецкий физик, автор научных трудов по оптике и физике теплового излучения. Его женой была дочь Вернера фон Сименса Элизабет.

119

В состав Соединенных Штатов Америки вначале входило 13 штатов, что отражено на гербе и флаге страны. Над головой орла на гербе внутри большой звезды находится 13 малых звезд, в левой лапе орел держит тринадцать стрел, а в правой ветвь оливы с 13 листьями и 13 оливами. На флаге Соединенных Штатов 13 красных и белых полос.

120

Трехфазная система переменного тока, разработанная русским инженером Михаилом Доливо-Добровольским (1862–1919) в компании AEG являлась частным случаем, предусмотренным патентами № 381968 и 382280, полученными Теслой в Соединенных Штатах 1 мая 1888 года, патентом № 47885, полученным им в Германии, и патентом № 6481, полученным в Великобритании. AEG пыталась оспорить эту связь, чтобы не выплачивать Тесле отчисления, но сделать это не удалось.

121

В доме № 46.

Марица Косанович (Тесла) умерла в 1938 году.

Т. е. не выплачивать по 2,5 доллара за каждую лошадиную силу с каждой проданной машины переменного тока.

124

Хайнрикс был в «Вестингауз компани» менеджером по связям с общественностью. Тогда эта должность называлась «паблисити-клерк».

125

Ниагарская Энергетическая Компания (Niagara Falls Hydraulic Power & Manufacturing Company) не принадлежала Джорджу Вестингаузу. Она выступала в качестве заказчика, поручившего компании «Вестингауз Электрик» строительство гидроэлектростанции на Ниагарском водопаде. В то время, о котором идет речь (1895 год), владельцем Ниагарской Энергетической Компании был эмигрант из Германии Якоб Фридрих Шеллкопф (1819–1899). Таким образом получилось, что деньги на восстановление лаборатории, сожженной одними немцами, Тесле дал другой немец. Пожар в лаборатории Николы Теслы долгое время считали делом рук Эдисона. Примечательно, что Эдисон, всегда бурно реагировавший на любые выпады или даже намеки в свой адрес, не обращал внимания на намеки, касающиеся его причастности к пожару. Это многими расценивалось как косвенное доказательство причастности – раз Эдисон не рискует оправдываться, значит, он виноват.

126

Имеется в виду Метрополитен-музей, находящийся на Пятой авеню, дом 1000.

127

«Телеавтоматами» Никола Тесла называл дистанционно управляемые машины – автоматы (греческое слово «теле» означает «далеко»).

128

Гульельмо Маркони (1874–1937) – знаменитый итальянский ученый и изобретатель, работавший в области радиотехники.

129

Эксперименты с передачей сигналов без проводов Никола Тесла начал в 1892 году. В 1897 году он передал радиосигналы на расстояние в 40 километров и подал заявки на патенты в области радиосвязи (патенты № 645576 и № 649621). В этих патентах Тесла изложил основные принципы передаточных и приемных схем, которые применяются по сей день. 9 июля 1897 года в журнале «Электрикал ревью» было напечатано интервью с Теслой. В предисловии к интервью говорилось: «Николе Тесле удалось создать и подтвердить на практике теорию абсолютно реальной беспроводной связи. Он сконструировал передающий и принимающий аппараты, взаимодействующие друг с другом на больших расстояниях, причем работают они с удивительно малыми затратами энергии». Тесла рассчитывал, что его интервью вызовет большой резонанс и привлечет внимание финансистов, заинтересованных в развитии радио, но, к сожалению, этого не произошло. Идея передачи беспроводных сигналов на большие расстояния была для 1897 года настолько революционной, что казалась сказочной. Тогда Тесла решил устроить демонстрацию радиоуправляемой модели на Электрической выставке 1898 года в Нью-Йорке, но и эта демонстрация не привлекла ожидаемого внимания.

130

Кубинская война за независимость 1895–1898 годов между Кубой и Испанией, в которой Соединенные Штаты поддержали Кубу. Война закончилась поражением Испании.

131

Это произошло 25 августа 1898 года.

132

Эндрю Карнеги (1835–1919) – американский мультимиллионер, сталепромышленник, крупный благотворитель.

133

Справедливость восторжествовала в 1943 году, спустя всего несколько месяцев после смерти Николы Теслы. Marconi's Wireless Telegraph Company подала иск правительству Соединенных Штатов, обвиняя его в сговоре с американскими промышленниками, которые при производстве радиооборудования незаконно используют принадлежащие компании патенты. Сумма иска была по тем временам огромной – 6 000 000 долларов. Иск был рассмотрен Верховным судом США, который аннулировал американский патент, полученный Маркони в 1905 году, и вынес определение, в котором было сказано, что первым, кто открыл, что электрическая связь может осуществляться без проводов, был Никола Тесла.

134

В качестве главы Королевской академии Италии (1930–1937) Гульельмо Маркони входил в состав Большого фашистского совета, главного руководящего органа фашистской Италии.

135

В статье «Диалог с планетами», опубликованной в феврале 1901 года в журнале «Collier's Weekly», Никола Тесла писал: «воспользовавшись новейшими средствами, предложенными мною, я готов наглядно продемонстрировать, что при затратах энергии, не более 2.000 лошадиных сил, возможно передавать сигналы на другую планету, например – на Марс, столь же точно и уверенно, как мы сейчас посылаем сообщения по телеграфу из Нью-Йорка в Филадельфию… На современном уровне развития не имеется непреодолимых препятствий для создания машины, способной передавать сообщения на Марс».

Термин, придуманный Николой Теслой.

137

Речь идет о Джоне Джекобе Асторе Четвертом (1864–1912) – американском миллионере из известного клана Асторов, который погиб во время крушения «Титаника».

138

Джон Астор изобрел велосипедный тормоз, принимал участие в создании аккумуляторной батареи и двигателя внутреннего сгорания турбинного типа. В 1894 году вышел в свет фантастический роман Астора под названием «Путешествие в иные миры».

139

В 1897 году Джон Астор построил в Нью-Йорке отель «Астория», бывший в то время одним из самых роскошных отелей в мире. Отель примыкал к отелю «Уолдорф», построенному братом Джона Уильямом. Оба здания были выстроены в одном стиле и соединены переходом, ввиду чего их считали одним отелем и называли «Уолдорф-Астория». Никола Тесла жил в этом отеле с 1897 по 1920 годы. В 1929 году отель был снесен, на его месте построили знаменитый небоскреб «Эмпайр-стейт-билдинг». Современный отель «Уолдорф-Астория» был построен позже.

140

Новая Англия область на северо-востоке Соединенных Штатов, включающая в себя штаты Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Род-Айленд и Вермонт.

141

Примерно в 60 милях от тогдашних границ Нью-Йорка.

Около 81 гектара. *(Прим. ред.)*

143

«Wardenclyffe» (название, данное Теслой) созвучно словам «Warden's cliff» – «утес Уордена» *(англ.)*

144

В то время большинство ученых и изобретателей считало, что передача радиоволн возможна только в условиях прямой видимости. Маркони же считал, что электромагнитные волны способны без особых потерь мощности проходить через грунт и воду. На самом же деле эти потери весьма велики, а трансатлантическая радиосвязь оказалась возможной благодаря способности коротких радиоволн отражаться от ионосферы и таким образом огибать земной шар.

145

Около башни было выстроено одноэтажное здание лаборатории.

146

Из письма Теслы Моргану от 3 июля 1903 года: «Прошу простить меня за то, что я намеренно ввел вас в заблуждение, но у меня не было другого выхода. Если бы я рассказал вам обо всем этом раньше, то вы бы выставили меня из своей конторы…».

147

В начале XX века Никола Тесла занимался разработкой безлопастных турбинных двигателей, но успеха эти разработки не имели.

148

Речь идет о Джоне Хейсе Хэммонде-младшем (1888–1965) – американском предпринимателе и плодовитом изобретателе (более 800 патентов), известном под прозвищем «Отец радиоуправления». Был сыном Джона Хэммонда-старшего (1855–1936) – горного инженера, сделавшего состояние в Южной Африке.

149

Гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц (1849–1930) в 1897–1916 годы был статс-секретарем (министром) военно-морского ведомства Германской империи.

150

Джон Пирпонт «Джек» Морган (1867–1943) – сын и продолжатель дела Джона Пирпонта Моргана-старшего. Считалось, что Морган-младший имеет более мягкий характер, нежели его отец.

151

Турбина, запатентованная Николой Теслой в 1913 году, была безлопастной центростремительной турбиной, в которой использовался эффект трения, а не давление пара или жидкости на лопасти. Турбина Теслы представляет собой цилиндр, внутри которого находится вал, на который надето несколько дисков. Проходя через цилиндр, пар или жидкость благодаря силе трения взаимодействовали с дисками, вращая их. Тесла утверждал, что мощность турбин можно увеличивать сколько угодно, не изменяя при этом их компактных размеров.

152

Воеводина – область в Сербии, площадью в 21,5 тысяч кв. км. Будучи испокон веков населенной сербами. Воеводина входила в состав Венгерского королевства, затем – в состав Османской империи, затем – в состав Австро-Венгерской империи (1699–1918). В наше время Воеводина является автономным краем в составе Республики Сербия.

153

Балканские войны – две войны, произошедшие в 1912–1913 годах в Европе на Балканском полуострове. Первая Балканская война представляла собой войну коалиции Сербии, Болгарии, Черногории и Греции (т. н. Балканского союза) против Османской империи с целью завоевания турецких владений на Балканском полуострове. Вторая Балканская война была войной коалиции Сербии, Черногории, Греции, а также примкнувших к ней Османской империи и Румынии против Болгарии с целью передела территорий, захваченных в предыдущей войне (в ходе первой Балканской войны Болгария захватила обширные территории, на которые предъявляли претензии соседние страны). Болгарскому царю Фердинанду Первому оказывали дипломатическую поддержку германский кайзер Вильгельм Второй и австрийский император Франц-Иосиф Второй. В результате обеих войн Османская империя потеряла бо̀льшую часть своих европейских владений, Албания обрела независимость, а Болгария, Сербия, Греция и Румыния увеличили свои территории.

154

Регион в центральной части нынешней Хорватии, где родился Никола Тесла.

155

Рудольф Кристиан Карл Дизель (1858–1913) – немецкий инженер-изобретатель, создавший в 1897 году дизельный двигатель. После банкротства, вызванного финансовым кризисом 1909–1913 года, решил эмигрировать в Лондон и вел тайные переговоры с Британским адмиралтейством относительно сотрудничества. 29 сентября 1913 года Дизель отплыл из Антверпена в Лондон на пароходе «Дрезден» и в тот же день исчез. Спустя сутки бельгийские рыбаки выловили в море тело мужчины, которое они собирались доставить в порт, но не смогли этого сделать из-за шторма (перегруженная лодка могла затонуть). Перед тем как сбросить утопленника обратно в море, рыбаки сняли с его пальцев перстни, которые сын Рудольфа Дизеля опознал как принадлежавщие его отцу. В самоубийство Дизеля по причине банкротства никто не верил. Если бы Дизель намеревался покончить жизнь самоубийством, то сделал бы это гораздо раньше, сразу после банкротства. Широко распространилась версия о том, что Рудольф Дизель был убит агентами разведки германского Генерального штаба по личному указанию кайзера Вильгельма Второго, который не хотел отпускать столь ценного изобретателя к англичанам, своим потенциальным врагам. Впоследствии эта версия получила подтверждение. В конце Первой мировой войны один из пленных немецких офицеров признался в том, что он вместе с его помощником по приказу начальника Генерального штаба генерал-полковника Хельмута фон Мольтке оглушил Рудольфа Дизеля на палубе «Дрездена» и сбросил в море. Двигатель Дизеля имел важное военное значение, в первую очередь предполагалось использовать его на подводных лодках.

156

Михаил Михайлович Филиппов (1858–1903) – известный русский ученый, работавший в различных сферах (философия, математика, физика, химия, история, экономика), издатель журнала «Научное обозрение». В июне 1903 года был найден мертвым в своей лаборатории. Официальной версией стала смерть от апоплексического удара, а неофициально в смерти ученого подозревали агентов германской разведки. Филиппов занимался исследованиями электромагнитных волн и экспериментами по передаче на расстояние взрывной энергии. Накануне своей гибели Филиппов написал письмо в редакцию газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Вот отрывок из этого письма: «В ранней юности я прочел у Бокля, что изобретение пороха сделало войны менее кровопролитными. С тех пор меня преследовала мысль о возможности такого изобретения, которое сделало бы войны почти невозможными. Как это ни удивительно, но на днях мною сделано открытие, практическая разработка которого фактически упразднит войну. Речь идет об изобретенном мною способе электрической передачи на расстояние волны взрыва, причем, судя по примененному методу, передача эта возможна и на расстояние тысяч километров, так что, сделав взрыв в Петербурге, можно будет передать его действие в Константинополь. Способ изумительно прост и дешев. Но при таком ведении войны на расстояниях, мною указанных, война фактически становится безумием и должна быть упразднена. Подробности я опубликую осенью в мемуарах Академии наук…». Одним из земляков, о которых пишет Никола Тесла, мог быть хорватский историк Марко Дошен (1859–1944), родившийся в деревне Мушалук, близ Госпича. В соавторстве с Дошеном Филиппов написал книгу «Хорваты и борьба их с Австрией», которую сам же и издал в 1890 году под псевдонимом «М.Д. Билайградский».

157

Письма в тетради не было. И вообще в полученном мною от ФБР архиве Николы Теслы не было ни одного письма от Михаила Филиппова.

158

В 1941 году, после того как Югославия была разгромлена Германией, Италией и Венгрией, Воеводина, входившая в ее состав с 1918 года, была поделена между Венгрией и новосозданным государством Хорватия, а в области Банат образовалась автономная немецкая колония.

159

Генри Форд (1863–1947) – американский промышленник, основатель компании «Ford Motor Company» и плодовитый изобретатель, обладатель более 160 патентов.

160

Безлопастные турбины Николы Теслы могли работать на бензине, керосине, спирте и любом другом горючем, которое воспламенялось непосредственно в цилиндрах.

161

Автомобильный завод Форда в городе Хайленд-парк (штат Мичиган), начавший работу в 1910 году, считался в то время суперсовременным. В апреле 1913 года на этом заводе был запущен первый в мире сборочный конвейер.

162

Уильям Говард Тафт (1857–1930) – 27-й президент США (1909–1913) от Республиканской партии. Был военным министром при своем предшественнике (и друге) Теодоре Рузвельте.

163

Томас Вудро Вильсон (1856–1924) – 28-й президент США (1913–1921) от Демократической партии.

164

Речь идет о знаменитом письме Николы Теслы «Моим братьям в Америке», опубликованном американскими газетами в апреле 1942 года. «Неразделима судьба сербов, хорватов и словенцев в нашей старой отчизне, несмотря на то, что враг попытался нас разделить», – писал Тесла в своем обращении к славянам. Тесла мечтал об объединении всех народов Югославии в единое общество, но этой мечте, видимо, никогда не суждено сбыться.

165

После смерти Николы Теслы, его племянник Сава Косанович рассказывал, что в последние месяцы жизни Тесла возобновил работу над установкой, генерирующей лучи огромной разрушающей мощности (сам Тесла называл их «Teleforce»). Целью великого изобретателя было создать такую установку, которую можно было бы сразу запустить в производство. По словам Косановича, толчком к возобновлению работы над «лучами смерти» стало неслыханное злодеяние гитлеровцев, расстрелявших 21 октября 1941 года 7 000 жителей сербского города Крагуевац, среди которых было много детей и стариков, в отместку за 70 немецких солдат и офицеров, убитых югославскими партизанскими отрядами. В полученном мною от ФБР архиве Николы Теслы каких-либо документов, касающихся «лучей смерти» не было.

166

«Старым» Тесла считает «Манифест Николы Теслы», опубликованный в августе 1903 года, в котором Тесла рассказывал о перспективах своей «Мировой системы» и о своих достижениях.

167

«Dixi» переводится с латыни как «я сказал» и означает: «Я сказал все, что считал нужным сказать, и добавить мне больше нечего».

168

Речь идет о профессоре Джоне Трампе (1907–1985), дяде 45-го президента Соединенных Штатов Дональда Трампа, известном ученом, работавшим в области электротехники. Разработка и усовершенствование генераторов рентгеновских лучей было всего лишь одним из направлений работ Трампа. Его научная деятельность тесно связана с Массачусетским технологическим институтом, в котором он в 1933 году получил докторскую степень в области электротехники и был профессором с 1936 до 1973 года. После смерти Николы Теслы изучением оставшихся после него документов руководил Джон Трамп.

169

В 1896 году Никола Тесла запатентовал озоновый генератор, позволяющий получать озон в бытовых условиях, а затем усовершенствовал его, добавив регулятор, и стал производить на продажу. Некоторое время озоновые генераторы широко продавались в розницу, однако затем их применение резко пошло на спад из-за токсичности озона и выявлении ряда его побочных действий.

На самом деле для медицинских целей не требуются сверхмощные озоновые генераторы. Скорее можно предположить их использование в военных целях, например, в качестве т. н. «климатического оружия» или одного из его компонентов.

171

Речь идет о двух широко известных опытах знаменитого английского физика Майкла Фарадея, доказывающих явление электромагнитной индукции. Опыт первый: если в деревянную катушку, на которую намотана проволочная спираль, ввести магнит, то в проволоке возникнет электрический ток. Опыт второй с двумя близко расположенными катушками: если к одной из катушек подключить источник переменного тока, то в другой катушке тоже возникнет переменный ток. Я консультировался по поводу указания Теслой на опыты Фарадея у преподавателей физического факультета Белградского университета, но никто не смог хотя бы предположить, что имел в виду Тесла и какая связь может быть между опытами Фарадея и проблемой безопасного перемещения людей (живых организмов) в пространстве под влиянием сильных электромагнитных полей.

172

Здесь у Теслы ошибка. На самом деле Джеймс Максвелл скончался в возрасте 48 лет.

173

Эксперимент американских физиков Альберта Майкельсона и Генри Морли ставил целью подтвердить или опровергнуть существование мирового эфира посредством выявления «эфирного ветра» или факта его отсутствия. Согласно мнению экспериментаторов, Земля, вращаясь по орбите вокруг Солнца, полгода совершает движение относительно гипотетического эфира в одном направлении, а полгода в другом. Направление предполагалось улавливать при помощи оптического измерительного прибора – интерферометра, в котором луч света расщепляется надвое при помощи зеркала. Наблюдая в течение года за показаниями прибора, Майкельсон и Морли не обнаружили никаких изменений и решили, что раз нет эфирного ветра, то нет и эфира. Никола Тесла оспаривал выводы Майкельсона и Морли, утверждая, что мировой эфир также вращается вокруг Солнца, причем с той же скоростью, что и Земля, поэтому показания интерферометра и оставались неизменными.

Непонятно, о каких именно расчетах идет речь. В полученном мною архиве не было расчетов, посвященных оружию (ведь речь явно идет об оружии), в основу действия которого положено отражение волн. В силу того что это оружие могло действовать на сверхдальние расстояния – с территории Соединенных Штатов на территорию Европы, можно предположить, что отражателем для волн могла служить Луна.

175

Речь идет о тактическом бомбардировщике ВВС США времен Второй мировой войны Douglas B-23 Dragon.

176

Речь идет о тактическом бомбардировщике ВВС США времен Второй мировой войны Martin A-30 Baltimore.

Этот факт отражен в переписки Николы Теслы с Уильямом Уотерспуном, секретарем калифорнийского Общества Круглого Стола, которое одним из первых в Соединенных Штатах вступило в контакт с Советским правительством (дипломатических отношений между странами тогда не было). Уотерспун состоял в переписке с Лениным и посетил Советскую Россию по его приглашению.

См. примечание № 56. (*Прим. ред.*)

179

Писатель-фантаст Герберт Уэллс посетил Советскую Россию в 1920 году и встречался с Лениным. Свои впечатления от этой поездки Уэллс отразил в книге «Россия во мгле»: «Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех „утопистов“, в конце концов сам впал в утопию, утопию электрификации. Он делает все, от него зависящее, чтобы создать в России крупные электростанции, которые будут давать целым губерниям энергию для освещения, транспорта и промышленности. Он сказал, что в порядке опыта уже электрифицированы два района. Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасла торговля и промышленность? Такие проекты электрификации осуществляются сейчас в Голландии, они обсуждаются в Англии, и можно легко представить себе, что в этих густонаселенных странах с высокоразвитой промышленностью электрификация окажется успешной, рентабельной и вообще благотворной. Но осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализированная коммунистическая держава. И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего предвидения…» *(перевод В. Пастоева и И. Виккер)*.

180

В архиве Николы Теслы были найдены записи, посвященные устройству (генератор и ускоритель), которое позволяло передавать энергию на большие расстояния при помощи электронов, которые разгонялись до очень высоких скоростей. В качестве металла-передатчика Тесла собирался использовать вольфрам. Устройство, изначально предназначавшееся передачи энергии на большие расстояния, могло служить и для военных целей. В настоящее время бо̀льшая часть научных записей Теслы находится на изучении в Белградском университете. Предполагается, что по завершении изучения труды Теслы будут изданы с комментариями современных ученых. Социолог Милица Джорджевич в сотрудничестве с учеными-физиками пишет книгу, посвященную оценке изобретений и Николы Теслы в свете науки XXI века.

Первой из таких массированных бомбардировок стала бомбардировка города Кёльна, проведенная Королевскими ВВС Великобритании 30–31 мая 1942 года, т. е. спустя неделю после разговора Теслы с Джоном Трампом. В бомбардировке участвовало около 1000 самолетов. Ожидалось, что столь мощный авиаудар вынудит Германию капитулировать, но эти ожидания не оправдались.

182

Речь идет о Николае Михайловиче Синявском (1891–1938), бывшем в 1935 году начальником Управления связи РККА. Он имел звание «инженер корпуса», которое примерно соответствовало генерал-майору, поэтому Тесла называет его «генералом».

183

Для российского читателя надо пояснить, что речь идет о Петре II Карагеоргиевиче (1923–1970) – последнем югославском короле, который царствовал с 1934 года по 1945 год. С 1941 года находился в изгнании после вторжения гитлеровских войск, вызванного подписанием договора о дружбе с Советским Союзом.

184

Эта встреча состоялась в июле 1942 года. Петр II в сопровождении Савы Косановича посетил Николу Теслу в отеле «Нью-Йоркер». Довольно странно, что Тесла не написал о состоявшейся встрече ни слова в своих записках.

185

Речь идет о двусторонней подвижной телефонной радиосвязи, которой полиция Нью-Йорка пользовалась с 1933 года.

186

Видовдан – самый главный праздник у сербов, отмечаемый 28 июня. Изначально он был посвящен языческому богу Виду, но с XV века этот день стал днем памяти о знаменитом сражении между сербами и турками на Косовом поле 28 июня 1389 года. Сербская церковь в этот день чтит память святого великомученика Царя Лазаря и всех мучеников сербских. Царь (или князь) Лазарь Хребелянович, последний независимый правитель Сербии, погиб на Косовом поле и впоследствии был канонизирован.

187

Царю Лазарю турки отрубили голову, а затем изрубили в куски его мертвое тело. Отрубленную голову турки забрали в качестве трофея, и она по сей день находится в Турции. Несмотря на многократные требования, турки отказываются вернуть сербам голову их последнего царя. Святые мощи Лазаря хранятся в сербском монастыре Раваница, расположенном близ Косова поля (не надо путать его с современным Косово). Согласно преданию, Сербия обретет былую мощь лишь после того, как голова царя Лазаря будет воссоединена с его телом.

188

Полное название – отель «Губернатор Клинтон».

Вероятнее всего, речь идет об Агнесс Джонсон, дочери друзей Теслы Роберта и Кэтрин Джонсонов. Судьба копии, о которой идет речь, неизвестна. После смерти Николы Теслы Джон Трамп забрал коробку, оставленную покойным на хранение в сейфе отеля «Губернатор Клинтон», но, по его словам, обнаружил в ней только старый, не представляющий интереса прибор. Кто подменил вложение и было ли оно вообще подменено, так и осталось тайной.

Слово «отражались» Тесла дважды подчеркнул.

191

Джон Дж. О'Нил (1889–1953) – известный американский журналист, друг и биограф Николы Теслы, автор книги «Гений, бьющий через край: Жизнь Николы Теслы» (John J. O'Neill, «Prodigal Genius: The Life of Nikola Tesla»).

К огромному сожалению, после смерти Николы Теслы другие люди приложили усилия к тому, чтобы его бесценный архив не дошел бы до нас с вами в полном виде.

Так оно и было, во второй половине 1942 года в «The New York Times» не было статей о Николе Тесле.

Никола Тесла, будучи сербом по рождению и восприятию, являлся патриотом Югославии и рассматривал сербов, хорватов и словенцев как представителей единого народа с общей культурой, общими предками и общими целями.

195

В течение многих лет Никола Тесла имел привычку ежедневно кормить голубей на площади перед Нью-Йоркской публичной библиотекой.

196

Вне всякого сомнения, Тесла имеет в виду поход подразделений Народно-освободительной армии Югославии в Боснийскую Краину в июне – августе 1942 года. В результате похода была освобождена значительная территория, включавшая в себя города Коньиц, Бугойно, Ливно и др.

Время показало, что те противоречия, которые Тесла называл «небольшими», на самом деле оказались весьма большими. К сожалению.

В СССР этот фронт называли «вторым».

199

Уильям Аверелл Гарриман (1891–1986) в 1941–1943 годах был специальным представителем президента Соединенных Штатов в Великобритании и СССР, а затем стал послом Соединенных Штатов в СССР.

200

«Ось Рим – Берлин», или «гитлеровская коалиция», – название военного союза гитлеровской Германии, Италии, Японии, а также ряда других государств.

201

Речь идет о Федеральном бюро расследований США.

202

В годы Второй мировой войны в Соединенных Штатах существовало несколько общественных организаций, занимавшихся помощью югославским партизанам, ведущим борьбу с фашистами. Оружие, медикаменты, деньги переправлялись в основном через тайные базы в Греции.

203

Это единственная запись в мемуарах Николы Теслы, снабженная указанием места, где она была сделана.

204

Михаил Идворский Пупин (1858–1935) – сербский ученый-физик и изобретатель. Прославился открытием способа увеличения дальности передачи телеграфных и телефонных сообщений по кабелям при помощи увеличения их индуктивности, который в его честь назвали «пупинизацией». Был профессором Колумбийского университета, а также консулом Королевства Сербии в Нью-Йорке.

205

Михаил Пупин был одним из основателей Национального консультативного комитета по воздухоплаванию Соединенных Штатов (1915).

206

Французские физики Шарль Фабри и Анри Буиссон в 1912 году при помощи спектроскопических измерений ультрафиолетового излучения доказали существование озонового слоя атмосферы.

207

Тесла имеет в виду отказ от участия в проекте «Радуга».

В полученном мною архиве тетради с таким названием не было. Можно предположить, что расчеты Николы Теслы использовались и используются в первую очередь в попытках создания климатического оружия. Об этом виде оружия нет пока достоверных сведений, но многое, в том числе и участившиеся в последнее время природные (природные ли?) аномалии, наталкивают на мысль о возможности его существования. Горько сознавать, что последний дар великого ученого и гуманиста используется не на благо человечества, а во вред ему.

209

Эдвард Хибберд Джонсон (1846–1917) был деловым партнером Эдисона. Получил известность как создатель электрического освещения рождественской елки (за что получил прозвище «Father of Electric Christmas»).

210

Фрэнк Джулиан Спрэйг (1857–1934) – известный американский изобретатель, начавший свою карьеру в качестве морского офицера. Спрэйг достиг больших успехов в усовершенствовании электрических двигателей и электрического рельсового транспорта. Также он изобрел электрический лифт.

То есть с признания существования мирового эфира.

212

В Сербии и Хорватии это имя знакомо всем, но для российского читателя надо пояснить, что Вук Стефанович Караджич (1787–1864) был выдающимся сербским лингвистом, создавшим на основе герцеговинского диалекта современный сербский язык и сербскую кириллическую письменность.

213

Война в Хорватии, длившаяся с марта 1991 года по ноябрь 1995 года, была вызвана выходом Хорватии из состава Союзной Республики Югославии. Война, которую сами хорваты называют «отечественной», закончилась победой хорватов над частями Союзной Республики Югославии и сербским ополчением и образованием Республики Хорватия.